В. В. Сиповскій.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Часть I.—Вып. I.

(НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ).

Изданіе седьмое.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.
1913.

Гессенъ

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ I.

ВЫПУСКЪ I.

(НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ).

СОСТАВИЛЪ

В. В. [illegible]

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ.

[illegible]

[illegible]

Гесенъ

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Часть I.

Выпускъ I.

(НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ).

СОСТАВИЛЪ

В. В. Сиповскій.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ.

Изданіе 2-ое **допущено** Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго **руководства** въ мужскія и женскія гимназіи и реальныя училища Министерства Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія оно допускается въ качествѣ руководства и въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. и въ женскія гимназіи Вѣдомства Императрицы Маріи Θеодоровны.

Цѣна 60 коп. въ перепл.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.
1913.

Типографія Шредера. Гороховая, 49.

5/VII—1/VIII 1913 г. Напечатано 10.000 экз.

Гессинъ

Предисловіе къ 2-ому изданію.

Выпуская въ свѣтъ 1-ый вып. I-ой части моей „Исторіи русской словесности“ *вторымъ* изданіемъ, я считаю своимъ долгомъ выразить свою признательность всѣмъ тѣмъ, кто печатно, или устно, указалъ мнѣ пробѣлы *перваго* изданія этой книги. Особенно цѣнны были для меня указанія проф. А. С. Архангельскаго, проф. В. М. Истрина, проф. И. А. Шляпкина, гг. И. Ѳ. Анненскаго, В. В. Каллаша, Е. А. Ляцкаго, А. І. Лященко, М. В. Трофимова и др.

Главнѣйшія измѣненія, сдѣланныя мною, согласно указаніямъ названныхъ лицъ, сводятся—1) къ упрощенію и исправленію стиля (уничтоженіе иностранныхъ терминовъ),—2) почти совершенному устраненію ссылокъ на фамиліи изслѣдователей, что, по указанію нѣкоторыхъ критиковъ, слишкомъ пестрило изложеніе моей книги именами, неизвѣстными ученикамъ и потому мало имъ говорящими,—3) къ сокращенію нѣкоторыхъ отдѣловъ и къ расширенію другихъ (прибавлены вводные §§, заключеніе и цѣлый отдѣлъ: „Зачатки русской народной драмы“—очеркъ, спеціально-написанный для моей книги Н. Н. Виноградовымъ на основаніи ему принадлежащихъ и пока еще необнародованныхъ матеріаловъ.

Составитель.

Гессинъ

Предисловіе къ 1-ому изданію.

Предоставляя на судъ спеціалистовъ-преподавателей свою работу, я желалъ бы, чтобы она принесла, хотя нѣкоторую пользу нашей обновляемой школѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ печально поставлено у насъ школьное изученіе народной поэзіи: въ большинствѣ случаевъ, ни интереса, ни любви этотъ важный отдѣлъ у молодежи не возбуждаетъ; въ учебникахъ излагается онъ сжато, даже скомканно, тоже безъ всякаго интереса и любви, безъ малѣйшаго желанія освѣжить старый, давно изношенный матеріалъ, безъ попытки внести въ освѣщеніе, этого матеріала „новое слово". Мнѣ хотѣлось бы, хотя до нѣкоторой степени, восполнить этотъ пробѣлъ своею работою. Въ ней я не маскировалъ своей любви къ народному творчеству тѣмъ сухимъ и безличнымъ изложеніемъ, которое обычно въ нашихъ учебникахъ; я не побоялся внести въ этотъ элементарный курсъ, и „немножко учености", съ цѣлью показать ученикамъ, какъ изучается народное творчество, какъ оно сложно, богато и разносторонне по своимъ пріемамъ, содержанію и настроеніямъ; я сознательно не избѣгалъ ссылокъ на имена русскихъ изслѣдователей – чтобы показать, сколько почтенныхъ русскихъ людей свою жизнь отдали и отдаютъ на изученіе народной поэзіи...

Новая программа, опубликованная въ „Журналѣ М. Н. Пр." (Іюль—Августъ 1905 г.), ясно преслѣдуетъ относительно народной поэзіи одну цѣль—поднять въ школѣ интересъ къ ней и любовь. Мнѣ кажется, достигнуть этого можно только внесеніемъ въ обиходъ школы новыхъ требованій, обновленіемъ матеріала, измѣненіемъ

пріемовъ изученія. Естественно, что всякій новый учебникъ, составленный примѣнительно къ новому положенію вещей, долженъ имѣть на первыхъ порахъ недостатки, которые могутъ выясниться только на практикѣ. Говоря о своей работѣ, я признаюсь, что такимъ недостаткомъ кажется мнѣ, напримѣръ, его объемъ. Но вѣдь никто не мѣшаетъ г. преподавателю сокращать учебникъ въ предѣлахъ программныхъ требованій, выбрасывать цѣлыя страницы. Если эти *пропущенныя* мѣста будутъ прочтены, хотя-бы, 2—3 учениками—они, м. б., свое дѣло сдѣлаютъ,—задѣнутъ молодую любознательность,—и моя цѣль будетъ достигнута. Школа должна давать не только знаніе (я даже сказалъ бы: *не столько* знаніе), но и *интересъ* къ знанію. Знаніе улетучивается быстро, а интересъ дѣлается потребностью души, внѣдряется и не умираетъ...

Я былъ бы счастливъ услышать о своей работѣ отзывы спеціалистовъ, которые попытались бы воспользоваться моей книгой, какъ классным руководствомъ, и могли бы, на основаніи личныхъ наблюденій, высказаться о желаемыхъ измѣненіяхъ, сокращеніяхъ и дополненіяхъ.

Если состоится слѣдующее изданіе книги, я съ благодарностью воспользовался-бы всѣми сдѣланными мнѣ указаніями *).

Настоящій учебникъ находится въ тѣсной связи съ „Исторической Хрестоматіей“ (въ 3-хъ томахъ), которая стала выходить частями и выпусками съ начала этого учебнаго года (1905). Въ хрестоматію отнесъ я весь матеріалъ, въ учебникѣ оставилъ лишь примѣры. Обѣ работы поддерживаютъ одна другую.

При составленіи этого учебника я, главнымъ образомъ, воспользовался работой проф. Владимирова: „Введеніе въ исторію русской словесности“, а также трудами ак. Буслаева, А. Веселовскаго, Жданова и мн. др.

Составитель.

---

*) Отзывы въ письмахъ, или печатныхъ оттискахъ прошу выслать: Спб. Загородный, д. 26.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

---

§ 1. *„Языкъ", „словесность", „письменность" и „литература".* Уже на первой ступени общественнаго развитія люди стали стремиться къ тому, чтобы выработать способы общенія между собой. Прежде всего, нужно было установить возможность взаимнаго пониманія, — безъ этого немыслима была никакая общественная жизнь. И вотъ, для выраженія своихъ мыслей и чувствъ, люди стали прибѣгать къ помощи *мимики*, или *слова*. Изъ этихъ двухъ способовъ общенія наиболѣе совершеннымъ является второй, т. е. *словесный*. Но онъ доступенъ былъ только членамъ такихъ группъ человѣческаго рода, которыя, вслѣдствіе племеннаго родства и жительства въ одной мѣстности, привыкли согласно называть всѣ одинаковыя понятія одинаковыми словами. „Слово", какъ способъ общенія.

Совокупность словъ, находящихся въ пользованіи у одной группы человѣческаго рода, называется *языкомъ* этой группы, а самая группа, которая выработала такое согласное наименованіе однихъ и тѣхъ же понятій, называется „народомъ". „Языкъ" и „народъ".

Тѣсная связь этихъ двухъ понятій („языкъ" и „народъ") настолько очевидна, что даже въ старину, для обозначенія ихъ, наши предки одинаково называли оба понятія словомъ: „языкъ".

Жизнь первобытнаго человѣка была небогата словами, такъ какъ она развертывалась въ кругу очень немногочисленныхъ понятій. Чѣмъ культурнѣе дѣлается народъ, чѣмъ больше у него вырабатывается „понятій", чѣмъ больше у него „словъ" — тѣмъ богаче и его „языкъ". Развиваясь параллельно съ развитіемъ народа, отражая на себѣ расширеніе и углубленіе его міросозерцанія, языкъ дѣлается выраженіемъ „духа" народа. Вотъ почему, пока народъ сохраняетъ свой языкъ, онъ продолжаетъ жить своею особою жизнью, хотя бы его покорилъ другой народъ. Но если на- Зависимость „языка" отъ степени культуры.

роду-побѣдителю удастся отучить его отъ употребленія родного ему языка, онъ окончательно исчезнетъ, какъ „народъ".

„Искусство" и „даръ" рѣчи.

Правильное и красивое пользованіе знаніемъ языка для выраженія чувствъ и мыслей называется „искусствомъ рѣчи", или „даромъ рѣчи". Хорошія качества рѣчи зависятъ — 1) отъ правильнаго сочетанія „понятій", т. е. другими словами, отъ правильности „сужденій",—2) отъ умѣнія найти этимъ сужденіямъ точное и ясное словесное выраженіе,—3) отъ умѣнія правильно, въ логическомъ отношеніи, соединять эти сужденія, выраженныя словами, въ умозаключенія и — 4) отъ умѣнія этимъ правильнымъ сочетаніямъ сужденій найти соотвѣтствующую имъ „форму" (проза или поэзія), придать имъ наиболѣе подходящій „видъ" (повѣствованіе, описаніе и пр.). Поэтому словеснымъ произведеніемъ называется такое правильное сочетаніе сужденій, которое объединено одной основной идеею, имѣетъ опредѣленную словесную „форму" и относится къ опредѣленному „виду" поэтическаго творчества.

Словесное произведеніе.

Проза и поэзія.

Если цѣль словеснаго произведенія чисто практическая (доказать какую-нибудь мысль, дать знаніе), то оно будетъ относиться къ области *прозы*. Если оно цѣлямъ практическимъ не служитъ и, главнымъ образомъ, должно дѣйствовать на воображеніе слушателя, оно отличается картинностью изложенія, и будетъ *поэтическимъ*.

Происхожденіе письменности.

Еще первобытные люди догадались при помощи (рисунковъ или чертежей) наглядно обозначать „понятія"; на болѣе высокой степени развитія люди додумались до обозначенія отдѣльныхъ звуковъ условными знаками,—„*письменами*", или *буквами*. Всѣ тѣ словесныя произведенія, которыя создаются при помощи письменности, называются *письменными* словесными произведеніями, или просто *письменностью*.

Литература.

Искусство „книгопечатанья" ввело въ общее употребленіе еще третій терминъ—„*литература*" (отъ латинскаго слова littera—буква). Въ предѣлы этого понятія входятъ всѣ словесныя произведенія, выраженныя при помощи печати. Впрочемъ, понятіе „литература" теперь такъ расширилось, что имъ пользуются (неправильно) для обозначенія даже устныхъ народныхъ произведеній. Благодаря практичности своей, книгопечатаніе вытѣснило менѣе удобные способы сохраненія произведеній (при помощи устной передачи и письменности)—оттого литература *въ широкомъ смыслѣ этого слова*, т. е. совокупность всѣхъ *печатныхъ* произведеній народа, является мѣриломъ его культурнаго состоянія.

Въ узкомъ смыслѣ слова, „литературой" извѣстнаго народа называется совокупность исключительно „изящныхъ" произведеній „словесности", т. е. „поэтическихъ сочиненій", выраженныхъ при помощи печати. Въ этомъ смыслѣ понимаетъ „литературу" проф. Ор. Миллеръ, говоря, что „народъ, имѣющій исторію", т. е. „народъ историческій", не только имѣетъ языкъ, но и умѣетъ сдѣлать изъ него самое полное, многостороннее и высокое употребленіе,—умѣетъ сдѣлать изъ него то употребленіе, которое производитъ сперва словесность, а потомъ и *литературу*. Чѣмъ выше стоитъ народъ въ исторіи человѣчества, тѣмъ замѣчательнѣе и его литература. И наоборотъ—если литература народа еще бѣдна, то онъ мало еще сдѣлалъ для исторіи; чѣмъ болѣе богатѣетъ литература, тѣмъ многозначительнѣе становится жизнь народа. Такимъ образомъ, литература есть важное мѣрило достоинствъ и историческаго значенія народовъ.

Зависимость литературы отъ степени культуры.

Само собой разумѣется, что каждый историческій народъ вырабатываетъ прежде всего „начала" языка. Только послѣ этого возможно словесное творчество—созданіе произведеній словесности. „Письменность" и „литература" явились позднѣе, — онѣ были усовершенствованіемъ способовъ сохраненія словесныхъ произведеній. Конечно, оба эти способа оказали сильное вліяніе и на самый характеръ творчества; — между народнымъ „поэтомъ-пѣвцомъ" и современнымъ „литераторомъ"—огромное разстояніе.

§ 2. *Славяне, ихъ бытъ до принятія христіанства.* Славяне принадлежатъ къ арійской расѣ; изъ всѣхъ родственныхъ имъ племенъ (въ Азіи—индусы, иранцы, арияне; въ Европѣ—греки, италійцы, кельты, германцы) славяне ближе всего подходятъ къ литовцамъ; вмѣстѣ съ ними славяне явились послѣдними въ Европу изъ Азіи. Сперва они поселились по Дунаю; послѣ IV-го вѣка по Р. Хр. они двинулись къ Карпатамъ и на югъ, на Балканскій полуостровъ. Подвергаясь постояннымъ нашествіямъ [1]), славяне долго не могли окончательно осѣсть на одномъ мѣстѣ,—только къ IX вѣку, славяне обосновались, болѣе или менѣе, прочно приблизительно въ предѣлахъ той территоріи, которую занимаютъ и теперь. Въ это время они уже разбились на три группы: a) западные славяне (чехи, моравы и поляки), b) южные (сербы, хорваты и болгары), и—c) восточные, или русскіе славяне. Въ зависимости отъ тѣхъ мѣстностей, которыя были ими заняты, и культурное развитіе разныхъ славянскихъ племенъ отличалось различною быстротой и различнымъ характеромъ. Въ то время, какъ чехи и поляки близко соприкоснулись съ болѣе цивилизованнымъ запа-

Славяне-арійцы.

Дѣленіе славянъ по племенамъ.

---

[1]) Съ III в. послѣ Р. Хр. готы, — съ Балтійскаго моря; въ IV вѣкѣ гунны, народъ туранскаго племени; въ VI—VII в. авары (обры), народъ того же племени.

домъ, нѣкоторыя племена восточныхъ славянъ, затерянныя въ лѣсахъ восточной Россіи, встрѣтились только съ дикарями-финнами. Неудрено, что различныя славянскія племена, при такихъ условіяхъ, должны были скоро потерять единство языка, нравовъ и міросозерцанія. Между тѣмъ, несомнѣнно, этимъ единствомъ они отличались тогда, когда явились въ Европу и стояли на одной и той же ступени культурнаго развитія.

Ступени развитія первобытныхъ народовъ. „Матріархальный бытъ".

Первобытные народы знаютъ въ своемъ развитіи нѣсколько ступеней. Первая форма всякой общественной жизни выражается въ совмѣстномъ существованіи отдѣльными группами, всѣ члены которыхъ соединяются кровной связью. Каждая такая группа жила сначала общею и безпорядочною жизнью, не зная, чтб такое «семья» (отсутствіе понятій: «мужъ» и «жена», «отецъ» и «дѣти», «братъ» и «сестра») и «собственность»; свое существованіе она поддерживала охотой и рыболовствомъ. На этой ступени развитія женщина-*мать* играла особенно важную роль: прикованная заботами о дѣтяхъ къ, болѣе, или менѣе, опредѣленному жилью (дупло, пещера, шалашъ), она одна заботилась о кормленіи дѣтей до ихъ зрѣлости, приготовляла необходимые предметы первобытнаго обихода. Она сама распоряжалась въ своемъ жилищѣ,—мужчины, проводившие время въ лѣсахъ, на охотѣ, не были хозяевами въ ея убогомъ жилищѣ,—они были скорѣе гостями. Такъ какъ понятія «семья» еще не было, то и дѣти не знали отца и признавали власть только матери. Этотъ періодъ жизни первобытнаго человѣка называется *матріархальнымъ* (т. е. періодомъ главенства женщины-матери).

Увеличеніе народонаселенія, сокращеніе территоріи для охоты, быть можетъ, уменьшеніе дичи, заставляли эти первобытныя общественныя группы изыскивать, кромѣ охоты, другіе способы существованія: прирученіе дикихъ животныхъ привело къ *скотоводству*,—искусственное разведеніе съѣдобныхъ растеній привело къ *земледѣлію*.

„Патріархальный бытъ".

Если охота и скотоводство связаны были еще съ кочевымъ образомъ жизни, то земледѣліе сдѣлало людей *осѣдлыми*. Оно приковало мужчинъ къ жилью, и тогда главенство въ домѣ перешло въ ихъ руки. Во главѣ каждой такой группы родственниковъ становится теперь *патріархъ*, старшій въ родѣ,—мудрый, опытный охотникъ, скотоводъ и земледѣлецъ. Эта вторая ступень развитія общественной жизни называется *патріархальнымъ бытомъ* (главенство отца). Власть такого патріарха была неограниченной, и женщина потеряла, въ этотъ періодъ, свое прежнее значеніе, мало-по-малу, обратившись въ «собственность» мужчины,—въ работницу, въ исполнительницу его велѣній. Имѣя жилище, скотъ, поле, мужчина не только беретъ себѣ женъ изъ своего «рода», но крадетъ *для себя* женщинъ изъ чужого рода; такая женщина дѣлается «рабыней». На этой ступени развитія уже складываются понятія «собственности» и «семьи».

„Религія родовая".

Патріархальный образъ жизни, основанный на уваженіи къ главѣ рода, создалъ *почитаніе душъ предковъ*. Каждый «родъ» почиталъ своего родоначальника, и, идеализируя его мудрость, доблесть, создавалъ около него и въ честь его фантастическія сказанія-«миѳы». Съ теченіемъ времени, такая идеализація обращала родоначальника въ сверхъестественное

Божества добрыя.

существо,—въ *доброе божество*, покровительствующее своему роду и вредящее всѣмъ врагамъ этого рода.

Кровавая вражда, существовавшая тогда между отдѣльными «родами», породила въ умахъ первобытныхъ людей, принадлежащихъ одному роду, представленіе, что родоначальники *другихъ* родовъ—*божества злыя*. Изъ такого заключенія, естественно, слѣдовала мысль о возможности вражды между божествами «добрыми» и «злыми». Такимъ образомъ, борьба земная переносилась воображеніемъ первобытнаго человѣка и въ міръ неземной,—«потусторонній». Отсюда вѣра въ возможность борьбы между богами. Божества злыя.

Естественно, что представленіе жизни, какъ вѣчной борьбы, очень давно перенесено было и на *міръ природы*,—въ ея явленіяхъ первобытный человѣкъ увидѣлъ такое же проявленіе доброй и злой воли. Солнце, дающее свѣтъ и тепло, представлялось добрымъ божествомъ, явленія грозовыя (тучи, вихрь, гроза)—злыми божествами, враждебными солнцу. Такъ, рядомъ съ «*родовой религіей*», по ея образцу, складывалась «*религія природы*». Возникновеніе „религіи природы".

Чѣмъ культурнѣе дѣлались люди, тѣмъ сильнѣе развивался у нихъ интересъ къ природѣ и ея явленіямъ. Особенно, къ этому ихъ принуждали занятія земледѣліемъ. Этотъ интересъ къ природѣ способствовалъ развитію «религіи природы».

Когда въ силу бо́льшей скученности населенія отдѣльныя родовыя группы стали соединяться въ болѣе сложныя общественныя единицы, «роды» перестали существовать обособленно и образовали изъ себя группы «родовъ»—сельскія общины,—тогда *родовой* бытъ смѣнился *общиннымъ*. Такое сліяніе «родовъ» въ болѣе сложныя общественныя группы должно было вести къ постепенному уничтоженію всѣхъ частныхъ особенностей «родовой» жизни,—вмѣстѣ съ этимъ, постепенно слабѣла «религія родовая» (почитаніе предковъ), и, мало-по-малу, смѣнялась религіей болѣе общаго характера—«религіей природы».

Исторія застаетъ славянъ въ періодъ патріархально-бытового періода; они представляли собою родовые союзы, во главѣ которыхъ стояли старѣйшины. Занимались славяне звѣроловствомъ, рыболовствомъ, также скотоводствомъ, пчеловодствомъ, отчасти земледѣліемъ. Изъ русскихъ славянъ самыми культурными были «поляне», жившіе по Днѣпру: въ то время, какъ у нихъ рано сложились правильныя семейныя отношенія,—древляне, напримѣръ, по словамъ лѣтописца, жили еще «звѣринскимъ» образомъ. Объясняется это тѣмъ, что поляне поселились въ мѣстности, выгодной въ историко-культурномъ отношеніи: Днѣпръ былъ великимъ воднымъ путемъ, соединявшимъ Балтійское море съ Чернымъ—вслѣдствіе этого культурныя воздѣйствія шли на полянъ съ сѣвера и съ юга. Кромѣ того, тяготѣніе населенія къ берегамъ Днѣпра очень скоро создало здѣсь бо́льшую скученность населенія и этимъ ускорило процессъ общественнаго развитія. Оттого поляне раньше другихъ племенъ перешли къ земледѣлію, раньше другихъ родовой бытъ смѣнили общиннымъ, раньше другихъ оформили свою жизнь обычаями и обрядами, опредѣляющими общественныя отношенія. Бытъ славянъ. Поляне—самое культурное племя.

Ширина предѣловъ русской земли была одной изъ главныхъ причинъ отсталости нашей культуры отъ западно-европейской. Тамъ тѣснота территорій заставляла людей скорѣе сближаться и, благодаря этому, быстрѣе развивать формы жизни общественной и государственной. Причины культурной отсталости восточныхъ славянъ.

Самый характеръ русской равнины, не представлявшей серьезныхъ препятствій вторженіямъ азіатскихъ народовъ, тоже помѣшалъ свободному и правильному развитію славянъ. Кромѣ того, народы западной Европы заняли свои территоріи въ такихъ частяхъ Европы, по которымъ прошлась уже культивирующая рука Рима. Латинская культура помогла западноевропейскимъ народамъ создать и языкъ, и религію, и государство. Русскіе же славяне на восточноевропейской равнинѣ встрѣтили только финновъ,—племя, въ культурномъ отношеніи, стоявшее еще ниже ихъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ Римъ на западѣ Европы создалъ почву, на которой безъ труда расцвѣла молодая культура варваровъ, вліянія Византіи не лежали въ основѣ славянской цивилизаціи: восточные славяне осѣли на дѣвственной почвѣ и были принуждены съ самаго начала своей исторіи развивать *свою* культурную жизнь; вліянія византійскія явились извнѣ и позднѣе, были случайными, поверхностными и *массы* не затронули. Только послѣ принятія христіанства цивилизующее вліяніе Византіи стало сказываться опредѣленно въ созданіи *русской интеллигенціи*, въ развитіи формъ жизни, государственныхъ и общественныхъ. Тогда создалась русская церковь и русская письменность. Народная масса очень долго жила въ сторонѣ отъ этихъ вліяній «высшей» культуры, и творчество ея попрежнему выражалось въ созданіи произведеній устной поэзіи.

Народная поэзія „безлична“, объективна.

§ 3. *Особенности народной поэзіи.* «Устными народными произведеніями» называются такія, которыя создаются народомъ и сохраняются въ его памяти путемъ устной передачи. Одинаковый образъ жизни, простота жизни, создавали въ народѣ полное тожество міросозерцанія. Понятно, что и произведенія, созданныя въ этой средѣ, могли выражать только мысли и чувства, однородныя и доступныя *общему* пониманію. Народная

Творецъ пѣсни.

пѣсня первоначально слагается, конечно, какимъ-нибудь однимъ поэтомъ, но имя его не сохраняется. Это происходитъ потому, что произведеніе, немедленно послѣ сочиненія переходя въ уста другихъ пѣвцовъ,—этихъ «пѣвцовъ-передатчиковъ» повторяется, ими уже, какъ ихъ собственное произведеніе; тогда понятіе «собственности» вообще не было еще яснымъ,—тѣмъ менѣе сознаніе собственности могло простираться на поэтическое творчество. Оттого каждое устное произведеніе народной поэзіи принадлежало всему народу, являлось его вѣковѣчнымъ достояніемъ.

„Личное“ и „безличное“ въ народной поэзіи.

Если въ этомъ произведеніи и было что-нибудь *личное*, то каждый изъ «передатчиковъ» это личное сглаживалъ, «приспособляясь» по вкусамъ массы. Такимъ образомъ, — 1) народный пѣвецъ, выдававшійся талантами изъ массы, но въ умственномъ и нравственномъ отношеніи стоявшій на одномъ съ нею уровнѣ, могъ создать лишь то, что было доступно пониманію народа, и потому это творчество называется безличнымъ—и

Коллективное творчество.

2) если этотъ народный пѣвецъ создавалъ произведенія личныя, превышавшія уровень пониманія массы, то они—или были обречены на гибель, т. к. народъ ими не интересовался, — или народомъ передѣлывались на свой вкусъ во время устной передачи. Въ этомъ смыслѣ, народная поэзія и называется результатомъ *коллективнаго* творчества, т. е. творчества собирательнаго.

Индивидуализація поэзіи.

Народная поэзія у всѣхъ народовъ переживаетъ одинаковую судьбу: съ развитіемъ общественной жизни «личность» постепенно выбивается изъ-

подъ власти массы—*индивидуализируется*, и тогда, рядомъ съ безличнымъ творчествомъ, является *личное*. Этому выдѣленію личности особенно помогаетъ письменность, которая дѣлаетъ творца и его произведеніе независимыми отъ вліянія народа; съ распространеніемъ письменности, для сохраненія произведенія нѣтъ уже надобности въ памяти народа, — это спасаетъ произведенія отъ коллективнаго творчества массы.

Кромѣ *индивидуализаціи* народная поэзія знаетъ еще другое измѣненіе: съ развитіемъ культуры, масса, однородная сначала, разбивается на нѣсколько общественныхъ группъ (сословія); у каждой такой группы является свое творчество (земское, дружинное). Вліянія, идущія извнѣ, изъ чуждыхъ странъ, также отражаются на народномъ творчествѣ: однѣ группы остаются со своимъ національнымъ творчествомъ,—другія тянутся къ чужой культурѣ и чужой поэзіи.

Специализація поэзіи.

Денаціонализація поэзіи.

Русскіе славяне, еще до принятія христіанства, имѣли богатую народную поэзію; но, такъ какъ различныя племена русскихъ славянъ стояли на разныхъ ступеняхъ развитія, то и въ ихъ творчествѣ отразились разные моменты культурнаго развитія человѣчества [1]).

§ 4. *Судьбы народной поэзіи*. Русская народная поэзія не знала свободнаго развитія. Постоянныя вліянія извнѣ задерживали ея жизнь. Прежде всего христіанство особенно сильно помѣшало ея самостоятельному и свободному развитію, т. к. духовенство гнало ее, какъ потѣху «сатанинскую»,—наслѣдіе стараго язычества. Вліянія Византіи тоже сильно задержали ея развитіе, подчинивъ лучшую частъ общества культурной жизни на иностранный ладъ, оторвавъ ее навсегда отъ стараго народнаго міросозерцанія и творчества. Съ XVI в., особенно съ XVII вѣка, начинается вліяніе Запада, и опять, какъ при Владимірѣ Святомъ, въ русскомъ обществѣ начинается расколъ,—«верхи» его, интеллигенція, потянулись къ Западу, «низы»—народъ, попрежнему остались со своей старой поэзіей. При Петрѣ Великомъ расколъ этотъ увеличивается: поддаваясь вліянію то нѣмецкой культуры, то французской, то англійской, русское общество, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, еще дальше отошло отъ народа, чѣмъ это было въ XVII в. Но въ этомъ-же XVIII в., въ изящной литературѣ все яснѣе и яснѣе пробивается струя «народничества»,—пишутся подражанія народной пѣснѣ, старыя сказки и былины передѣлываются въ романы, въ театральныхъ пьесахъ выводится народъ. Къ концу вѣка «народничество» въ литературѣ сказалось уже настолько ярко, что захватило многихъ выдающихся писателей. Пушкинъ въ своемъ творчествѣ сумѣлъ органически слить всѣ тѣ настроенія, которыми жилъ XVIII вѣкъ, и «народничеству» онъ въ своей поэзіи, какъ извѣстно, отвелъ большое мѣсто. Послѣ него дѣло слиянія изящной литературы съ народнымъ творчествомъ развилось широко и блестяще: имена Кольцова, Никитина, Некрасова, Алексѣя Толстого и мн. другихъ—лучшее тому доказательство. Не безъ вліянія поэзіи и наша музыка стала сближаться съ народной,—если интересъ къ мелодіи народной пѣснѣ не умиралъ въ теченіе XVIII в., то въ XIX столѣтіи можно насчитать, на-

Особенности развитія русской народной поэзіи.

a) Послѣ крещенія.

b) Въ XVII в.

c) При Петрѣ В.

d) Народничество въ XVIII в.

e) Народничество въ XIX в.

---

[1]) Очевиднѣе всего это сказалось на свадебной поэзіи, которая до нашихъ дней сохранила слѣды нѣсколькихъ культурныхъ моментовъ.

чиная съ Глинки, немало композиторовъ, которые всѣ жадно прислушивались къ народной поэзіи и черпали изъ нея вдохновеніе и сюжеты для своихъ музыкальныхъ произведеній. Въ наши дни и живопись (напр. Васнецовъ), часто пользуется сюжетами изъ русскихъ сказокъ, русскихъ былинъ, легендъ...

Значеніе народа въ исторіи XIX в.

Весь XIX-ый вѣкъ представляетъ собою удивительную картину постепеннаго сліянія двухъ разрозненныхъ половинъ русскаго общества. Интеллигенція изучаетъ народъ, изображаетъ его, освобождаетъ, учитъ и учится у него (Л. Толстой, Достоевскій), — народъ тянется къ интеллигенціи, учится у нея, подражаетъ ей,—въ лучшемъ случаѣ, выдѣляя изъ себя талантливыхъ людей на поприще науки и искусства—въ худшемъ, останавливаясь на подражаніи внѣшнему лоску культуры.

Необходимость изучать нар. поэзію.

Творчество народа обильно и разностороннее. Иностранцы удивляются художественности, свѣжести и богатству настроеній русской народной поэзіи,—но мы, русскіе люди, мало знаемъ, мало цѣнимъ ее. Для многихъ изъ насъ и теперь иностранная литература знакома лучше родной, русской,—что же говорить о знаніи той *пѣсни*, которую поетъ простой *мужикъ*! Это «незнаніе народа» — великій грѣхъ передъ родиной. Конечно, одна школа не можетъ брать на себя смѣлой задачи—исправить грѣхъ, вѣками накопившійся на русской интеллигенціи. Но школа, при помощи учителя и учебника, можетъ развить интересъ, можетъ направить молодое поколѣніе на путь взаимнаго пониманія и взаимнаго уваженія народа и интеллигенціи. Только на этомъ пути возможно то великое строеніе національнаго дѣла, которое создавало сильныя государства, съ одной душой, съ однимъ сердцемъ.

Народная поэзія—лучшее средство узнать народъ.

§ 5. *Значеніе народной поэзіи.* Народная поэзія—это лучшее, наиболѣе легкое и пріятное средство заглянуть въ жизнь простого русскаго человѣка. Пѣсня, которую поетъ мать надъ колыбелью своего ребенка, шаловливыя пѣсенки дѣтей, въ которыхъ сохраняются слѣды глубокой языческой старины, пѣсни бытовыя, часто безконечно-глубокія по мысли и чувству, часто и «неприличныя», съ нашей точки зрѣнія, то шутливыя и грустныя, то серьезныя-обрядовыя, то безшабашныя-плясовыя,—наконецъ, вся свадебная «игра» и похоронная,—все это такъ полно охватываетъ *всю* жизнь народа, всѣ ея случайности, ея свѣтлыя и темныя стороны, что съ богатствомъ и разносторонностью этого содержанія не сравнится поэзія лучшихъ нашихъ лириковъ... Старинная «былина», замирающая на окраинахъ Россіи, пѣсня-баллада о разныхъ темныхъ и свѣтлыхъ приключеніяхъ частной жизни, сказка, остроумная пословица, вводящая насъ въ глубины народной мудрости, веселая прибаутка,—все это такіе перлы, которыми можетъ гордиться русскій народъ! Никакой учебникъ, никакая хрестоматія не могутъ передать всего этого богатства мысли, чувства, богатства и разносторонности всего этого творчества: въ учебныхъ книгахъ можно приводить только «примѣры», конечно далеко не охватывающіе всего имѣющагося

Какъ лучше изучить нар. поэзію.

матеріала. Чтобы съ нимъ ознакомиться шире и глубже надо взять ученые сборники пѣсенъ, сказокъ, пословицъ—нужно ихъ перечитать цѣликомъ, нужно постараться возсоздать настроенія народа-творца и охватить ихъ во всей ихъ ширинѣ! Но и это знакомство будетъ одностороннимъ... Мало одного учебника по ботаникѣ, или атласа, чтобы узнать свойства

и жизнь какого-нибудь цвѣтка: никакими словами и рисунками не передать аромата цвѣтка и настоящей его окраски, — нужно идти въ поле, чтобы тамъ имъ любоваться... Такъ и въ народной поэзіи есть ароматъ, который плохо поддается описанію: чтобы понять «пѣсню» и «сказку»— нужно слышать, какъ она *поется*, какъ она *сказывается*... Мало того, нужна подходящая обстановка, чтобы эта поэзія не походила на блѣдный оранжерейный цвѣтокъ: народная поэзія такъ вросла въ жизнь, что вырвать ее изъ жизни нельзя, — она завянетъ и потеряетъ всю прелесть свѣжести и жизненности. Вотъ почему, чтобы, напримѣръ, понять поэзію *весеннихъ* пѣсенъ, надо идти въ темный лѣсъ, благоухающій всѣми ароматами весны, и *тамъ* слушать тѣ пѣсни, которыя поются дѣвушками, когда украшается бѣлая березка пестрыми лентами. Нужно полюбоваться на веселый хороводъ, который вьется на зеленой лужайкѣ... Надо заглянуть въ крестьянскую избу въ тотъ моментъ, когда обряжаютъ молодую невѣсту къ вѣнцу. Надо побывать зимой въ темной избушкѣ, когда вьюга воетъ въ трубѣ, и старый дѣдъ, при тускломъ мигающемъ свѣтѣ лучины, шамкая, разсказываетъ большимъ и малымъ сказку о зломъ Кощеѣ, о свѣтозарномъ Иванѣ Царевичѣ... Только при такихъ условіяхъ народная *устная* поэзія пріобрѣтаетъ настоящую красоту, цѣну.

Трудности изученія нар. поэзіи по учебнику.

Учебная книга еще потому безсильна сколько-нибудь полно представить жизнь народнаго творчества, что она не можетъ охватить всѣхъ разновидностей этой жизни: великоруссы, малоруссы, бѣлоруссы, различные инородцы, составляющіе великую Россію,—всѣ имѣютъ свою поэзію, свои обряды, иногда соприкасающіеся, но иногда совершенно различные. Мало того, даже жители одной и той же губерніи, но разныхъ уѣздовъ, иногда разныхъ деревень несходно справляютъ тѣ же обряды (напримѣръ, «свадебную игру»),—поются другія пѣсни, чинъ обряда другой,— учебникъ не можетъ воспроизвести всего этого разнообразія. Вотъ почему приходится еще разъ повторить, что *самому* всего лучше ознакомиться съ этой поэзіей, — пути къ этому изученію можетъ и должна указать школа.

Исторія изученія нар. поэзіи

§ 6. ***Изученіе народной поэзіи.*** Всякое изученіе начинается съ собиранія матеріала. Первыя записи произведеній народной поэзіи извѣстны еще съ XVII столѣтія. Въ XVIII в. народныя произведенія проникаютъ уже въ печать и вызываютъ подражанія. Но истиннаго пониманія народной поэзіи въ XVIII в. еще не было: собиратели считали себя въ правѣ передѣлывать народныя пѣсни, присочинять свои...

Первыми, болѣе или менѣе, серьезными трудами были въ XIX в. работы Сахарова («Сказанія русскаго народа»), Терещенко («Бытъ русскаго народа») и, особенно, Снегирева («Русскіе простонародные праздники», «Русскіе въ своихъ пословицахъ» и др.).

Исторія изученія народа, его жизни и творчества, впервые становится на твердыя ноги, когда усилія отдѣльныхъ ученыхъ были соединены въ 1834 году учрежденіемъ Археографической комиссіи (изданіе лѣтописей, актовъ, документовъ) и въ 1846 г. учрежденіемъ Русскаго географическаго Общества (собираніе этнографическихъ матеріаловъ—пѣсенъ, сказокъ и пр.).

Изученіе нар. поэзіи въ XIX ст.

Къ этому времени собираніемъ и изданіемъ произведеній народной поэзіи занялись извѣстные этнографы: Кирѣевскій, Якушкинъ, Даль, затѣмъ Рыбниковъ, Гильфердингъ, Шеинъ, Безсоновъ, Аѳанасьевъ и др. Въ сороковыхъ годахъ въ университетахъ русскихъ были основаны каѳедры славяновѣдѣнія; молодыхъ русскихъ ученыхъ стали посылать учиться заграницу,—съ этого времени изученіе народной поэзіи дѣлается «наукой». Труды ученыхъ, впервые поставившихъ изученіе ея на научную почву, до сихъ поръ сохраняютъ все свое значеніе. Акад. Буслаевъ, акад. Сухомлиновъ, акад. Пыпинъ, акад. Тихонравовъ, акад. Л. Майковъ, проф. А. Котляревскій, проф. О. Миллеръ, проф. Потебня—вотъ, имена самыхъ видныхъ изслѣдователей въ области народнаго творчества. Изъ современныхъ русскихъ ученыхъ, занимающихся, или занимавшихся народной поэзіей, слѣдуетъ къ этому почетному списку причислить акад. А. Веселовскаго, акад. А. Соболевскаго, акад. И. Жданова, проф. Вс. Миллера, проф. П. Дашкевича, проф. М. Халанскаго, проф. Н. Сумцова, проф. А. Архангельскаго, проф. И. Шляпкина и др.

Школы „миѳологическая", „историческая" и „заимствованій".

Всѣ эти ученые и этнографы изслѣдовали произведенія народной поэзіи съ разныхъ точекъ зрѣнія. Одни изъ нихъ старались въ современной народной поэзіи найти воспоминанія народа о древнихъ языческихъ вѣрованіяхъ («миѳологическая школа»), другіе старались найти въ произведеніяхъ народной поэзіи отраженіе фактовъ историческихъ («историческая школа»). Наконецъ, третьи, сопоставляя русскія былины, сказки, пѣсни, легенды съ устными и письменными произведеніями другихъ народовъ находили въ нихъ сходство въ сюжетахъ, мотивахъ и въ деталяхъ. Это «сходство» объясняли они тѣмъ, что одинъ народъ «заимствовалъ» у другого эти сходныя мѣста («школа заимствованій»). Такое объясненіе происхожденія многихъ произведеній народнаго творчества конечно, подрывало взгляды школы «миѳологической» и отчасти «исторической», такъ какъ указывало, что многіе ихъ выводы шатки, будучи построены не на «оригинальныхъ» произведеніяхъ, а на «заимствованныхъ».

Современные пріемы изученія нар. поэзіи.

Современная наука, изучающая народную поэзію, пытается примирить различные взгляды всѣхъ этихъ трехъ «школъ». Она допускаетъ преимущественно *миѳологическія* толкованія относительно обрядовой поэзіи, заговоровъ, отчасти сказокъ; пріемы изученія *исторической* школы примѣняетъ къ былинамъ, историческимъ пѣснямъ. Но оба эти пріема примѣняются только послѣ провѣрки матеріала путемъ сравненія съ народной поэзіей другихъ народовъ, т. е. при помощи методовъ школы *заимствованія*. Такимъ образомъ, теперь, въ основѣ народной поэзіи, признаютъ и миѳическія и историческія основы, признаютъ и сильныя заимствованія со стороны.

Психологическія причины созданія поэзіи, религіи и науки.

§ 7. *Происхожденіе народной поэзіи.* Выше было уже указано, что только послѣ выработки «языка», всякій народъ создаетъ «словесность». Какія-же психологическія воздѣйствія заставляютъ его пытаться свой «языкъ» приспособить къ болѣе высокимъ цѣлямъ,—къ созданію поэтическихъ произведеній? Конечно, къ этому принудили его, прежде всего, тѣ впечатлѣнія, что шли на него изъ таинственнаго міра природы, а потомъ и тѣ, что шли изъ міра человѣческихъ отношеній. Человѣкъ,

стоящій лицомъ къ лицу съ жизнью, испытывалъ ужасъ, или радость, гнѣвъ, или грусть — чувства, которыми онъ хотѣлъ подѣлиться съ другими. У него являлись запросы касательно силъ природы,—касательно устройства своей жизни и жизни сосѣда, — этихъ запросовъ онъ не могъ удовлетворить самолично. Все это возбуждало дѣятельность «слова», вело къ созданію «словеснаго произведенія».Такимъ образомъ, *природа* и *жизнь въ обществѣ другихъ людей* привели къ возникновенію религіи, науки и поэзіи. Это—обыкновенное явленіе, повторяющееся у всѣхъ народовъ.

Въ пору первобытнаго существованія и вѣра, и знанія, и поэзія сливались въ нѣчто нераздѣльное. Всякая обрядовая пѣсня, заговоры, миѳъ, заключали въ себѣ элементы религіозные, научные и эстетическіе. Еще «Иліада» Гомера для древнихъ грековъ была такимъ произведеніемъ, въ которомъ заключались всѣ эти элементы. Впослѣдствіи, путемъ свободнаго развитія, греки изъ первичнаго *синкретическаго* [1]), или *смѣшаннаго* творчества, создали всю свою поэзію, свое искусство, религію и науку [2]). Намъ этого сдѣлать не удалось,—мы остались при зачаткахъ народнаго творчества. Такъ, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ (напр., въ заговорахъ) есть элементы знанія и языческой вѣры, — въ нѣкоторыхъ играхъ (хороводы) и обрядахъ (свадебные и похоронные) есть зачатки драмы, которой никогда не придется доразвиться до степени драмы греческой. О причинахъ такой остановки развитія народнаго творчества сказано было выше. Синкретизмъ первобытнаго творчества.

§ 8. *Значеніе природы для первобытной поэзіи-религіи-науки*. Отношеніе къ жизни можетъ быть двоякаго характера — *несвободное*, когда мы слишкомъ связаны съ этой жизнью своими личными интересами—и *свободное*, когда мы наблюдаемъ эту жизнь независимо отъ всякихъ личныхъ чувствъ. Только эта независимость можетъ дать человѣку «удовольствіе», *эстетическое* наслажденіе, главная черта котораго и есть безкорыстное, свободное наслажденіе жизнью. Искусство (живопись, поэзія), представляющее жизнь *въ отраженіи*, облегчаетъ человѣку возможность такой *эстетической точки зрѣнія* на жизнь. Для человѣка тонущаго видъ волны, готовой его поглотить, не будетъ имѣть никакой эстетической цѣнности,—это отношеніе къ жизни и будетъ *несвободное*; человѣку, стоящему на берегу, видъ бушующаго моря можетъ доставить наслажденіе (если онъ при этомъ не думаетъ о своихъ близкихъ, находящихся въ морѣ, или не видитъ тонущаго человѣка)—это отношеніе къ впечатлѣніямъ—будетъ *свободное*, имѣющее эстетическій характеръ. Но нетрудно понять, Свободное и несвободное, „эгоистическое" и „эстетическое" отношеніе къ жизни.

---

[1]). „Синкретизмъ"—отъ греч. слова σύγκρασις—смѣшеніе, σύγκρατος—смѣшанный.

[2]) Культурное развитіе всегда приводитъ къ постепенной „дифференціаціи" (т. е. выдѣленію) уже опредѣлившихся видовъ человѣческаго творчества изъ синкретическаго состоянія. Такъ, у всѣхъ первобытныхъ народовъ (и у грековъ) сначала народные обряды сопровождались пѣніемъ, пляской и мимикой. Въ такомъ *исполненіи* произведеній народнаго творчества уже заключались, въ синкретическомъ состояніи, зачатки нѣсколькихъ искусствъ: и поэзіи, и музыки, и искусства плясать, и драмы,—съ развитіемъ народа, всѣ эти искусства оторвались отъ поэзіи, *дифференцировались*, и стали развиваться самостоятельно. Въ содержаніи первичныхъ народныхъ произведеній тоже наблюдаемъ *синкретизмъ*; какъ было уже указано, онъ выражается въ нераздѣльномъ сліяніи элементовъ вѣры, знанія и поэзіи.

что полнаго эстетическаго наслажденія въ такомъ случаѣ всетаки не будетъ: чувство страха за другихъ, сожалѣніе, или радость каждую минуту могутъ отравить это мимолетное эстетическое наслаждніе. Только *искусство*, представляющее жизнь въ *отраженіи*, обезпечиваетъ полное безкорыстіе, полную независимость въ созерцаніи жизни, отраженной въ произведеніяхъ живописца, или писателя. Оттого картиной, изображающей человѣка тонущаго, мы наслаждаемся со спокойной душой и находимъ полное, безусловное эстетическое удовольствіе. Крестьянинъ, собирающійся выѣзжать утромъ пахать, или косить, смотритъ на закатъ солнца, конечно, не съ эстетической точки зрѣнія,—онъ тревожно глядитъ на тучи, собравшіяся на горизонтѣ и окрашенныя пурпуромъ вечерней зари,—его отношеніе къ жизни *несвободное*. Горожанинъ, пріѣхавшій въ деревню отдохнуть, наслаждается зрѣлищемъ заходящаго солнца безкорыстно, свободно относясь къ жизни природы. Его отношеніе будетъ свободно-эстетическое. Поэтому, чѣмъ ближе стоитъ человѣкъ къ природѣ, чѣмъ болѣе онъ зависитъ отъ нея, тѣмъ больше онъ связанъ съ природой общностью жизни: какъ животное, онъ боится грозы и прячется отъ нея, и радуется, когда свѣтитъ солнце. Много времени нужно для того, чтобы первобытный человѣкъ постепенно, отъ такого животнаго отношенія къ жизни, мало-по-малу, сталъ подходить къ эстетической оцѣнкѣ жизни. Для этого нужно было самосознаніе личности человѣка, нужна была нѣкоторая обезпеченность жизни, оторванность отъ общей жизни и способность уединиться въ свой собственный міръ [1]).

Отношеніе язычниковъ славянъ къ природѣ.

Нашъ предокъ-язычникъ, поставленный лицомъ къ лицу съ природой, жилъ одною съ нею жизнью: радовался и печалился, когда радовалась и печалилась она. Лишь въ новое время, и то не для всѣхъ сдѣлалось возможнымъ то «сентиментальное» отношеніе къ природѣ, когда человѣкъ, глубоко сознавшій свою обособленность и оторванность отъ природы, сталъ глядѣть на нее любовными глазами, воспѣвать ее въ стихахъ, изображать ее въ картинахъ... Для нашихъ предковъ она была *матерью*, или *мачихой*. Свободы и ясности—необходимыхъ условій чистаго, безкорыстнаго наслажденія природой у первобытнаго человѣка не было [2]). Поэтому эстетической цѣнности, въ нашемъ смыслѣ, природа тогда не имѣла.

Конечно, язычникъ-славянинъ и не спрашивалъ себя, прекрасна ли природа, или нѣтъ. Все его вниманіе направлено было къ объясненію таинственной связи окружающихъ его явленій, къ узнанію того жизненнаго духа, которымъ проникнуто все живое, весь міръ,—міръ природы, міръ человѣка...

---

[1]) На такой ступени развитія стоятъ, напримѣръ, Калинычъ („Хорь и Калинычъ“) и Касьянъ („Касьянъ съ Красивой Мечи“)—герои Тургенева. Они познали уже эстетическую цѣнность природы. Но у нихъ еще нѣтъ полнаго и безусловнаго, чисто-эстетическаго отношенія къ природѣ: у Калиныча поэзія смѣшивается съ „наукой“ (онъ былъ знахаремъ, не только любилъ природу, какъ поэтъ,—но ее изучалъ, ее *зналъ*); у Касьяна поэзія смѣшивается съ „религіей“ (онъ въ *жизни* природы видитъ какую-то святость). Дядя Ерошка, Лукашка („Казаки“ у Л. Толстого)—образцы почти животнаго отношенія къ природѣ.

[2]) Въ драмѣ Островскаго „Гроза“ въ лицѣ Кулигина выведенъ человѣкъ, уже опредѣлившій эстетическую цѣнность природы и даже ея грозныхъ явленій; въ рѣчахъ Дикого и толпы выражено старое полуязыческое отношеніе къ грозѣ.

„Вѣдуны“ и „кудесники“.

Одни были упорнѣе въ своихъ поискахъ, другіе беззаботнѣе и несомнѣнно, первые стали ближе къ тѣмъ основнымъ нитямъ, которыми управлялся міръ,—народъ почтилъ ихъ титуломъ *вѣдуновъ* (кудесниковъ знахарей, колдуновъ). Они-то, вѣроятно и дерзнули на построеніе первыхъ теорій о созданія міра,—имъ доступны сдѣлались таинственныя знанія свойствъ «живой» и «мертвой» воды и «древа жизни», и сила заговоровъ [1]); простые смертные, попрежнему, свое отношеніе къ природѣ продолжали выражать «по-дѣтски»—радостью и горемъ, пѣснями, обрядами и праздниками...

Слѣды древнихъ миѳическихъ вѣрованій въ нар.

Объ этой далекой порѣ, порѣ язычества нашихъ предковъ, мы не знаемъ почти ничего—съ великимъ трудомъ ученые, лишь до нѣкоторой степени возстановили миѳическія основы вѣрованій той поры Трудность опредѣлить ихъ увеличивается вслѣдствіе тѣхъ вліяній, которымъ подверглись они отъ вліянія христіанства и общенія съ финнами и другими народами.

Остатки русскаго язычества приходится искать въ преданіяхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, обрядахъ и въ поэзіи русскаго народа. Свидѣтельства старинныхъ памятниковъ даютъ намъ рядъ указаній на слѣды существованія у русскихъ славянъ вѣрованій въ различныхъ божествъ на существованіе жертвоприношеній имъ, молитвъ, обрядовъ, свадебныхъ и похоронныхъ. О происхожденіи этихъ боговъ, о стройной системѣ религіознаго міровоззрѣнія нашихъ предковъ въ этихъ памятникахъ нѣтъ ни слова. Можно думать что наша русская миѳологія не доразвилась до тѣхъ законченныхъ формъ какихъ она достигла у другихъ народовъ Современные обряды нашего народа и его повѣрія почти уже ничего не даютъ намъ для пониманія первоначальныхъ древнихъ божествъ.

„Религія природы“ славянъ.

Впрочемъ, нѣкоторые народные обряды, сохранившіеся до нашихъ дней, позволяютъ нашимъ ученымъ утверждать что на самой первой ступени своего развитія наши предки знали уже *«религію природы»*. во многихъ обрядахъ, сказкахъ, пѣсняхъ, загадкахъ и пословицахъ дѣйствующими лицами являются такія явленія, какъ Свѣтъ и Тьма, Небо и Земля, Солнце, Гроза, Вѣтеръ и Радуга, Огонь и Вода. Они представлены живыми существами, съ человѣческими чувствами и мыслями [2]).

---

[1]) Подобно тому, какъ въ средніе вѣка занятія „алхиміей“, стремившейся къ тому, чтобы найти средства дѣлать золото, изобрѣсть лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней, даже отъ старости, не достигли своихъ цѣлей, но много пользы принесли для „химіи“, сдѣлавъ цѣлый рядъ серьезныхъ открытій,—такъ упорно продолжающіяся вѣками, наивныя наблюденія народа надъ богатымъ міромъ природы и надъ человѣческими отношеніями привели къ цѣлому ряду открытій: съ „народной медициной“ считаются теперь ученые; многія народныя примѣты удивительно оправдываются при провѣркѣ; пословицы поражаютъ тонкостью и вѣрностью психологическаго наблюденія; многое, надъ чѣмъ еще недавно смѣялись ученые скептики (напримѣръ, „заговариванье отъ зубной боли“ и др. болѣзней) теперь нашло себѣ объясненіе въ лѣченіи „внушеніемъ“.

[2]) Приданіе явленіямъ природы „жизни“ называется *анимизмомъ* (animus = душа, духъ), т. е. *одушевленіемъ* природы. Представленіе силъ природы живыми существами называется *зооморфизмомъ* (ζῶος=живой и μορφή=форма), присвоеніе этимъ существамъ страстей человѣческихъ—*антропопатизмомъ* (ἄνθρωπος=человѣкъ и πάθος= =страсть); представленіе божествъ въ видѣ людей—*антропоморфизмомъ*. Греческіе олимпійцы, одаренные прекрасными человѣческими чертами, доказываютъ, что миѳологія древнихъ грековъ развилась до высшей степени, которой только могутъ достигнуть первобытныя языческія религіи,—до *антропоморфизма*.

Почитаніе „солнца".

Такъ какъ во всѣхъ *религіяхъ природы* главное мѣсто занимаетъ *солнце*, какъ сила, дающая свѣтъ, тепло, пищу,—жизнь, то вполнѣ естественно было предположить, что такую же роль играло солнце и въ міровоззрѣніи славянъ. Наблюденія надъ обрядами, сохранившимися до нашихъ дней, указали, что въ осколкахъ старыхъ языческихъ вѣрованій, дѣйствительно, дожило до насъ какое-то смутное почитаніе бога *солнца*, подъ названіемъ *Купало* [1]), (Ярило, Кострома или Кострубонька). Въ основѣ этого почитанія лежитъ тонкое наблюденіе надъ годовой жизнью солнца,—оно то постепенно увеличиваетъ свою силу, то ее уменьшаетъ: уже въ глубокой древности люди съ изумительной точностью опредѣлили два момента, когда происходятъ годовые переломы въ жизни благотворнаго свѣтила—зимнее солнцестояніе (12 дек.) и лѣтнее (9 іюня). Къ этимъ двумъ моментамъ пріурочены два главныхъ народныхъ праздника въ честь солнца, по традиціи справляющіеся до сихъ поръ, но теперь потерявшіе, въ глазахъ народа, прежнее важное значеніе.

Почитаніе „земли".

Существуетъ мнѣніе, что, рядомъ съ солнцемъ, чествовалась и *мать-сыра-земля*, которая близка солнцу потому, что только при его помощи можетъ обнаруживать свои животворныя силы. Вотъ почему у народа сохранилось сказаніе, что, когда въ праздникъ Купалы (совпадающій приблизительно съ лѣтнимъ солнцестояніемъ), солнце достигаетъ самой бо̀льшей силы, оно заключаетъ бракъ съ землей,—оттого вся природа въ эту ночь пріобрѣтаетъ особенную таинственную силу. Это сказаніе Печерскій-Мельниковъ, извѣстный писатель-этнографъ, такъ передаетъ въ своемъ романѣ «Въ лѣсахъ» [2]):

„Народный" миѳъ о солнцѣ въ передачѣ Печерскаго.

«Вотъ, сказаніе нашихъ праотцевъ о томъ, какъ богъ Ярило возлюбилъ Мать-Сыру-Землю, и какъ она породила всѣхъ земнородныхъ. Лежала Мать-Сыра-Земля во мракѣ и стужѣ. Мертва была—ни свѣта, ни тепла, ни звуковъ, никакого движенія. И сказалъ вѣчно-юный, вѣчно-радостный свѣтлый Яръ: «взглянемъ сквозь тьму кромѣшную на Мать-Сыру-Землю, хороша-ль, пригожа-ль она, придется ли по мысли намъ?» И пламень взора свѣтлаго Яра въ одно мановеніе проницалъ неизмѣримые слои мрака, что лежали надъ спавшею землею. И гдѣ Ярилинъ взоръ прорѣзалъ тьму, тамъ возсіяло солнце красное. И полились черезъ солнце жаркія волны лучезарнаго Ярилина свѣта. Мать-Сыра-Земля отъ сна пробудилася и въ юной красѣ раскинулась. Жадно пила она золотые лучи живоноснаго свѣта, и отъ того свѣта палящая жизнь и томящая нѣга разлились по нѣдрамъ ея... Любы землѣ Ярилины рѣчи, возлюбила она бога свѣтлаго, и отъ жаркихъ его поцѣлуевъ разукрасилась злаками, цвѣтами, темными лѣсами, синими морями, голубыми рѣками, серебристыми озерами...Пила она жаркіе поцѣлуи Ярилины, и изъ нѣдръ ея вылетали поднебесныя птицы, изъ вертеповъ выбѣгали лѣсные и полевые звѣри, въ рѣкахъ и моряхъ заплавали рыбы, въ воздухѣ затолкались мелкія мушки да мошки. И все жило, все любило и все пѣло хвалебныя пѣсни отцу-Ярилѣ, Матери-Сырой-Землѣ. (Потомъ земля породила человѣка).

[1]) Древнее дохристіанское названіе: „Даждь-богъ".

[2]) Разсказъ этотъ является несомнѣнной „фантазіей" писателя по поводу, б. м., слышаннаго имъ народнаго сказанія,—но, тѣмъ не менѣе, онъ интересенъ и поэтиченъ.

И когда вышелъ онъ изъ нѣдръ земныхъ, ударилъ его Ярило по головѣ золотой вожжей—яркой молніей. И отъ той молоньи умъ въ человѣкѣ зародился. Здравствовалъ Ярило любимаго земнороднаго сына небесными громами, потоками молній и отъ тѣхъ громовъ, отъ той молніи вся живая тварь въ ужасѣ встрепенулась: разлетались поднебесныя птицы, попрятались въ пещеры дубравные звѣри, одинъ человѣкъ поднялъ къ небу разумную голову, и на рѣчь отца громовую отвѣчалъ вѣщимъ словомъ, рѣчью крылатою... И услыша то слово и узрѣвъ царя своего и владыку, всѣ древа, всѣ цвѣты и злаки передъ нимъ преклонились. [Потомъ стала слабѣть сила Ярилы, и Мать-Сыра-Земля стала тосковать, боясь, что все замерзнетъ. Ярило утѣшилъ ее, сказавъ, что опять вернется, а пока для поддержанія тепла на землѣ, послалъ *огонь*]. Такъ мыслили старорусскіе люди о смѣнѣ лѣта зимою и о началѣ огня. Оттого наши праотцы и *сожигали* умершихъ,—заснувшаго смертнымъ сномъ Ярилина сына отдавали живущему въ огнѣ отцу. А послѣ стали отдавать мертвецовъ ихъ матери—опуская въ лоно ея (т. е. зарывая въ землю). Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарованіе Ярилой огня человѣку. Праздники тѣ совершались въ долгіе лѣтніе дни, когда солнце, укорачивая ходъ, начинаетъ разставаться съ землею. Въ память дара, что даровалъ богъ свѣта, жгутъ купальскіе *огни*. Что Купало, что Ярило,—все едино, одного бога званія. И донынѣ въ Иванову ночь пылаютъ на Руси купальскіе огни, и донынѣ по полямъ и перелѣскамъ слышатся веселыя пѣсни» (Печерскій, Соч. VI т., 7—9 изд. Вольфа).

Таинственное въ природѣ.

Наши предки во всей природѣ видѣли таинственное, чудесное, для нихъ объяснимое только присутствіемъ какихъ-то сверхъестественныхъ силъ. Человѣкъ заблудился въ лѣсу, утонулъ въ рѣкѣ, провалился въ трясину,—все это объяснялось, какъ результатъ проявленія какихъ-то силъ, дѣйствующихъ въ природѣ. Перенося на эти силы человѣческія черты, первобытный человѣкъ пытался ихъ *олицетворить*. И вотъ, этимъ невѣдомымъ существамъ возносились молитвы, имъ приносились жертвы: охотникъ или просилъ помощи у *бога лѣса*, рыбакъ—у *бога воды*,—или «заговаривалъ» ихъ мощь...

Олицетвореніе природы.

Вотъ почему, весь міръ видимой природы казался оживленнымъ передъ дѣтски-пытливымъ взглядомъ нашего народа. Силы природы, таинственные звуки ночи, темный лѣсъ и грозные омуты, цвѣты и деревья,—все это дѣлалось достояніемъ религіозно-поэтическаго творчества, унося встревоженное воображеніе въ таинственный міръ потусторонней жизни. Фантазія, не знающая контроля знанія, созидала образы яркіе и уродливые, мрачные и прекрасные, увидѣла таинственное движеніе въ неподвижномъ, сознаніе въ безсознательномъ. Этотъ мистическій трепетъ, который охватываетъ насъ, когда мы погружаемся въ міръ таинственныхъ видѣній народа, чудно переданъ въ прологѣ къ «Руслану и Людмилѣ».

«Тамъ чудеса! Тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;

Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ безъ дверей.
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны...

Кругъ наблюденій надъ жизнью природы разростался, захватывалъ міръ животныхъ, растеній, міръ человѣка,—все это въ представленіи нашихъ предковъ перепутывалось безчисленными нитями взаимоотношеній и зависимостей. Такъ сложилась вѣра въ «лѣшихъ», «водяныхъ» и др.

Лѣшій.

„Лѣшій“ [1]),—хозяинъ лѣсныхъ богатствъ, живетъ въ лѣсу; то равный по росту съ самыми высокими деревьями, то, когда онъ выходитъ въ поле,—ростомъ съ маленькую былинку. Это—олицетвореніе растительности вообще—и, въ частности мрачной жизни дремучаго лѣса, съ его таинственными звуками, и непонятнымъ чувствомъ страха. Лѣшій—злобное существо, врагъ людей. Онъ откликается «эхомъ», заставляетъ человѣка плутать въ лѣсу, хохочетъ по ночамъ и пугаетъ путника. Въ древности лѣшему приносились жертвы, совершались моленія «дуплинамъ древянымъ». Обоготвореніе могучей и мрачной природы лѣса, несомнѣнно, относится къ глубокой старинѣ, — недаромъ, и теперь, въ нѣкоторые праздники, народъ тянется въ лѣсъ. Съ того времени остались пословицы—«жили въ лѣсу, молились пеньямъ»; «обручалися—вкругъ ракитова куста вѣнчалися». Съ того времени сохранилось и почитаніе деревьевъ,—они и теперь употребляются при колдовствѣ, для украшенія домовъ въ нѣкоторые праздники,—во время Семика, народной свадьбы.

Водяной.

„Водяной“ [2]),—старый, косматый дѣдъ, живущій на днѣ рѣки, или озера, особенно въ омутахъ, или у мельничнаго колеса, и изъ каприза топящій людей. До нашихъ дней сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычаи приносить ему жертвоприношенія: топя лошадь, говорятъ: «вотъ тебѣ дѣдушка, люби да жалуй нашу семью!» О жертвоприношеніяхъ водяному говорятъ письменные документы еще XI в. Подобно лѣсу, рѣки, озера, ключи, и вообще *вода*, окружались у славянъ какимъ-то почитаніемъ. До сихъ поръ, въ нѣкоторые лѣтніе праздники, купанье въ водѣ ночью имѣетъ обрядовое значеніе. При помощи воды гадаютъ, бросая вѣнки. Вода въ старину имѣла юридическое значеніе, какъ испытаніе виновныхъ.

Полудницы полевики и др.

Кромѣ этихъ главныхъ божествъ почитались еще: *„полудницы“*, *„полунощницы“*, *„житный дѣдъ“*, *„полевикъ“*. Народъ вѣритъ, что «полудницы» и «полевикъ» живутъ въ хлѣбѣ и поражаютъ людей во время уборки хлѣба солнечнымъ ударомъ.

Чудесныя свойства травъ.

Нѣкоторыя травы, цвѣты, коренья, деревья, по представленію народа, надѣлены особыми таинственными и чудесными свойствами: о цвѣтахъ папоротника [3]), «дремливыхъ цвѣтахъ», «плакунъ-травѣ», «чертополохѣ», «чертогонѣ», «разрывъ-травѣ» и многихъ другихъ растеніяхъ у народа сложилось

---

[1]) Ср. пьесу Островскаго „Снѣгурочка“, Нефедовъ, „На міру“ (193—203), С. Максимовъ, „Лѣсная глушь“ I, 47—9.

[2]) Даль, соч. X, 336.

[3]) См. Гоголя „Ночь наканунѣ Ивана Купалы“, Данилевскаго, „Изъ Украйны“ I, 129.

многого сказаній и повѣрій. Въ заговорахъ и загадкахъ нерѣдко большую роль играютъ разныя чудесныя растенія.

„Оборотничество" и „превращеніе".

Съ этимъ «обоготвореніемъ природы» тѣсно связывалась вѣра въ *оборотничество*, т. е. въ возможность насильнаго, или самовольнаго *превращенія* въ растенія и животныхъ: человѣкъ такъ близко еще стоялъ къ міру природы, что видѣлъ вездѣ жизнь, тожественную своей, — между растительнымъ и животнымъ міромъ—и человѣческимъ не было различія,—оттого и переходы изъ одного міра въ другой казались легкими. Случаи «превращенія» очень часты въ былинахъ, сказкахъ, въ заговорахъ; вѣра въ нихъ отразилась даже на лѣтописи. Въ сказкахъ особенно популяренъ разсказъ о превращеніи дѣвушки послѣ смерти въ березку, тополь, тростинку, выростающую на ея могилѣ. Это—непроизвольное превращеніе,—переходъ изъ одного бытія въ другое. Болѣе мрачный характеръ носитъ *оборотничество*, являющееся результатомъ хитрой науки, насилія надъ природой. «Оборотни», по представленію народа, обращаются въ волковъ (отсюда другое ихъ названіе—«волкодлаки»); они бѣгаютъ ночью, а передъ утренней зарей принимаютъ человѣческій видъ [1]). Такимъ представляется въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» Всеславъ; предки наши вѣрили, что отъ волкодлаковъ зависѣли затменія солнца, мѣсяца и звѣздъ, такъ какъ они пожирали небесныя свѣтила.

„Религія родовая".

Религія родовая. Выше было указано, что, съ ослабленіемъ родовой жизни, потускнѣла и религія, ею созданная. Во всякомъ случаѣ кое-что сохранилось отъ этой религіи даже до нашихъ дней; въ произведеніяхъ древней письменности есть указанія на то, что язычниками-славянами души предковъ обоготворялись подъ именемъ «Рода» и «Рожаницъ» (прадѣдъ и его жены [2]). Еще въ XII в. приносился имъ въ жертву хлѣбъ, сыры и медъ. Можно думать, что древній «Родъ», которымъ въ старину пугали дѣтей, современемъ обратился въ *домового* [3]). Это—волосатый старикъ, именующійся „*дѣдомъ*", «хозяиномъ», «дворовымъ». Онъ хранитъ домъ и хозяйство, отвѣчаетъ на гаданія, предсказываетъ своимъ появленіемъ несчастье, переходитъ съ хозяевами въ новый домъ. Его церковь назвала «бѣсомъ-хороможителемъ». Почитаніе его связано съ почитаніемъ домашняго очага-печи. Всѣ члены семьи пользуются отъ очага свѣтомъ, тепломъ, пищею—естественно было въ этомъ видѣть помощь добраго, домашняго генія. Вотъ почему очагъ-печь былъ признанъ мѣстопребываніемъ духа, покровителя семьи. Оттого, при переходѣ въ новую избу, переносятъ уголья изъ старой печи въ новую, съ приглашеніемъ: «милости просимъ, *дѣдушка*, къ намъ на новое жилье» [4]).

Домовой.

---

[1]) Ср. балладу гр. А. Толстого „Волки". Еще у Гоголя „Сорочинская ярмарка" Данилевскаго „Изъ Украйны", 145, Даль, Соч. X, 340.

[2]) Согласно другому толкованію, „рожаницы"—это богини, присутствующія при рожденіи ребенка и опредѣляющія его судьбу.

[3]) Даль, Соч. X, 299.

[4]) Ср. поговорки: „Кто сидѣлъ на печи, тотъ уже не чужой, а свой", т. е. сѣвшій у очага попадалъ подъ покровительство генія семьи. „На печи сидѣлъ, кирпичамъ молился"—ироническое указаніе на какія-то молитвы, связанныя съ печью. Малороссъ, не желающій сказать неприличное, говоритъ: „казавъ бы—та піч у хаті". Великоруссъ, желая прекратить непріятный разговоръ, обидный для семьи, говоритъ: „для твоей

Русалки.

Въ образѣ *„русалокъ“* неясно слилась «религія родовая», съ «религіей природы», и ко всему этому примѣшались еще сильныя вліянія христіанства. По опредѣленію ученыхъ, прежде всего, русалки представляются народу, какъ души умершихъ, которыя иногда являются на землю; подъ вліяніемъ церкви, русскій народъ соединилъ съ этимъ образомъ представленіе о людяхъ, или дѣвушкахъ, погибшихъ не своею смертью, безъ церковнаго покаянія и причащенія,—или о младенцахъ, которыя умерли до крещенія. Эти русалки живутъ въ тихихъ тусклыхъ болотахъ, или въ спокойныхъ рѣкахъ, — ихъ видятъ, обыкновенно, на берегу (отсюда старинное названіе «берегыни»), или на деревѣ, плачущими, или хохочущими [1]), одинокими, или въ обществѣ такихъ же русалокъ. Очевидно, они тѣсно связаны съ почитаніемъ воды, — ихъ даже зовутъ иногда дочерями «водяного». Въ этомъ сближеніи съ водой на созданіи ихъ образа сказалось вліяніе «религіи природы».

„Религія профессіональная“.

Когда опредѣлились различные классы въ населеніи, различныя спеціальныя занятія (воинское дѣло, скотоводство, мореплаваніе и пр.) тогда каждый такой классъ населенія выработалъ представленіе объ особомъ *своемъ* богѣ-покровителѣ (богъ войны, богъ скотоводства и т. д.); признавая другихъ боговъ, каждая такая общественная группа особенно почитала своихъ. Эта новая *профессіональная* религія, конечно, не вытѣсняла старыхъ религій (родовой и природной), но сливалась съ ними. Такъ, у древнихъ грековъ «олимпійцы» всѣ были связаны опредѣленной генеалогіей, сами составляли «родъ»—и въ то же время почти всѣ были олицетвореніями явленій природы и богами-покровителями различныхъ профессій.

Русскіе боги, упоминаемые въ древнихъ памятникахъ.

Насколько можно судить по скуднымъ указаніямъ лѣтописи (Ипатьевской), «Слова о полку Игоревѣ» и другихъ произведеній, наши древніе боги, тоже отразили на себѣ вліянія *религій родовой, природной и профессіональной*. Такъ, мы знаемъ, что высшимъ божествомъ (но для насъ вполнѣ неяснымъ) былъ у насъ *Сварогъ*, у него два сына: *солнце—Даждь-богъ* [2]), податель блага и богатства, покровитель князей и дружинниковъ,—и *огонь-Сварожичъ. Перунъ* былъ богомъ войны и въ то же время богомъ грома (олицетвореніе грозы), *Волосъ*, или Велесъ, былъ покровитель стадъ,—божество пастуховъ и земледѣльцевъ. Какое-то отношеніе имѣлъ онъ и къ поэзіи: Баянъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» называется «внукомъ Велеса»; *Стрибогъ* — богъ вѣтра. Изъ всѣхъ этихъ божествъ дольше всего хранилась память о Велесѣ,—тогда какъ и Перунъ, и особенно Дождьбогъ, совершенно исчезли изъ памяти русскаго народа, Велесъ упоминается и въ лѣтописи, и въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», и въ житіи Авраамія Ростовскаго; имя Велеса сохранилось и донынѣ въ географическихъ названіяхъ мѣстностей («Волосово»—названіе села, часто попадающееся въ Россіи). Были у русскихъ славянъ и изображе-

---

рѣчи—не выносить печи". Оттого плевать въ печку, особенно топящуюся, считается у народа „грѣхомъ“.

[1]) Ср. повѣсти Гоголя „Майская ночь, или утопленница“, Пушкина „Русалка“, Тургенева эпизодъ изъ повѣсти „Бѣжинъ лугъ“, Печерскаго „Въ лѣсахъ“ соч. т. III, 262, Максимовъ „Лѣсная глушь“ I, 47—9, Даль, соч. X, 342.

[2]) Другое названіе его *Хорсъ*. Болѣе позднія: Ярило, Купала и др.

нія этихъ божествъ, въ видѣ идоловъ, которымъ приносили въ жертву мясо и напитки; существовали и человѣческія жертвоприношенія.

Постепенное проникновеніе христіанства въ народъ помрачило въ его представленіи образы старыхъ боговъ: *религія природы* теперь уцѣлѣла только въ народныхъ обрядахъ, но утратила всѣ свои миѳы-сказанія, отчасти смѣшалась съ христіанствомъ: Илья пророкъ получилъ черты бога грозы, Іоаннъ Креститель обратился въ Ивана Купала; мелкія божества этой религіи (лѣшій, водяной и пр.), подъ вліяніемъ церкви, въ представленіи народа, слились съ «бѣсами»,—явились уже не «божествами», а «нечистой силой»; религія *профессіональная*, болѣе молодая, смѣшавшись съ христіанствомъ, на христіанскихъ святыхъ перенесла черты и обязанности своихъ боговъ. Такъ, св. Власій, вѣроятно, по созвучію съ Волосомъ, принялъ на себя обязанности покровительствовать скотоводству. Св. Георгій-Побѣдоносецъ сдѣлался покровителемъ звѣрей, свв. Флоръ и Лавръ—покровителями спеціально лошадей и пр. Вліяніе христіанства на языческую религію.

Жрецовъ у русскихъ славянъ, повидимому, не было, но къ эпохѣ принятія христіанства уже опредѣлились люди, которые къ языческой религіи имѣли всетаки больше отношенія, чѣмъ вся остальная масса.—Лѣтопись называетъ ихъ «волхвами», «кудесниками», «вѣщими людьми» [1]). Заговоры, заклинанья, знаніе колдовства, умѣніе силой слова воздѣйствовать на боговъ и природу,—вотъ, тѣ знанія, которыя выдѣляли ихъ изъ толпы. Они могли превращать людей, могли нагонять болѣзни, засухи, вызывать грозу и дождь... Эти «вѣдуны» и «вѣдьмы» (отъ корня вѣд-ать) пользовались уваженіемъ у русскихъ славянъ, о чемъ неразъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, — съ ними упорно боролась церковь, такъ какъ они были столпами стараго язычества. Наслѣдниками ихъ знаній теперь являются въ деревнѣ «знахари» и «знахарки» (отъ того же корня, что и слово *знать*). Волхвы-кудесники.

Вѣдьма—одно изъ самыхъ популярныхъ лицъ въ народныхъ сказкахъ, особенно малороссійскихъ,—въ великорусскихъ этотъ образъ слился съ «Бабой-Ягой». Это—злобное существо, людоѣдка, которая преслѣдуетъ героя, или, наоборотъ, помогаетъ ему совѣтами и талисманами [2]). Вѣдьма, Баба-Яга.

Къ области старыхъ, языческихъ вѣрованій нашего народа относится вѣра въ существованіе *упырей*,—покойниковъ, сохраняющихъ нормальный цвѣтъ лица и не разлагающихся потому, что они по ночамъ сосутъ кровь спящихъ [3]). Упыри.

Была вѣра у нашихъ предковъ въ существованіе какихъ-то неясныхъ божествъ, которыя предсказывали судьбу—это какая то *Судина*, или *Судьбина*. Слѣды вѣрованія въ «прирожденность» судьбы человѣку сохранились въ представленіи о «суженомъ-ряженомъ», о «судѣ божіемъ» [4]). Гаданіе, съ цѣлью узнать «судьбу», свидѣтельствуетъ тоже о такой вѣрѣ Судьба.

---

[1]) Ср. балладу Пушкина „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“.

[2]) Даль, соч. X, 345. Слово „баба-яга“, вѣроятно, финское; инородцы-финны (зыряне) такъ называютъ злое существо женскаго пола, живущее въ лѣсу (яга-лѣсъ).

[3]) Ср. балладу Пушкина „Вурдалакъ“. Даля Соч. VII, 16 (изд. Вольфа).

[4]) Въ новой русской литературѣ простой народъ почти всегда представленъ съ чертами фатализма (fatum—судьба). Ср. напр., нѣкоторыхъ героевъ гр. Л. Толстого, Тургенева.

въ предрѣшенность жизни человѣка. Быть можетъ, съ этой вѣрой въ «судьбу» приходится связывать представленія Горя, Нужды, Лиха въ видѣ живыхъ существъ, которыя неотвязчиво преслѣдуютъ человѣка, гонятся за нимъ, въ человѣческомъ, или животномъ видѣ [1]). Была вѣра также въ какихъ-то «злыдней», засвидѣтельствованная и письменностью, и поэзіей.

Если мы обратимся къ народной поэзіи, отразившей религіозныя воззрѣнія нашихъ предковъ, мы увидимъ, что отъ той далекой поры, когда народное творчество проявило первые свои опыты, до нашихъ дней сохранились лишь окаменѣлые остатки. Ихъ свято сохранилъ въ теченіе многихъ вѣковъ русскій народъ, но они, сами по себѣ, такъ случайны и отрывочны, что не разсказываютъ намъ своей исторіи.

Пѣсни обрядовыя.

Больше всего миѳическаго элемента сохранилось въ *пѣсняхъ обрядовыхъ*—онѣ отличаются наибольшею устойчивостью вмѣстѣ съ тѣми обрядами, съ которыми связаны. Эти пѣсни сохранили намъ остатки такой старины, которая даже не отмѣчена исторіей.

Пѣсни *бытовыя* (былевыя и лирическія).

Если эти древнѣйшія произведенія народнаго творчества не имѣли въ глазахъ народа эстетическаго значенія, то этого значенія нельзя отнимать у тѣхъ пѣсенъ, которыя не были освящены обрядомъ, или вѣрою, которыя шли не изъ обычая, а изъ *жизни*. Это произведенія *эпоса историческаго* и собственно *лирическія*.

Къ сожалѣнію, эти произведенія сохранились хуже. Надъ ними прошло столько воздѣйствій времени и чуждыхъ вліяній, устныхъ и письменныхъ, что прежнее основное первичное содержаніе и мотивы этой старой поэзіи въ дошедшихъ до насъ образцахъ возстановить почти нельзя.

Во всякомъ случаѣ, говоря о нихъ, мы должны изъ области отношеній человѣка къ природѣ спуститься въ міръ чисто-человѣческихъ отношеній.

Вліяніе жизни на творчество.

§ 9. *Жизнь и народное творчество.* Конечно, творчество народное направлялось не только на разрѣшеніе темныхъ вопросовъ взаимодѣйствія міра человѣческаго и міра потусторонняго. Жизнь брала свое— и древняя Русь знала уже пѣсни, которыя пѣлись на пирахъ, на охотѣ, во время отдыха, въ минуты радостей и безмятежнаго покоя. Уже до христіанства опредѣлились и тѣ историческія *кантилены* (пѣсни), которыя пѣлись въ честь князей и доблестныхъ витязей. Борьба со степью, съ Византіею—на югѣ, съ финнами и скандинавами—на сѣверѣ, давала пищу этой поэзіи. Уже въ древности были у насъ знаменитые пѣснотворцы, которые вырабатывали особые поэтическіе пріемы (ср. указаніе «Слова о полку Игоревѣ» на Баяна, у котораго были уже свои «пріемы» начинать пѣсни).

Чуждыя вліянія на этой пѣснѣ.

Несомнѣнно, въ этомъ процессѣ развитія бытовой поэзіи уже рано стали принимать участіе чуждыя вліянія. Фрески на лѣстницахъ Кіевскаго Софійскаго собора, рисующіе «веселые обычаи» княжескаго двора, даютъ намъ ясное представленіе объ участіи чужеземныхъ артистовъ въ этихъ увеселеніяхъ.

---

[1]) Ср. Повѣсть о „Горѣ Злосчастьѣ“, сказка о „Лихѣ одноглазомъ“.

Всѣ эти «скоморохи» [1]), «гудцы» [2]), «свирилцы» [3]), «шпилеве» (шпильманы) [4]), которые были непремѣнными гостями веселыхъ русскихъ князей, были захожими молодцами, роднившими въ своемъ пѣсенномъ репертуарѣ поэтическія темы и мотивы разныхъ народовъ. Потомъ появились русскіе скоморохи, пѣвцы-артисты, которые приняли на себя чужое заимствованное названіе. Кромѣ того, дружина князя тоже выдвигала изъ своей среды даровитыхъ выразителей настроеній и стремленій своего круга.

Увлеченіе этой пѣсней, засвидѣтельствованное показаніями исторіи и церкви, доказываетъ, что уже предки наши стали подходить къ сознанію эстетической цѣнности поэзіи, уже тогда прочувствована была прелесть пѣсни, свободной отъ религіи, — пѣсни, пѣвшейся только ради удовольствія. Отношеніе народа къ пѣснямъ бытовымъ.

Лѣтопись и «Слово о полку Игоревѣ» сохранили намъ указанія на обычай *славленія* князя и именитыхъ людей. О существованіи этой пѣсни, отъ которой ведетъ свое начало историческій эпосъ, говорятъ также слова Кирилла Туровскаго: «історп и витія, рекше лѣтописцы и *пѣснотворцы*, преклоняютъ свои слухи въ бывшая межю цари рати и ополчения, да украсятъ словесы слышащая». Въ этихъ словахъ мирно поставлены рядомъ историкъ книжный и пѣвецъ,—историкъ народный, ученикъ Баяна.

Такимъ образомъ, народъ въ своей обрядовой и бытовой пѣснѣ отразилъ свои вѣрованія, свои обычаи, свои земные интересы; дружина въ своемъ эпосѣ откликнулась на первые историческіе запросы. Народъ и князья любили свою поэзію. Даже старый лѣтописецъ вслушивался въ голосъ народа, занося на страницы своей лѣтописи народно-поэтическія преданія о первыхъ русскихъ князьяхъ.

§ 10. *Церковь и народное творчество.* Не такъ относились къ этой поэзіи писатели церковные, — тѣ люди, «сердца которыхъ засѣяны были книжными словесы». Для нихъ весь міръ слова дѣлился на *истину*, запечатлѣнную въ св. книгахъ, — и на *ложь*, «сказки небылыя», которыми развлекался народъ; одно шло отъ Бога, другое — отъ дьявола. Для церковниковъ, усвоившихъ аскетическіе взгляды, *зло* воплощалось въ плоти; *добро* — въ духѣ: земныя радости претили такому строгому и одностороннему пониманію христіанской религіи. Отсюда гоненія церкви (русской и западной) на народную поэзію, не только миѳическую, но, вообще, на всю поэзію народа, какъ радостный гимнъ землѣ, земной радости—этому civitas diaboli (государство дьявола). Отношеніе церкви къ нар. поэзіи.

Оттого всѣ игры и забавы, всѣ задушевныя убѣжденія, связанныя

---

1) „Скоморохъ"—слово иностранное. Акад. Веселовскій производитъ его отъ арабскаго mascaras (шутка, шутъ); на западѣ это слово, усвоенное въ первомъ значеніи, получило и другое—„ряженый" (отсюда: „маска"); русское слово *скоморохъ* — испорченное mascaras чрезъ перестановку *scamaras.* Есть еще греческое слово „σκώμμαρχος" — начальникъ, или мастеръ смѣхотворства. Съ этимъ словомъ также связываютъ происхожденіе слова „скоморохъ".

2) Гудошники, играющіе на гудахъ.

3) Играющіе на свирѣляхъ.

4) „Spiel-mann"—артистъ.

тѣсными узами съ темною миѳическою стариной, всякій досугъ простого народа, когда фантазія и чувство просили себѣ выраженія въ пѣснѣ и пляскѣ,—однимъ словомъ, всякое веселье его казалось церковнымъ людямъ той эпохи дѣломъ предосудительнымъ, навожденіемъ дьявольскимъ.

И вотъ, длинной вереницей отъ начала христіанства до XVIII в. тянутся церковныя обличенія языческой жизни новообращенныхъ христіанъ. Эти обличенія интересны тѣмъ, что ясно указываютъ, какъ живуча была народная поэзія, какъ упорно отстаивала она свои права па существованіе.

Изъ церковнаго устава митр. Іоанна (ум. 1088 года) мы узнаемъ, что «играніе, бѣсовскія пѣсни, блудное глумленіе»—были обыкновенною забавой на пирахъ. Изъ житія св. Ѳеодосія видно, что святой смутилъ благочестиваго князя, явившись на его пиръ. «Многия играющи передъ нимъ, овы гусельные гласы испущающе, другыя же органьные гласы поющи и инѣмъ замарьныя [1]) писки гласящемъ и такъ всѣмъ играющемъ и веселящемся, якоже обычай есть прѣдъ князьмъ». Въ одномъ сборникѣ XII в. такъ описанъ пиръ: «веселіе многое, ласкавьцы, шьпилеве, праздпословцы, смѣхословцы, плясанія, мерзости, пѣсни». «Басни баютъ и въ дуду гудутъ» (изъ поученія Кирилла Туровскаго). Быть можетъ, многія изъ этихъ забавъ и были занесены изъ чужихъ земель, но многія были, конечно, мѣстнаго русскаго происхожденія.

Итакъ, народная поэзія была и богата, и живуча. Она охватывала всю обрядовую сторону жизни нашихъ предковъ, всю область ихъ вѣрованій и знанія, была любимымъ развлеченіемъ не только языческой, но и христіанской Руси.

Если церковь, пыталась энергично бороться съ остатками языческой старины, то у нея самой на первыхъ порахъ для этой борьбы не хватало силы и знанія. Единственно, чего она добилась,—это «двоевѣрія», т. е. примиренія осколковъ стараго языческаго міровоззрѣнія съ новымъ христіанскимъ. Послѣ татарскаго нашествія, когда усилилось религіозное настроеніе, народъ особенно поддался вліянію церкви. Но отсутствіе школъ и необразованность самого духовенства привели не къ побѣдѣ христіанства, а лишь къ примиренію его съ язычествомъ. Въ результатѣ, создались въ народѣ многочисленныя «двоевѣрныя», или «суевѣрныя» представленія и сказанія, которыя интересны во многихъ отношеніяхъ [2]).

„Двоевѣріе“.

Такимъ образомъ, старые боги исчезли не безслѣдно,—они уцѣлѣли въ нахлынувшемъ потокѣ идей о новомъ Богѣ. И вотъ, мы видимъ пріуроченіе старыхъ языческихъ праздпествъ къ христіанскимъ, видимъ—или превращеніе прежнихъ языческихъ божествъ въ злобныя существа демоническаго характера, — или сближеніе этихъ божествъ съ христіанскими святыми; явилась вѣра въ особое принудительное значеніе молитвы,—значеніе, равное старому заговору, развилась вѣра въ искупительную силу обѣта и добрыхъ дѣлъ; все это указываетъ намъ, что новыя идеи, принесенныя къ намъ христіанствомъ, окрасились старымъ язычествомъ. Гоголевскій городничій,

---

[1]) „Замарьныя писки“, т. е. звуки производимыя „замрой“ (древній русскій музыкальный инструментъ).

[2]) О нихъ ниже (см. въ 2-мъ выпускѣ I части этой книги отдѣлы: „апокрифы“, „легенды,“ „духовные стихи“.

мечтающій о томъ, какой свѣчей отблагодаритъ онъ Господа за укрывательство его плутней, еще живетъ идеалами этого «двоевѣрія».

Особенными любимцами народа сдѣлались Егорій Храбрый, Николай Милостивый и Илья-пророкъ; они рано выдѣлились изъ среды другихъ угодниковъ. Календарное празднованіе этихъ святыхъ (23 апрѣля, 9 мая, 20 іюля) притянуло къ себѣ народные весенніе и лѣтніе праздники языческаго происхожденія. Объ этихъ святыхъ народъ сложилъ рядъ легендъ: странствованіе ихъ по землѣ, помощь бѣднымъ, наказаніе злыхъ — вотъ, любимыя темы этихъ легендъ. Разсказы о козняхъ дьявола, о наказаніи великихъ грѣшниковъ начали складываться съ этой поры народной жизни. Многіе заговоры начинаются отреченіемъ отъ всего христіанскаго, призываніемъ бѣсовъ, обѣщаніемъ совершить что-нибудь грѣховное. Рядомъ со «святыми», въ заговорахъ являются теперь и «бабушка-Соломонида», которая мыла новорожденнаго Христа, «12 иродовыхъ дочерей», «св. Пятница», «Сіонская гора съ камнемъ Латыремъ» — и старые боги,—теперь злые духи: лѣсной, водяной, полевой и домовой. Къ этой двоевѣрной поэзіи церковь, уже утратившая къ XV—XVI в.в. свою первоначальную строгость, относилась болѣе снисходительно, чѣмъ раньше.

Естественно, что къ этому времени ослабѣла ея вражда и къ народной пѣснѣ. Пусть, время отъ времени, слышатся строгія запрещенія пѣть пѣсни, совершать старые обряды, развлекаться играми, водить хороводы, пляски,—при дворѣ самого царя, бояръ и другихъ именитыхъ, или богатыхъ людей толклись народные пѣвцы, сказочники - бахари. Они въ XVII в., очевидно, завоевали себѣ положеніе.

Смѣшеніе календарей.

Выше было уже указано, что два равноденствія, два солнцестоянія (зимнее и лѣтнее) и два поворота солнца на зиму и на лѣто легли въ основу вѣры славянъ въ умираніе и оживаніе солнца. Отсюда ведутъ начало и два главныхъ праздника, которые извѣстны у насъ подъ именами «коляды» и «купалы».

Этотъ языческій календарь, начинавшій новый годъ съ весны, не совпалъ съ церковнымъ, который начиналъ новый годъ съ сентября, а затѣмъ и съ гражданскимъ, который у насъ введенъ былъ Петромъ Великимъ и начинаетъ годъ съ 1-го января. Отъ этой путаницы произошли большія перемѣны въ старомъ языческомъ календарѣ. Необходимость пріурочить свой праздникъ къ досугу заставляла сближать его съ праздникомъ «оффиціальнымъ», а это пріуроченіе,—съ одной стороны, вело къ ослабленію языческой старины,—а, съ другой, къ подчиненію этой старины новой жизни,—вліянію церковнаго праздника. Народные праздники пріурочились къ Пасхѣ, Рождеству, къ Троицыну и Духову дню. Языческій Купала сблизился съ днемъ Іоанна Крестителя, — и, въ результатѣ, получился Иванъ Купала.

Аграрный характеръ на поэзіи.

Затѣмъ эта старина пережила еще одно коренное измѣненіе. Еще въ XVII в. ея обряды, въ бо̀льшей или меньшей степени, были обязательны для всѣхъ сословій. Когда «верхи» русскаго общества оторвались и подчинились вліянію запада,—вся эта старина опустилась въ народъ земледѣльческій по преимуществу, и потому подчинилась *аграрному* (земледѣльческому) характеру жизни. Оттого, всѣ народные праздники, обратившись въ «простонародные», имѣютъ теперь то или другое отношеніе къ земледѣлію.

Искаженіе обряда и пѣсни.

Кромѣ того, съ теченіемъ времени началось постепенное разложеніе обряда,—оно сказалось, главнымъ образомъ, въ нарушеніи взаимоотношенія обряда съ пѣснею. Вотъ почему, теперь только очень немногіе обряды связаны съ соотвѣтствующими пѣснями и играми,—въ огромномъ же большинствѣ случаевъ, пѣсни оторвались отъ обрядовъ, а различныя обрядовыя смѣшались... Такъ, языческая масляница утратила всѣ свои пѣсни; свадебныя пѣсни перемѣшались съ весенними и лѣтними; въ дѣтскія пѣсни вошли многія обрядовыя: онѣ вошли также и въ хороводныя и семейныя. Многія пѣсни совершенно забылись—такъ, колядскія пѣсни держатся у малороссовъ, но почти забылись у великороссовъ; кромѣ того, пѣсни подверглись многимъ искаженіямъ, доходящимъ иногда до утраты смысла (такъ, напр., въ одной пѣснѣ поется: «типунъ тебѣ не судья» вм. «тіунъ тебѣ не судья»; «стрѣлы водитъ по ночамъ» — вмѣсто стараго—«съ требой ходитъ по ночамъ» и пр.).

Какъ образецъ подобныхъ же искаженій смысла, можно привести извѣстную поговорку: «сухо-дерево, завтра пятница». Очевидно, сначала эта поговорка звучала: «сухо дерево не *попятится*», т. е. не согнется, не уступитъ... Затѣмъ, по созвучію, вышла *пятница*,—очевидно, та св. пятница, которую такъ уважаетъ народъ...

Обрядовая поэзія. Остатки ея въ городѣ.

§ 11. *Обрядовыя пѣсни* [1]). До нашихъ дней дожили народные обряды, ведущіе свое начало изъ глубокой старины. Чѣмъ глуше деревня, чѣмъ дальше отъ шумной и пестрой жизни города, или фабрики, тѣмъ сохраннѣе эти обряды. Въ XVIII в. многіе народные праздники справлялись еще въ столицахъ,—теперь же, до нашихъ дней, уцѣлѣло очень немногое: въ Троицынъ день появляются вездѣ въ домахъ молодыя зеленыя березки; на святкахъ, даже въ городахъ, въ улицахъ отдаленныхъ отъ центра, бѣгаютъ шумныя кучки подростковъ въ дурацкихъ „харяхъ"... Иногда молодежь занимается гаданьемъ, льетъ олово и воскъ, легкомысленно осмѣивая разные прихотливые узоры, выходящіе на тѣни. Вотъ и все, что осталось въ городской жизни отъ сѣдой старины... Гораздо бережнѣе сохранила ее деревня. Смыслъ этой старины утраченъ и тамъ,—многое смѣшалось [2]), позабылось, много наслоилось новаго, но сохранилась „традиція" — сознаніе необходимости въ опредѣленный день „справлять старину"... Это сознаніе объясняется не только уваженіемъ къ дѣдовскимъ обычаямъ, нѣтъ—оно освящается вѣрою въ особое почти божественное значеніе обряда. Такъ, напримѣръ, въ глазахъ народа, свадебные обряды обязательны въ такой же мѣрѣ, какъ и церковные. Обряды при рожденіи ребенка, при по-

Отношеніе къ обрядамъ въ деревнѣ.

[1]) Историч. Хрестоматія ч. I, 1—5.

[2]) Тѣ же обряды въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ разныхъ губерніяхъ, даже въ разныхъ мѣстахъ одной губерніи совершаются различно: старый „чинъ" утраченъ.

хоронахъ, при разныхъ работахъ сельскихъ, необходимы,—иначе неполнота церемоніи, по понятіямъ народа, грозитъ такой же неполнотой въ жизни. Какъ не встрѣтить весну радостнымъ привѣтствіемъ, когда отъ нея зависитъ, быть можетъ, цѣлый годъ? Какъ не проводить ее съ честью, или съ чувствомъ благодарности, или, быть можетъ, изъ боязни возмездія въ будущемъ? Правда, въ наши дни, многіе обряды (связанные съ религіей природы) обращаются въ простыя увеселенія, но попробуйте ихъ замѣнить какими нибудь другими,—будетъ ли отъ этого счастливѣе народъ?

Поэтическое значеніе старыхъ обрядовъ.

Какъ ни печальна судьба нашей миѳической поэзіи, какъ ни извращены остатки ея, сохранившіеся до нашихъ дней,—она еще полна настроенія, особенно тамъ, гдѣ соприкасается съ живой поэзіей оживающей, или умирающей природы. Сама природа своими голосами, своими ароматами,—чарами своей мощи и красоты возвышаетъ человѣка до единенія съ ея таинственною жизнью. Человѣкъ, оторванный отъ природы культурой, религіей, своими занятіями — въ эти рѣдкіе часы возвращается къ ней; поетъ ей свои пѣсни, передаетъ ей свое настроеніе—и на этотъ мигъ теряется въ ней, сливается съ ней въ одно бытіе. Стоитъ перечесть нѣкоторыя беллетристическія произведенія нашихъ писателей, изображавшихъ жизнь народа,—и мы увидимъ, что даже интеллегентныхъ людей покоряло это великое язычество природы. Извѣстный романъ Печерскаго: „Въ лѣсахъ“ — гимнъ Ярилѣ, богу солнца, огня, —богу всепобѣждающей страсти. Въ „Снѣгурочкѣ“ Островскаго мы встрѣчаемъ то же глубокое проникновеніе въ весеннія настроенія природы; въ этомъ произведеніи передъ нами очень интересная попытка возсоздать миѳическую старину русскаго народа въ эпоху почитанія бога солнца—Ярилы. Въ статьяхъ акад. Буслаева найдемъ мы вдохновенныя строки, свидѣтельствующія о томъ, что чары язычества всесильны даже надъ почтеннымъ кабинетнымъ ученымъ, когда его касается живая волна народной поэзіи, народной жизни,—поскольку она связана съ природой, дѣвственной, языческой...

Основные праздники въ честь солнца.

Народные праздники, сохранившіеся отъ старой „религіи природы“, распадаются на группу праздниковъ въ честь возростающей силы солнца (съ зимняго солнцестоянія до лѣтняго) и праздники, въ честь ослабѣвающей энергіи солнца (отъ лѣтняго солнцестоянія до зимняго). Къ первой группѣ относятся *колядскіе, зимніе* и *весенніе*, — ко второй — *купальскіе, лѣтнія.*

Въ обрядахъ колядскихъ и во всѣхъ примыкающихъ къ нимъ „весеннихъ" выразилась вѣра въ оживаніе солнца и природы,— отсюда закликанія весны, дождя, чествованіе расцвѣтающихъ деревьевъ и травъ, ожиданіе наростанія жизни во всемъ—въ урожаѣ хлѣба, въ приплодѣ скота, въ бракахъ, при рожденіи дѣтей. Въ праздникахъ „купальскихъ" выражается вѣра въ умираніе солнца и природы, — оттого въ эти обряды входятъ похороны соломенныхъ чучелъ, изображающихъ божество, или ихъ потопленіе, или сжиганіе...

Коляда.

а) *Праздники въ честь наростанія силы солнца. Коляда-Овсень.* (Святки и Васильевъ вечеръ). Этотъ праздникъ, захватывающій время отъ 24-го декабря по 6-ое января, встрѣчается у всѣхъ христіанскихъ народовъ Европы. Названіе праздника нерусское, ненародное—это греч. *καλάνδαι*, латинское—calendae [1]). Вѣроятно, это чуждое названіе удержалось у насъ подъ вліяніемъ греческой церкви, которая усиленно преслѣдовала праздникъ у себя на родинѣ и, вмѣстѣ съ этими обличеніями, перенесла греческое названіе и къ намъ на соотвѣтствующій по времени русскій народный праздникъ. Чисто-русское слово, пріуроченное къ празднику, есть Овсень, (Авсень, Усень, Таусень). Овсень служитъ предметомъ воспѣванія въ „колядахъ", стоитъ нерѣдко рядомъ со „святой Колядой" [2]). X

Особенности обрядовъ.

Праздникъ этотъ еще издавна состоялъ изъ длиннаго ряда традиціонныхъ игръ: у насъ, обыкновенно, рядятся въ звѣриные „образы" („маски" и „луды"—отсюда старинное названіе „наря-

---

[1]) Прежде производили это слово отъ „коло" (колесо—напоминаетъ формой солнце), отъ „колоды", которую зажигаютъ въ эти дни; отъ „кол-ѣдъ",—„кругомъ" ѣдущій и „кол—ѣда", т. е. „круговая ѣда." У грековъ и у римлянъ конецъ осени и начало зимы сопровождался рядомъ праздниковъ: а) *Брумаліи* (въ честь Діониса, отъ 24 ноября до 17 декабря; праздникъ сопровождался переряживаніемъ; b) *Сатурналіи* (въ честь Сатурна, отъ 17 дек. до 23 декабря; происходили гладіаторскіе бои, устраивались пиршества, при чемъ, обыкновенно, среди блюдъ почетное мѣсто занималъ поросенокъ); c) *Воты* (отъ 23 дек. по 1 янв.; въ виду наступленія новаго года совершались молитвы, творились обѣты); d) *Календы* (съ 1 янв. по 6-ое); праздникъ, отличавшійся особымъ весельемъ, т. к. древніе вѣровали, что, кто веселится въ этотъ день, тотъ будетъ счастливъ цѣлый годъ. Молодежь съ пѣснями и плясками ходила по домамъ, поздравляла хозяевъ и за это получала подарки. Наканунѣ 1-го января древніе гадали. Христіанская церковь потребовала соблюденія рождественскаго поста, и всѣ эти праздники скоро были забыты; въ VI в. уцѣлѣли только Календы,—они захватили больше времени (съ 25 дек. по 5 января), и въ себя включили всѣ обычаи остальныхъ трехъ забытыхъ праздниковъ (переряживанье, пиршества, гаданья и пр.). Христіанское русское названіе Коляды — „святки" т. е. „святые вечера".

[2]) Слово „Коляда" удержалось въ припѣвахъ пѣсенъ, въ названіи этихъ пѣсенъ „колядками", въ выраженіяхъ: „колядовать", „колядованье".

жанья“ — „московудіе“, „московудство“ [1]), гадаютъ о судьбѣ, объ урожаѣ, о бракѣ, пируютъ и веселятся [2]). Уже по фрескамъ Кіевскаго Софійскаго собора видно, что въ старину рядились въ звѣриныя шкуры и одѣвали маски съ рогами,—очевидно рядились „турами“. Теперь въ деревняхъ, обыкновенно, рядятся „козой“.

Въ пѣсняхъ, которыя поются „колядующими“, обыкновенно, восхваляется хозяинъ дома и хозяйка, выражается пожеланіе имъ всяческихъ благъ и затѣмъ выпрашивается подачка [3]). Содержаніе „колядокъ“.

„Колядскія пѣсни“ поются подъ Рождество. Однѣ изъ нихъ носятъ еще какъ будто полу-языческій характеръ,—въ нихъ разсказывается, какъ явилась Коляда наканунѣ Рождества, какъ ее долго искали и нашли „на дворѣ (имя хозяина дома) на восьми столбахъ; въ томъ дворѣ три терема златоверхіе огорожены желѣзнымъ тыномъ, ворота мѣдныя, а подворотня—дорогъ рыбій зубъ“ и т. д. Затѣмъ величаются хозяинъ и хозяйка. Другія колядки носятъ церковный характеръ и сбиваются на духовные стихи. Напр.—

«На Іорданѣ тихая вода стояла,
Тамъ пречистая своего Сына купала.
Приходили туда три царя,
Приносили туда три дара и пр.

Есть „колядки“, въ которыхъ хозяину дома колядующіе разсказываютъ, что Господь ходитъ по его двору, готовитъ плуги, ходитъ по току, кладетъ снопы и пр. — словомъ, исполняетъ всѣ работы земледѣльца, или какого-то божества, покровителя земледѣлія.

Кромѣ „колядокъ“ земледѣльческаго и церковнаго типа, есть еще такія, въ которыхъ сохранились какія-то воинскія воспоминанія. Эти колядки иногда бываютъ съ примѣсью любовнаго элемента. Проф. Владиміровъ приводитъ слѣдующее содержаніе такой „колядки“: „Славный молодецъ (иногда „князь“) хочетъ продать коня; конь напоминаетъ молодцу, какъ онъ вынесъ его съ поля битвы, когда стрѣла летѣла за ними вслѣдъ. Князь, (или молодецъ) осаждаетъ Царьградъ, Вышгородъ. Осажденные выводятъ ему вороного коня, выносятъ золото; но осаждающій

---

1) „Луда“—названіе верхней одежды; (нѣкоторые объясняютъ слово „лудіе“ — отъ лат. „ludus“ игра); объ обычаѣ рядиться см. у Нефедова „Очерки и разсказы“ 28.

2) Происхожденіе слова темно: сопоставляли Усень и съ литовскимъ auszra (утренняя заря), сближали съ корнемъ *сѣять*, (Sa-tur—отсюда связь съ Сатурномъ), такъ какъ хлѣбныя зерна играютъ видную роль во время этихъ праздниковъ.

3) Образцы колядокъ въ „Исторической Хрестоматіи“ стр. 1—3.

не снимаетъ осады, пока не выводятъ ему красной дѣвушки — „княгини“ („Ходилъ, гулялъ княжой сынъ“, „Кругъ города ходитъ царевъ сынъ“, „Ходитъ нашъ свѣтлый князь около города, сѣчетъ, рубитъ мечемъ ворота, ищетъ свѣтлую княгиню“ и т. д.).

Овсеневыя пѣсни.

„Овсеневыя“ пѣсни поются наканунѣ Новаго года и въ Новый годъ; въ Малороссіи ихъ зовутъ „щедрівками“. Въ нихъ тоже величается хозяинъ, ему желаютъ богатства и благополучія. Затѣмъ выпрашивается подачка [1]).

Такъ, напримѣръ, одна пѣсня оканчивается словами:

«Не ломай, не гибай—
Весь пирогъ подавай!

Въ одной изъ тверскихъ пѣсенъ хозяину дома обѣщается богатый урожай; въ одной изъ московскихъ—обѣщается богатство [2]), а въ случаѣ отказа дать подачку—угроза всякими бѣдами; то же предвѣщаніе всякихъ благополучій встрѣчаемъ въ одной изъ рязанскихъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что почти во всѣхъ пѣсняхъ, вмѣстѣ съ величаніемъ хозяина, есть предсказаніе, пожеланіе добра въ наступающемъ году; въ нѣкоторыхъ есть просьба наградить за это пожеланіе пѣвцовъ; въ другихъ просьба обращается уже въ шутливое вымогательство подачки съ угрозой разнести избу. Вѣроятно, эти три типа представляютъ собой три момента разложенія пѣсни—изъ серьезной въ шутливую [3]).

Аграрный характеръ праздника.

Конечно, всѣ обряды и гаданія на святкахъ, касающіяся земледѣлія и скотоводства, очень древни: въ подблюдныхъ величальныхъ пѣсняхъ воспѣвается хлѣбъ, въ колядкахъ прославляется плугъ, соха, оранье, сѣянье; причемъ „плуговыя“ пѣсни сопровождаются мимикой, изображающей земледѣльческія работы.

Гаданія.

Въ эти же дни происходятъ гаданья [4]); особенно популярно гаданье при помощи выниманія колецъ изъ миски съ водой во время пѣнія „подблюдныхъ пѣсенъ“. Смотря по тому, чей перстень

---

[1]) Истор. Хрестом. I, 1—3.

[2]) Хотя поэтическіе мотивы нѣкоторыхъ колядокъ и щедривокъ взяты изъ христіанскихъ легендъ, но они въ значительной степени подчинены главной цѣли этихъ пѣсенъ,—именно, величанію лица, къ которому обращена пѣсня.

[3]) См. колядованье у Печерскаго „Въ лѣсахъ“, соч. III, 16—17 (приведены и серьезная и шутливая колядка), у Данилевскаго „Изъ Украйны“, III, 90.

[4]) См. у Данилевскаго „Изъ Украйны“, III, 96, у Нефедова „Очерки и разсказы“, Даля „Авсень“. соч. VIII, 1—55.

вьнется одновременно съ пѣніемъ той или другой пѣсни—тому предсказывается опредѣленная участь [1]).

Гаданье при помощи кольца приводится, между прочимъ, у Пушкина, когда разсказано гаданье Татьяны на святкахъ:

„Изъ блюда, полнаго водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней.
„Тамъ мужики-то все богаты,—
Гребутъ лопатой серебро;
Кому поемъ, тому добро
И слава!“ Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ,—
Милѣй *кошурка* сердцу дѣвъ».

Къ этимъ стихамъ Пушкинъ дѣлаетъ объяснительное примѣчаніе: „Зоветъ котъ кошурку въ печурку спать“—предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть“.

„Посидѣлки“, „бесѣды“.

Со второго дня Рождества до конца сочельника молодежь устраиваетъ „посидѣлки“, „бесѣды“, „игрища“. Въ одной изъ избъ устраиваются „ссыпки“, т. е. туда каждый участникъ развлеченія приноситъ лакомства и съѣстные припасы. Иногда болѣе богатые устраиваютъ ссыпки на свой счетъ. Затѣмъ разыгрываются всѣми присутствующими „игры“; участвующіе обмѣниваются пѣснями, соотвѣтствующими содержанію игры и сопровождаютъ ее мимическими дѣйствіями; въ пѣніи участвуютъ то солисты, то хоръ [2]).

Разсказъ Печерскаго о „посидѣлкахъ“.

У Печерскаго въ его романѣ («Въ горахъ») встрѣчаемъ живое описаніе «посидѣлокъ».

«Заводи зазывную! [3]) вдругъ крикнула пряха изъ Шишинки. Пора! Можетъ, парни давно у воротъ, да не слыша зазывной, на дворъ нейдутъ!»

Зашуршали веретена, громко дѣвки запѣли. Тетка Акулина суетливо бѣгаетъ взадъ и впередъ по избѣ, прибирая въ ожиданіи гостей разбросанныя вещи.

— Заводи, заводите, красныя дѣвицы—говоритъ она—скликайте пареньковъ, собирайте молодцовъ!

Поютъ дѣвицы зазывную:

«Леталъ голубь, леталъ сизый,
Леталъ сизый по возгорью,
Искалъ голубь, искалъ сизый
Своей сизыя голубки... и пр.

---

[1]) Образцы пѣсенъ см. въ Хрестоматіи, стр. 3—4.

[2]) Шеинъ „Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ“, I, 305—31, еще у Максимова „Лѣсная глушь“, 38.

[3]) „Зазывною“ пѣснью зовется всякая, что первою поется на посидѣлкахъ. (Прим. Печерскаго).

Акулина Мироновна, изъ краснаго угла перетащивши столъ направо отъ входа въ избу, покрыла его столешниками [1]) и разставила тарелки съ вареной брюквой, солеными огурцами, моченымъ горохомъ, орѣхами, подсолнухами, городецкими пряниками, жомками, маковниками, избойной, сушеной черникой и другими деревенскими лакомствами. Тутъ же ставлены были ломтями нарѣзанная солонина, студень, рубцы, соленый судакъ, вареный картофель, [собрались парни].

Начали пѣсни пѣть. Звонко пѣли дѣвки, громко подпѣвали парни. Пѣли сначала пѣсни семейныя, потомъ веселыя, дѣло дошло до плясовыхъ. На славу, ровно напоказъ, ловчѣй и бойчѣй всѣхъ другихъ отплясывалъ Илья, всѣхъ величавѣй павой выступала, всѣхъ красивѣе плечами подергивала, задорнѣй поводила глазами и платочкомъ помахивала Лизавета. Каждый пляшетъ, каждая голоситъ развеселую. Пошла изба по горницѣ, сѣни по палатямъ—настоящій содомъ». («На горахъ» соч. X т. 140—151).

Весеннія обряды и пѣсни.

Встрѣча весны [2]). (Ѳомина недѣля. Красная горка. Радуница. Егорьевъ день). Народныя пѣсни, связанныя съ встрѣчей весны, несомнѣнно, должны быть отнесены къ наиболѣе поэтическимъ.

„Веснянки“.

„Веснянки“—это „закликанія“ весны, обыкновенно, поются съ конца марта мѣсяца въ разныхъ мѣстностяхъ въ разное время. „Закликаніе“ весны состоитъ въ томъ, что дѣвушки поютъ пѣсни, какъ бы перекликаясь хоръ съ хоромъ: какъ только кончаетъ одинъ хоръ, начинаетъ вдали другой, и такъ несутся весеннія пѣсни отъ села къ селу, отъ одного конца улицы на другой.

Къ веснѣ обращаются съ вопросами: „Весна, весна красная! Что намъ принесла? (Отвѣтъ: лѣто теплое). На чемъ пріѣхала? („На сошечкѣ, на бороночкѣ, на овсяномъ снопу, на ржаномъ колосу“). „Веснянки“, какъ заговоры, имѣютъ принудительный характеръ: „зиму замыкаютъ“, „землю отмыкаютъ“, „траву выпущаютъ“.

Разсказъ Печерскаго о встрѣчѣ весны въ деревнѣ.

«По деревнѣ стономъ стоятъ голоса. Весеннія хлопоты подоспѣли: кто борону вяжетъ, кто соху чинитъ, кто въ кузницѣ сошникъ либо полицу перековываетъ — пахота не за горами. Не налюбуются пахари на изумрудную зелень, пробившуюся на озимыхъ поляхъ. «Поднимайся, рожь зеленая, охрани тебя, матушку, небесный Царь! Уроди, Господи, крещенымъ людямъ, вдоволь хлѣбушка!»—молятъ мужики.

Бабы да дѣвки тоже хлопочутъ: гряды, да огороды копаютъ, сѣмена на солнцѣ размачиваютъ, вокругъ коровенокъ возятся и ждутъ не дождутся Егорьева дня, когда на утренней зарѣ святой вербушкой пого-

---

[1]) Полотенце, что кладутъ за столомъ двумъ-тремъ человѣкамъ вмѣсто салфетокъ. (Прим. Печерскаго).

[2]) Историч. Хрестоматія, ч. I, 4—5.

нять въ поле скотинушку, отощалую, истощенную отъ долгаго зимняго холода, голода... Молодежь работаетъ неустанно, а веселья не забываетъ. Парни, дѣвки весну «окликаютъ»:

«Весна, весна красна!
Приходи къ намъ съ радостью!

Ребятишки босикомъ, въ однѣхъ рубашенкахъ, по лѣтнему, кишатъ на улицѣ, бѣгаютъ по всполью — обѣдать даже нескоро загонишь ихъ... Стономъ стоятъ тоненькіе дѣтскіе голоса... Жмурясь и щурясь, силятся они своими глазенками прямо смотрѣть на солнышко и, рѣзво прыгая, поютъ ему весеннюю пѣсню:

«Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки [1]) плачутъ
Солнышко, покажись,
Красное, нарядись!..

Радуница! Красная горка!.. Веселье-то какое! [2])

Главные мотивы весенней поэзіи.

Ласточки, жаворонки, соловьи, кудрявая верба, бѣлая березынька, калина, зеленая мурава—вотъ, тѣ образы, которые заимствуются весеннею поэзіею изъ міра весенней природы. Нѣжныя мелодіи сердца,—молодая весенняя любовь—вотъ, мотивы этой поэзіи, взятые народомъ изъ міра его души.

«Пройдетъ зимушка холодная,
Вотъ наступитъ весна красная:
Протекутъ да рѣчки быстрыя;
Зацвѣтутъ въ рощахъ деревьица;
Запогуркиваютъ голуби,
Запосвистываетъ соловьюшко!..

Такова прелюдія къ этимъ весеннимъ мелодіямъ сердца.

Хороводы.

Весеннія гулянки по селамъ и деревнямъ зачинаются съ Святой недѣли и съ радуницкихъ хороводовъ. Онѣ тянутся вплоть до Петрова розговѣнья. На тѣхъ гулянкахъ водятъ хороводы обрядные, поютъ пѣсни завѣтныя—то остатки старинныхъ праздниковъ, что справляли наши предки во славу своихъ боговъ.

«До солнечнаго всхода раздаются звонкія пѣсни и топотъ удалыхъ плясокъ на тѣхъ праздникахъ. Кромѣ дней обрядныхъ, лишь только выдается ясный, тихій вечеръ, молодежь, забывъ усталь дневной работы, не помышляя о завтрашнемъ трудѣ, рѣзво бѣжитъ веселой гурьбой на урочное мѣсто и до свѣту водитъ тамъ хороводы, громко припѣвая, какъ

---

[1]) Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ русскіе названы „внуками Дажь бога“.
[2]) Печерскій „Въ лѣсахъ“, соч. IV, 198 — 9, еще у Данилевскаго „Изъ Украйны“, III, 120.

«вокругъ города Царева ходилъ-гулялъ царевъ сынъ, королевъ»,—какъ «въ Арзамасѣ, на украсѣ собиралися молодушки во единый кругъ». Слышатся въ тѣхъ пѣсняхъ помины про Дунай рѣку, про тихій Донъ, про глубокіе омуты днѣпровскіе, про широкое раздолье Волги-матушки, про московскую рѣку Смородинку» («Въ лѣсахъ», соч. V, 5—6).

Весенніе праздники.

Весенніе обряды захватываютъ большой срокъ, но ихъ центръ соотвѣтствуетъ собственно нѣсколькимъ праздникамъ: „Красной Горкѣ“, „Радуницѣ“. Эти два праздника приходятся въ воскресенье и понедѣльникъ Ѳоминой. Весенніе хороводы и игры начинаются съ Пасхи, затѣмъ наступаютъ хороводы радуницкіе, георгіевскіе и никольскіе. Съ троицкой недѣли наступаютъ хороводы лѣтніе—семицкіе, троицкіе, всесвятскіе, ивановскіе и петровскіе.

Красная горка.

Значеніе слова *„Красная Горка“* ясно само по себѣ — это „красивая горка“—горка, съ которой раньше, чѣмъ съ лощинъ, сошелъ снѣгъ, которая раньше низинъ покрывается зеленой травой.

Радуница.

„Радуница“ (отъ корня „радъ“) или „Навій день“ („навій“ по старорусски „мертвецъ“)—это поминки, носящія веселый, радостный характеръ: поминающіе желаютъ порадовать усопшихъ, устраивая на ихъ могилахъ веселыя тризны. Остатки ѣды и питья оставляютъ на могилахъ.

Разсказъ Печерскаго о праздновании „Радуницы“.

«На Пасхѣ усопшихъ не поминаютъ. Таковъ народный обычай, такъ и церковный уставъ положилъ. Въ великій праздникъ Воскресенья нѣтъ рѣчи о смерти, нѣтъ помина о тлѣніи... Но въ русскомъ народѣ, особенно по захолустьямъ, рядомъ съ христіанскими вѣрованіями и строгими обрядами церкви, твердо держатся обряды стародавніе, заботно берегутся обломки вѣрованій въ веселыхъ старорусскихъ боговъ.

Вѣритъ народъ, что весенній громъ гремучій каждую весну поднимается отъ долгаго сна и, сѣвъ на коней своихъ,—сизыя тучи—хлещетъ золотой вожжей—палючей молоньей Мать-Сыру-Землю. Мать-Сыра-Земля отъ того просыпается, молодѣетъ, краситъ лицо свое цвѣтами и злаками. Все оживаетъ,—и поля, и луга, и темныя рощи, и дремучіе лѣса. Животворящая небесная стрѣлка будитъ и мертвыхъ въ могилѣ. Встаютъ они изъ гробовъ и, незримые земнымъ очамъ, носятся середь оставшихся въ живыхъ милыхъ людей. Слышатъ гробные жильцы все, видятъ все, что люди на землѣ дѣлаютъ, слова только молвить не могутъ.

Какъ не встрѣтить, какъ не угостить дорогихъ гостей? Какъ не помянуть сродниковъ, вышедшихъ изъ сырыхъ, темныхъ жальниковъ [1]) на

1) „Жальникъ“ — могила; „окличка“ — обращеніе къ мертвымъ, зовъ (см. Стоглавъ, глава 42). Радуница въ южныхъ губерніяхъ — справляется въ понедѣльникъ, въ среднихъ и сѣверныхъ—во вторникъ Ѳоминой недѣли, когда совершается и церковное поминаніе по умершимъ. Въ уставахъ, поминовенія усопшихъ въ этотъ день не положено, но церковь хотѣла освятить радуницкую языческую тризну своими священнодѣйствіями, чтобы въ народной памяти загладить языческій ея характеръ.

свѣтъ поднебесный? Услышатъ «окличку» родныхъ,—придутъ на зовъ раздѣлить съ ними поминальную тризну.

Встаютъ мертвецы въ радости, выйдя изъ жальниковъ, любуются свѣтлымъ небомъ, краснымъ солнышкомъ. Радуется и живое племя, разставляя снѣди на могилахъ, для совершенія тризны. Оттого и день тотъ зовется «Радуницей».

...Только минетъ Святая, и смолкнетъ пасхальный звонъ,—по сельщинѣ-деревеньщинѣ «помины» и «оклички» зачинаются. Въ «Навій день» [1]) старъ и младъ спѣшатъ на кладбища съ мертвецами христосоваться. Отпѣвъ церковную панихиду, за старорусскую тризну садятся. Разсыпается народъ по Божьей нивѣ, зарываетъ въ могилки красныя яйца, поливаетъ жальники сыченой брагой, убираетъ ихъ свѣжимъ дерномъ, раскладываетъ по жальникимъ блины, оладьи, пироги, кокурки (хлѣбецъ съ яйцомъ), ставитъ вино, пиво и брагу... Затѣмъ «окликаютъ» загробныхъ гостей, просятъ ихъ попить-поѣсть на поминальной тризнѣ... Старымъ богамъ тѣ пѣсни поются,—Грому-гремучему, да Матери-сырой-землѣ:

«Со восточной со сторонушки
Подымались вѣтры буйные,
Расходились тучи черныя;
А на тѣхъ ли на тученькахъ
Громъ-гремучій со молоньями,
Со молоньями да съ палючими!..
Ты, ударь Громъ-гремучій, огнемъ-полымемъ,
Расшиби ты, громова стрѣла,
Еще матушку—Мать-сыру-землю.
Охъ, ты, матушка Мать-сыра-земля!
Разступись на четыре сторонушки,
Ты раскройся на четыре сторонушки!
Распахнитесь, бѣлы саваны,
Отвалитесь, руки бѣлы,
Отъ ретиваго сердечушка! и т. д.

Наплакавшись въ «жальныхъ причитаніяхъ», за тризну весело принимаются. Вмѣсто раздирающей душу, хватающей за сердце оклички, веселый говоръ раздается по жальникамъ... (Печерскій, «Въ лѣсахъ», IV, 205).

Любовный элементъ въ весеннихъ пѣсняхъ и обрядахъ.

Такъ какъ весенніе праздники чествуютъ солнце, какъ жениха земли, то любовный элементъ является преобладающимъ въ весеннихъ пѣсняхъ, и всѣ хороводныя пѣсни, и весеннія игры представляютъ собой намеки на любовныя отношенія: парни и дѣвушки представляются въ пѣсняхъ двумя сторонами, состязующимися, борющимися между собою. Для примѣра можно

[1]) „Навій день“, а въ Малороссіи „мертвецкій велыкъ день“ — другое названіе Радуницы. („Навъ, навье“—мертвецъ).

„Сѣянье проса“. привести пѣсню очень популярную: „просо сѣять“. Дѣвушки заявляютъ: „А мы просо сѣяли, сѣяли!“ Парни отвѣчаютъ: „А мы просо вытопчемъ!“ Далѣе пѣсня идетъ слѣдующимъ образомъ:

«А чѣмъ же вамъ вытоптать?
—А мы коней выпустимъ!
«А мы коней переймемъ!
—А мы коней выкупимъ!
«А мы дадимъ тысячу!
—Не надо намъ тычячи,
А намъ надо дѣвицу» и т. д.

„Выборъ невѣсты боярами среди княгинь“, „воротарь“, „мосты“, „вербовая дощечка“,—все это весеннія игры такого-же любовнаго характера.

Составъ хороводныхъ пѣсенъ. Хороводныя пѣсни распадаются, по своему характеру, на три вида: 1) *наборныя*, или *сборныя*, 2) *игровыя* и 3) *разводныя*, или *разборныя* [1]).

„Наборныя“ пѣсни. „*Наборныя*“ это тѣ пѣсенки, которыя поются дѣвушками на деревнѣ *до хоровода*. Это призывъ, на который стекается молодежь. Это пѣсни короткія и содержанія незначительнаго.

Обыкновенно, всѣ онѣ кончаются приглашеніемъ „взять дѣвицу“ для пляски, напр.:

«Размолодчикъ молодой,
Бери дѣвицу съ собой!
или: «Подпоясавшись тряпицей,
Выбирай, парень, дѣвицу».

„Игровыя“ пѣсни. По окончаніи сбора, всѣ сходятся въ кругъ и поютъ пѣсни *игровыя*, которыя сопровождаются дѣйствіями, иллюстрирующими содержаніе пѣсни. Эта „народная драма“, подобно „игрищамъ“,—недоразвившійся зачатокъ серьезной драмы. Въ древней Греціи изъ такихъ „игръ“ развились трагедія и комедія. Къ такимъ „игровымъ“ русскимъ пѣснямъ относятся „сѣяніе проса“, „обработка льну“, „заинька“, „олень“, „воробей“, „охота на перепела“, „наказаніе жены за то, что безъ спроса ушла“, „борьба дѣвушки съ молодцемъ“, „объясненіе въ любви“, „князь выбираетъ княгиню“ и мн. др. Приведу, для примѣра, содержаніе игры „заинька“: посреди круга ходитъ парень, и ему поютъ:

---

[1]) См. „Истор. хрестоматію“, стр. 6—9.

„Заинька".

«Заинька, походи!
Сѣренькой, походи!
Вотъ такъ, вотъ такъ, походи!
Заинька, перевернись,
Сѣренькой, перевернись! (припѣвъ)
Заинька, попляши!
Сѣренькой, попляши!
Заинька, топни ножкой!
Сѣренькой, топни ножкой!

Заинька, поклонись!
Сѣренькой, поклонись!

Заинька, кого любишь?
Сѣренькой, кого любишь?

Заинька поцѣлуешь!
Сѣренькой, поцѣлуешь!
Вотъ такъ, вотъ такъ, поцѣлуешь!»

Парень въ кругу ходитъ, повертывается, пляшетъ, топаетъ ногой, кланяется и, подъ конецъ, цѣлуетъ, кого захочетъ.

Эта веселая „игра", очевидно, предоставлявшая свободу комическимъ талантамъ, иногда смѣняется пѣсней, подъ звуки которой ходитъ хороводъ—такова, напр., пѣсня, въ которой изображена разлука парня и дѣвушки и мольба послѣдней не измѣнять ей.

Самыя системы вожденія хороводовъ очень разнообразны; о нѣкоторыхъ см. у Шеина [1]).

„Разборныя" пѣсни.

„Разборныя" пѣсни коротки и оканчиваются приглашеніемъ цѣловаться, что, по словамъ Шеина, участниками и участницами хоровода исполняется очень усердно. Затѣмъ, когда хороводъ распадается, запѣвается живая плясовая пѣсня, сопровождаемая веселыми возгласами.

„Русальная", „зеленая недѣля".

„Русальная", „зеленая недѣля". „Русаліи" [2])—это чествованіе душъ умершихъ предковъ, празднуется около Троицына дня и Духова. Къ этому же празднику пріурочено чествованіе деревьевъ и цвѣтовъ (dies rosae). Устраиваютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чучело русалки. Куклу эту, сдѣланную изъ соломы и одѣтую въ женское платье, носятъ въ хороводахъ; затѣмъ хороводъ дѣлится на двѣ стороны—и каждая старается овладѣть куклой. Ночью зажигаютъ костры, прыгаютъ черезъ огонь, играютъ въ „русалку", купаются по ночамъ въ рѣкѣ.

Этотъ народный праздникъ засвидѣтельствованъ старинными обличеніями церкви. Такъ, о „русаліяхъ" мы встрѣчаемъ ука-

---

[1]) Шеинъ, „Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ" стр. 54—5). О хороводахъ см. еще: А. Коринѳскій „Народная Русь", М. 1901.

[2]) Слово „русаліи", какъ и „коляда", нерусскаго происхожденія. Акад. Веселовскій это слово производитъ отъ латинскаго (rosaria, dies rosae, rosalia). Этотъ языческій праздникъ въ честь цвѣтовъ и зелени вызывалъ обличенія греческой церкви. Эти обличенія, переведенныя на русскій языкъ, пріурочились и къ древне-русскому соотвѣтствующему празднику и дали ему чужое названіе.

заніе въ житіи св. Нифонта и въ Стоглавѣ: „въ Троицкую субботу по селамъ и погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ (кладбищахъ) и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ и, егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и перегудцы, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони (ладони) бити“ [1]). По указанію Стоглава, ночью весь праздникъ пріобрѣталъ совершенно-разнузданный характеръ и кончался обрядовымъ купаньемъ.

„Семикъ“.

Семикъ — это четвергъ на седьмой недѣлѣ по Пасхѣ. За этотъ промежутокъ времени—отъ Пасхи до Семика—души умершихъ, по представленію народа, пребываютъ на землѣ, а потому всѣ эти праздники имѣютъ какое-то туманное отношеніе къ тѣнямъ усопшихъ [2]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ характеръ праздника утраченъ. (См. ниже слова Шеина).

«Семикъ бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, въ четвергъ передъ Троицынымъ днемъ. Утромъ въ этотъ день установленъ обычай поминать усопшихъ, а послѣобѣденное время, вмѣстѣ съ вечеромъ, окончательно отдается пѣнью беззаботныхъ пѣсенъ и веселью деревенской молодежи. Слѣдовательно, въ семикѣ имѣются на лицо два элемента: печальный и веселый, а также смѣсь христіанства съ язычествомъ.

Шеинъ о праздновaніи семика.

«Немногіе (изъ народа) знаютъ, что такое семикъ и съ какихъ поръ началось его существованіе. Не беремся опредѣлить время его появленія, но только можно сказать нѣсколько словъ о его названіи, сложившемся, вѣроятно, вслѣдствіе празднованія его на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи,— его правильнѣе было бы назвать *седьмикъ*, праздникъ весны. У крестьянъ деревни Корниловки нѣтъ обыкновенія поминать усопшихъ, и весь этотъ день отдается молодежи на забавы и удовольствія разнаго рода, между которыми первое мѣсто, безспорно, занимаетъ: *завиваніе березки.*

„Завиваніе березки“.

«Этотъ древній обычай совершается такъ: еще спозаранку изготовляются тѣми изъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя желаютъ участвовать въ завиваніи березки, различныя яства,—какъ-то: яичница, драчена, сочни, прѣсенники, лапша и т. п. Вся э стряпня дѣлается въ складчину (на общій счетъ) въ особой избѣ и продолжается до двухъ часовъ по полудни. Послѣ этого, всѣ дѣвушки, нар‹ядившись› въ лучшія свои платья, украсившись лентами и цвѣтами, гурьбо идутъ въ лѣсъ и, избравъ тамъ густую, развѣсистую березу, начинаютъ ее вать». У кого-нибудь изъ дѣвушекъ находится шелковый поясокъ, которымъ перевязываютъ березку внизу у корня. Все это дѣлается ими втихомолку, безъ всякаго шуму и

---

[1]) Если гудцы и скоморохи являлись ряжеными, то нельзя ли предположить, что они изображали души умершихъ, явившихся на землю? Оттого горе живыхъ и смѣняется радостью.

[2]) Въ образѣ „русалокъ“ представляются души умершихъ — утопленицъ, некрещеныхъ младенцевъ (См. выше стр. 18).

пѣсенъ; въ особенности же дѣвушки скрываютъ завитую березу отъ крестьянскихъ парней, которые зорко поглядываютъ за ними, и, стоитъ имъ только увидать завитую березку, какъ они ее срубаютъ и уносятъ къ себѣ.

«Завивъ березку, дѣвушки отходятъ отъ нея на нѣкоторое разстояніе и садятся на лужайку, гдѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

«Какъ подъ бѣлою, подъ березою,
Бѣлъ горючъ-камень разгорается,—и т. д.

«Пришедши домой, дѣвушки начинаютъ ѣсть свою стряпню, потомъ угощаются разными сластями и расходятся по домамъ поздно вечеромъ.

«Въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что завивать березку большой грѣхъ, оттого, что въ канунъ Троицына дня, передъ ней пляшутъ *шишиги* (нечистые), а потому «завиваніе» держится дѣвушками въ большой тайнѣ,—иначе бѣда, если провѣдаютъ старшіе.

„Развиваніе" березки.

«Въ Троицынъ день всѣ обыватели ходятъ къ обѣднѣ въ сосѣднее село. Возвратясь оттуда, дѣвушки мѣняютъ свой нарядъ на лучшія платья, на голову надѣваютъ свѣжіе березовые вѣнки, переплетенные цвѣтами, и въ такомъ уборѣ идутъ въ лѣсъ «развивать» березку. Пришедши туда, онѣ становятся въ кружокъ около завитой березки, и кто-нибудь изъ нихъ срубаетъ ее и устанавливаетъ посреди кружка. Тутъ всѣ дѣвушки подходятъ къ березкѣ и начинаютъ ее украшать лентами и цвѣтами. Далѣе открывается тріумфальное шествіе дѣвушекъ попарно, а впереди всѣхъ одна изъ нихъ несетъ березку и, такимъ образомъ, обносятъ ее кругомъ всей деревни. Пришедши въ которую-нибудь изъ улицъ, онѣ втыкаютъ березку въ землю и начинаютъ водить вокругъ нея хороводы; тутъ присоединяются къ нимъ и парни, и всѣ хоромъ поютъ:

«Какъ во полѣ, полѣ
Береза стояла и т. д.

«Въ промежуткахъ пѣсенъ играютъ въ лапту и другія игры, потомъ, уставъ отъ нихъ, дѣвушки приглашаютъ парней къ себѣ ужинать. Тутъ ихъ угощаютъ виномъ и различными сластями, какъ-то: пряниками, орѣхами, подсолнухами и т. п. лакомствами. Поѣвши въ сласть, дѣвушки и парни выходятъ на улицу и поютъ пѣсни до поздней ночи.

«Въ заключеніе всего удовольствія, берутъ березку и бросаютъ въ *ключъ* (истокъ рѣки), затѣмъ срываютъ вѣнки и также бросаютъ въ воду; на нихъ гадаютъ: если потонетъ вѣнокъ, то дѣвушкѣ въ этотъ годъ помереть, а если нѣтъ, то выйти замужъ.

«Ленты, которыми завиваютъ березку, сохраняются дѣвушками для перевязыванія вѣнчальныхъ свѣчей». (Шеинъ «Великоруссъ»).

„Купала".

в) Праздники въ честь солнца, достигшаго бόльшей силы и затѣмъ ослабѣвающаго. Купала (Ярило, Кострома, Кострубонька). Купальскіе праздники (въ ночь на 24 іюня) очень

Древность праздника.

большое значенiе имѣютъ въ глазахъ народа. Древность праздника засвидѣтельствована старыми памятниками; еще въ XIV в. онъ прiобрѣлъ свой двоевѣрный характеръ. Въ Густынской лѣтописи есть даже опредѣленiе Купалы: „Купала бяше богъ обилiя, якоже у Еллинъ Церезъ, ему же безумные за обилiе благодаренiе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу-бѣсу еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумные память совершаютъ, наченши iюня 23 дня, въ навечерiе рождества Iоанна Предтечи даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадь обоего пола и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомаго зелiя, или коренiя и, препоясавшеся былiемъ, возгнетаютъ огнь; индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь, и, емшеся за руцѣ, около обращаются окрестъ онаго огня, поюще свои пѣсни, преплетающе Купаломъ, потомъ черезъ оный огонь прескакуютъ". Есть указанiя на этотъ праздникъ и въ Синопсисѣ.

Важность праздника и сохранность его.

Праздники эти, очевидно, въ свое время были выходящими изъ ряда вонъ по своему настроенiю,—оттого о нихъ больше всего говорятъ разныя поученiя. Ихъ особенно преслѣдовало правительство, — оттого они въ наши дни сохранились очень слабо: теперь забыты многiе обряды, всѣ пѣсни. Зато нѣкоторыя, несомнѣнно, купальскiя пѣсни сохранились въ прiуроченiи къ другимъ праздникамъ. Въ бóльшей сохранности уцѣлѣли обряды купальскiе въ Малороссiи и Бѣлороссiи. Прыганье черезъ костры, купанье, бросанье вѣнковъ въ воду, обрядъ кумовства. Купала представляется въ видѣ соломенной куклы, которую подъ конецъ или сжигаютъ, или топятъ, или хоронятъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта кукла носитъ названiе „Костромы".

„Огонь" въ купальскихъ обрядахъ.

Особое значенiе на купальскихъ праздникахъ играетъ *огонь*: черезъ костры прыгаютъ, перегоняютъ скотъ, вѣря, что очистительная сила огня въ эту ночь даетъ здоровье и силу. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ купальскiе костры зажигаются „живымъ огнемъ"—путемъ тренiя дерева о дерево. Такъ какъ въ этотъ день солнце достигаетъ бóльшей своей силы, то въ ночь наканунѣ вообще вся природа особенно могуче проявляетъ свою жизнетворную силу: роса въ эту ночь цѣлебна, травы лечебныя имѣютъ особенную силу, расцвѣтаетъ дивный папоротникъ, сокровища, скрытыя землею, въ эту чудную ночь даются особенно легко опытному человѣку. Но зато въ эту же ночь много страховъ натерпится въ лѣсу человѣкъ робкiй: деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто,

какія-то таинственныя силы обнаруживаютъ свое сокровенное бытіе [1]. Къ купальскимъ праздникамъ относятся хожденія съ деревьями, которыя подъ конецъ топятся. Чаще всего носятъ березку, украшенную лентами. Къ этому культу дерева,—олицетворенію весны—относятся игры: „тополя“ у малороссовъ и „кустъ“ у бѣлоруссовъ.

«Надвинулись сумерки, наступаетъ Иванова ночь. Рыбаки сказываютъ, что въ эту ночь вода подергивается серебристымъ блескомъ, а бывалые люди говорятъ, что въ лѣсахъ тогда деревья съ мѣста на мѣсто переходятъ и шумомъ вѣтвей межъ собой бесѣды ведутъ. Сорви въ ту ночь огненный цвѣтъ папортника,—поймешь языкъ всякаго дерева и всякой травы, понятны станутъ тебѣ разговоры звѣрей и рѣчь домашнихъ животныхъ. Тотъ «цвѣтъ-огонь»—даръ Ярилы. То—«царь-огонь!» Разсказъ Печерскаго о праздновaніи „Купалы“.

«Немного часовъ остается до полночи, когда, на одно мановеніе, тотъ чудный цвѣтокъ распускается. Только что наступитъ полночь, изъ середины широколистнаго папортника поднимается цвѣточная почка, шевелится она, двигается, ровно живая, и вдругъ съ страшнымъ трескомъ разрывается—и тутъ является огненный цвѣтъ. Незримая рука тотчасъ срываетъ его. То—«цвѣтъ-огонь», дарованный богомъ Ярилой. То—царь-огонь. „Цвѣтокъ папортника“.

«Страшно поклоняться Ярилѣ въ лѣсу передъ таинственнымъ «цвѣтомъ-огнемъ,» за то весело и радостно чествовать свѣтлаго Яра купальскими огнями. Напередъ набравъ шиповнику, крапивы. и другихъ колючихъ и жгучихъ растеній кроютъ ими давно заготовленныя кучи хвороста и сухихъ сучьевъ. Лишь только зачнетъ гаснуть заря вечерняя, начинаютъ во славу Яра живой огонь «возгнетать.» Для того въ сухой березовой плахѣ прорѣзываютъ круглое отверстіе и плотно пригоняютъ къ нему сухое же березовое, очищенное отъ коры, круглое полѣно. Его треніемъ въ отверстіи плахи вытираютъ огонь. И то дѣло однихъ стариковъ. И когда старики взгнетаютъ живой огонь, другіе люди безмолвно и неподвижно стоятъ вокругъ священнодѣйствія, ожидая въ благоговѣйномъ страхѣ чуднаго явленія «божьяго посла»—царя-огня. „Добываніе купальскаго огня“.

Пòтомъ обливаются старики, «творя божіе дѣло»... Впившись глазами въ отверстіе плахи, стоитъ возлѣ нихъ по праздничному разодѣтая, вѣнкомъ изъ цвѣтовъ увѣнчанная, перворожденная своей матерью, дѣвочка-подростокъ съ сухой лучиной въ высоко-поднятой рукѣ.

Тускнетъ заря на небѣ, ярко разгораются купальные костры, обливая красноватымъ свѣтомъ темные перелѣски и отражаясь въ сонныхъ водахъ алыми столбами. Вся молодежь передъ кострами — дѣвушки въ вѣнкахъ изъ любистка и краснаго мака, иныя съ травяными поясами, у всѣхъ молодцовъ цвѣты на шляпахъ. Крѣпко схватившись за руки, прыгаютъ „Купальскія игры“.

---

[1]) Стр. повѣсть Гоголя: „Ночь наканунѣ Купала“. Данилевскаго „Изъ Украйны“ III, 153.

они черезъ огонь попарно—не разойдутся руки во время прыжка, быть парѣ, быть мужемъ-женой, — разойдутся—свадьбы не жди! До утра кипитъ веселье молодежи вокругъ купальскихъ костровъ.

Похороны Ярилы.

Похороны Ярилы. Чучело Ярилы дѣлается изъ соломы и называютъ иногда „Костромой“ (въ Малороссіи—Кострубонькой). Въ бо́льшей части Россіи праздникъ пріуроченъ къ 24 іюня; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ Петрову дню (29 іюня). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ куклу веселаго бога старикъ несетъ въ гробикѣ; толпою за нимъ идутъ однѣ женщины, шутливо оплакивая погибшаго, съ остротами и пѣснями, не всегда приличными.

Разсказъ Печерскаго объ этомъ обрядѣ.

Вечеромъ, только закатится солнце, и сумракъ начнетъ по землѣ разстилаться, дѣвушки съ молодицами, звонко пѣсни играя, выходятъ гурьбой за околицу, каждая охабку соломы тащитъ. Выбравъ укромное мѣсто, раскладываютъ костры и, при свѣтѣ ихъ вяжутъ, Кострому изъ соломы. Одѣвши ее въ нарядный сарафанъ недавно-вышедшей замужъ молодицы и убравши цвѣтами, молча, безъ шутокъ, безъ смѣха, кладутъ на доску возлѣ воды. Тутъ молодцы приходятъ, начинаются пѣсни, хороводы. Всю ночь напролетъ молодежь веселится, а когда зачнетъ утренняя заря разгораться, приходятъ на игрище люди пожилые, даже старики: посмотрѣть—поглядѣть, какъ солнышко красное станетъ играть.

Тухнутъ костры на землѣ, гаснутъ звѣзды на небѣ... Блѣднѣютъ на сводѣ небесномъ ночные покровы, свѣтлѣй и свѣтлѣй на восточномъ краю небосклона... Рой мелкихъ перистыхъ облаковъ усыпалъ поднебесье, лучи невидимаго еще солнца зажгли ихъ разноцвѣтными огнями. Съ каждой минутой ярче и ярче горятъ облака, блещутъ золотомъ, сверкаютъ пурпуромъ, переливаются алыми волнами.

Ведутъ хороводъ и звонкою пѣсныю зовутъ небесное свѣтило:

«Не стучитъ, не гремитъ,
Не копытомъ говоритъ,—
Каленой стрѣлой летитъ
Молодой Олень!
    Ты, Дунай-ли мой, Дунай
    Донъ Ивановичъ, Дунай!
    Молодой олень!
У оленя-то копыта
Серебряныя,
У оленя-то рога
Красна золота! [1]) и пр.

Раскаленнымъ золотомъ сверкнулъ край солнца, и радостный крикъ громко по всполью раздался. Поднялось солнце въ полдерево, всѣ пошли по домамъ съ ночного веселія. Впереди толпа ребятишекъ, какъ въ бара-

[1]) По мнѣнію Печерскаго, „олень златорогій“—это символъ солнца, которое совершаетъ свой урочный дневной путь.

баны, колотитъ въ лукошки, и громкое ихъ грохотанье далеко разносится въ тиши ранняго утра, а за ними дѣвушки съ молодицами несутъ на доскѣ Кострому. Мужчины за ними поодаль идутъ. Подобіе умершаго Ярилы медленно проносятъ по деревнѣ подъ звуки тихой заунывной пѣсни. То—«первыя похороны».

Передъ солнечнымъ закатомъ, съ громкими пѣснями изъ деревни въ чистое поле несутъ Кострому. Молодые парни неженатые, заслышавъ тѣ пѣсни, идутъ слѣдомъ за красными дѣвицами. Кладутъ Кострому на доскѣ на прежнемъ мѣстѣ, становятся вкругъ нея хороводомъ и печальными пѣснями отпѣваютъ Ярилу:

«Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!
Клали его во гробочекъ,
Зарывали его во песочекъ!
Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься! и пр.

И другія пѣсни поются надъ соломенной Костромой. Съ тоскливымъ плачемъ, съ горькими причитаніями, съ барабаннымъ грохотомъ въ лукошки, со звономъ печныхъ заслонокъ и сковородъ, несутъ Кострому къ рѣчкѣ, раздѣваютъ и, растрепавъ солому, пускаютъ на воду. Пока вода не унесетъ все до послѣдней соломинки, молодежь стоитъ у берега и долго слышится унылая пѣсня:

«Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!

А потомъ начинаются хороводы и веселыя игры («Въ лѣсахъ» соч. VI 131--7).

Окончаніе лѣтнихъ праздниковъ.

Похоронами Ярилы, или Костромы, кончаются лѣтніе хороводы и гулянья; за ними наступаетъ „страда“ (усиленныя полевыя работы на покосѣ, на жнитвѣ, молотьбѣ). Съ іюля (1-го іюля—„лѣта макушка“) всѣ увеселенія прекращаются до осеннихъ „капустокъ“ (въ концѣ сентября). Мѣстами въ Ильинъ день, въ „дожинки“ (конецъ жатвы), въ Семенъ день (1-го сентября) бываютъ хороводы, но небольшіе, и водятъ ихъ не подолгу.

Праздники профессіональные.

§ 12. *Праздники профессіональные* (земледѣльцевъ и скотоводовъ). Кромѣ обрядовъ въ честь „солнца“, народъ исполняетъ обряды, связанные съ занятіями земледѣліемъ и скотоводствомъ. Они пріурочены теперь къ днямъ празднованія наиболѣе популярныхъ святыхъ. Быть можетъ, въ глубокую старину обряды соединялись съ чествованіемъ особыхъ боговъ-покровителей различныхъ сельскихъ занятій,—теперь они примкнули къ различнымъ святымъ.

День Егорія.

День Егорія (23 апрѣля) сопровождается пѣснями и обрядами въ честь святого, на котораго перенесены были черты божества, покровителя скотоводства и земледѣлія. Въ этотъ день, въ первый разъ послѣ зимы, выгоняютъ рогатый скотъ въ поле священной вербой. При этомъ поютъ егорьевскія пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

«Мы вокругъ поля ходили,
Егорія окликали:
«Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашу скотинку!
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго!

Петровъ день.

Петровъ день („Петра-солнцеворота", 12-го іюля) празднуютъ женщины и дѣвушки. Этотъ день связанъ съ занятіемъ огородничествомъ.

Заговариванье огурцовъ.

По утренней росѣ, въ однѣхъ рубахахъ, опоясавшись шерстяными опоясками, досужія хозяйки ходятъ - бродятъ по огородамъ. Зорко высматриваютъ онѣ, не зажелтѣлъ ли гдѣ въ приземистой огуречной травкѣ золотистый новичокъ—желтенькій цвѣточекъ, и только что завидитъ которая желаннаго гостя, тотчасъ красную нитку изъ опояски вонъ, и съ молитвой царю Константину и матери Оленѣ, наклоняется надъ грядкой и той ниткой перевязываетъ выглянувшій на свѣтъ Божій цвѣточекъ. А сама заговоръ шепчетъ: «какъ густо мой поясъ вязался—такъ бы густо вязались мои огурцы,—не было бъ межъ нихъ пустоцвѣта!»

Обѣганіе грядъ.

Въ деревняхъ, что подальше—въ захолустьяхъ, иное старинное дѣйство справляютъ. О ту пору сорныя травы межъ сѣянной и саженной огородины разростаются,—пора дѣвичьей работы подходитъ: гряды полоть. Но передъ тѣмъ, по старому завѣту, надо «гряды обѣгать». Сбираются красны-дѣвицы гурьбой и въ глухую полночь обѣгаютъ гряды веселою вереницею, а сами всѣ до единой, въ чемъ мать на свѣтъ родила. Отъ того обѣганья ни червь на гряды не попадетъ, ни лютыя медвяныя росы, ни солнышкомъ овощи не припечетъ, ни дождикомъ ихъ не зальетъ. Не установлено урочнаго дня грядному обѣганью—никому не узнать, въ какую ночь станутъ дѣвицы свое «дѣйство» справлять. Не скажутъ онѣ ни брату, ни снохѣ, ни малымъ ребятамъ, ни родителямъ» («Въ лѣсахъ», соч. V, 139—140).

Ильинъ день—„зажинки".

Въ *Ильинъ день* (20-го іюля), въ день пророка Ильи, обыкновенно, „зажинаютъ" рожь, т. е. вяжутъ первый снопъ, его обмолачиваютъ, приготовляютъ изъ зерна хлѣбъ и освящаютъ его. Этотъ обрядъ и называется „зажинками"; первый сжатый снопъ приносится домой съ особымъ почетомъ. Народныя пѣсни представляютъ пророка Илью, какъ покровителя земледѣлія.

День *Успенія Богородицы* (15 августа „Велика пречиста", 8 сентября, „Мала пречиста") празднуется въ Россіи не только

молитвами въ церквахъ, но и обрядами, связанными съ поклоненіемъ хлѣбу подъ видомъ „снопа“.

Если къ Успеньеву дню успѣютъ дожать яровое, тогда праздникъ вдвое: тогда бываетъ «снопъ-дѣдъ», или «снопъ-имениникъ», и празднуются «дожинки»—древне-русскій обычай, теперь почти повсемѣстно забытый. Послѣдній сжатый снопъ одѣваютъ въ нарядный сарафанъ, украшаютъ его монистами и лентами, на верхушку надѣваютъ кокошникъ и водятъ вокругъ его хороводы. Это и есть «снопъ-имениникъ». Однѣ жнеи пѣсни поютъ имениннику въ честь, другія катаются съ боку на бокъ по старому полю, а сами приговариваютъ: «жнивка, жнивка, отдай мою силку!» „Дожинки“.

Къ этимъ обрядамъ слѣдуетъ прибавить важный и древній обрядъ «завиванія бороды» какому-то козлообразному существу (ср. Фавна, Сильвана), живущему въ хлѣбѣ; онъ спасается отъ жрецовъ въ послѣдній несжатый пукъ колосьевъ, или послѣдній снопъ. Почти у всѣхъ европейскихъ народовъ долго сохранялась вѣра въ это существо; слабые слѣды этой вѣры у русскихъ отразились въ обрядѣ «завиванія бороды» какому-то хлѣбному «козлу»; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ «завиваютъ бороду» — Волосу или Ильѣ. „Завиваніе“ бороды.

Когда жницы приносили снопъ къ дому, хозяинъ съ хозяйкой и семьей выходили навстрѣчу и низкими поклонами „хлѣбушку встрѣчали“, а принесшихъ приглашали откушать,—„новаго хлѣбца порушить“. Во время пиршества [1]) подавали, кромѣ другихъ блюдъ, „дѣжень“—кислое молоко съ толокномъ. Послѣ обѣда до вечерней зари жнецы и жнеи водятъ хороводы и поютъ пѣсни. Чествованіе „снопа“.

Снопъ же вносили въ избу, ставили подъ образа и держали тамъ до перваго воскресенья. Зимой его зерна и солому примѣшивали къ корму, чтобы скотъ добрѣлъ, да здоровѣлъ.

Съ *Сергіева дня* (25 сентября) празднуются „капустки“. Съ этого дня начинаютъ рубить капусту. Дѣвушки, парни и молодыя женщины, вооруженныя тяпками, стоя за корытами и рубя капусту, поютъ пѣсню „матушкѣ-капусткѣ“: „Капустки“.

«Я на камушкѣ сижу,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Изгородь я горожу!
Ой, люли, ой, люли
Изгородь я горожу.
Я капусту сажу,
Я все бѣленькую,
Да кочанненькую
Ой, люли, ой, люли!
Да кочанненькую
Тяпъ, тяпъ, тяпъ!
Тяпъ, тяпъ, тяпъ!
Ой, капуста бѣлая,
Кочерыжка сладкая!

---

[1]) Существуетъ разсказъ, будто у древнихъ славянъ былъ обычай въ день окончанія жатвы дѣлать возношеніе идолу въ видѣ такого пирога, чтобы за нимъ не было видно человѣка. Если удавалось спечь такой пирогъ,—будущій годъ обѣщалъ быть хлѣбороднымъ. Въ Малороссіи и донынѣ въ праздникъ Коляды хозяинъ избы старается наложить на столъ пироговъ, чтобы за ними не было его видно. Это—хорошая примѣта.

§ 13. *Свадебная поэзія* [1]) (пѣсни и обряды). Свадебная „игра“, какъ называетъ народъ свадьбу, полна драматизма. У насъ „играютъ свадьбу“ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Каждая мелочь свадебнаго обряда обставлена пѣсней и обрядомъ. Хотя теперь разныя подробности свадьбы, даже пѣсни, не тожественны въ разныхъ концахъ Россіи, но всѣ они восходятъ къ древнему, болѣе единообразному типу свадебнаго „чина“,—стоитъ сравнить съ современной народной свадьбой великокняжескія и царскія XVI—XVII вв., сохранившіяся въ описаніяхъ [2]). Древность многихъ свадебныхъ обрядовъ доказывается также замѣчательнымъ сходствомъ ихъ у разныхъ славянскихъ народностей и даже у нѣкоторыхъ родственныхъ арійскихъ.

Связь свадебныхъ пѣсенъ съ весенними.

Свадьбы русскимъ народомъ „играются“ послѣ завершенія земледѣльческихъ работъ. Такимъ образомъ, весна и ея игры—пора первыхъ встрѣчъ, знакомства, первыхъ признаковъ и проявленія любви. Этотъ періодъ совпадаетъ съ указаніемъ лѣтописи на существованіе „игрищъ между селами“, завершавшихся бракомъ въ ночь на Ивана Купала [3]). Уже въ хороводныхъ „игровыхъ“ пѣсняхъ ясенъ любовный элементъ („сѣянье проса“, „взятіе города“, „горю-дубъ“ и пр.). Оказывается, что и свадебныя пѣсни сходны, по размѣру и содержанію, съ весенними (тѣ же, напр., символическіе образы жениха и невѣсты—„соколъ“ и „лебедь“, „князь“ и „княгиня“).

Главные моменты русской свадьбы.

„Сватовство“, „сговоръ“, „дѣвичникъ“, „свадьба“,—вотъ, главные моменты русской свадьбы. Дѣйствующими лицами являются „сватъ“, „дружки“, „бояре“, „поѣзжане“, „тысяцкій“: дѣвушки-пѣвицы (иногда солистка—„плачея“), „подружье“.

„Сватовство“.

„Сватовство обставляется особенно торжественно. Сваты съ хлѣбомъ и солью являются въ домъ невѣсты. Ихъ принимаютъ честью, но какъ неизвѣстныхъ, разспрашиваютъ, откуда они явились, изъ какой земли, изъ какого царства. Въ отвѣтъ на эти вопросы, произносится хитросплетенная рѣчь: гости называютъ себя „ловцами“, „охотниками“, „рыболовами“; они говорятъ, что ищутъ

[1]) Историч. Хрестоматія, ч. I, 10—16. Печерскій, соч. III, 88, X, 99 О. Агренева-Славянская, „Описаніе русской крестьянской свадьбы“. Максимовъ, „Лѣсная глушь“, 52, 70—83.

[2]) Въ Лаврентьевской лѣтописи есть указаніе на „свадебныя пѣсни“. См. у Забѣлина „Бытъ русскихъ царей“ и „Бытъ русскихъ царицъ“.

[3]) См. „Снѣгурочку“ Островскаго. Любопытно, что и послѣ принятія христіанства простой народъ, заключая браки, долго обходился безъ церковнаго обряда, считая, что онъ нуженъ только для знати. Русская церковь усиленно боролась съ такимъ мнѣніемъ, и сохранились поученія отъ XI, XIII, XIV и XV вв., въ которыхъ пастыри церкви разъясняли необходимость для всѣхъ освященія брака церковью.

лисицу, или куницу, что слѣдъ на свѣжей порошѣ привелъ ихъ къ этому дому [1]) и пр.

„Сговоръ“. Въ случаѣ удачи сватовства бываетъ „сговоръ“, когда сваты являются, обыкновенно, уже въ роли купцовъ; обѣ стороны уславливаются, „торгуются“ насчетъ условій брака. Въ случаѣ согласія, выдающій дѣвицу бьетъ „по рукамъ“ со сватомъ. Это „рукобитье“ у великоруссовъ—и у малороссовъ обмѣнъ рушниками-полотенцами, „заручины“, закрѣпляютъ сговоръ. Если у невѣсты нѣтъ въ живыхъ отца-матери, то сговоръ сопровожается причитаньемъ по умершимъ родителямъ. Для свадьбы необходимъ торжественный коровай, который печется съ церемоніями и пѣснями; а также обязательнымъ блюдомъ считаются жареные пѣтухъ и курица.

„Дѣвичникъ“. „Дѣвичникъ“ справляется наканунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты. Подруги провожаютъ невѣсту въ новую жизнь многочисленными пѣснями,—главнымъ образомъ, величальными, но, по бо́льшей части, грустными по тону. Воспѣвается, конечно, женихъ и невѣста (солнце—мѣсяцъ; яблоня—грушица; елочка—яворъ; кукушка—соловей; лебедь—соколъ; утица—селезень; куница—соболь). Въ этихъ же пѣсняхъ встрѣчаемъ мы восхваленіе косы—дѣвичьей красы, лентъ, вѣнка, родственницы „причитаютъ“ надъ невѣстой. Въ день вѣнчанья она сама оплакиваетъ свою судьбу, прощается съ дѣвичьей жизнью, съ косой; она представляетъ себѣ тягости предстоящей жизни въ чужомъ домѣ. Женихъ въ этихъ пѣсняхъ-причитаніяхъ изображается „насильникомъ“, „похитчикомъ“, „чужимъ-чужаниномъ“ [2]); „красой“ называется *коса*, а „волей“—лента, перевязывающая косу [3]).

Примѣръ пѣсни о „волѣ“. Изъ пѣсней о „*волѣ*“ приведу слѣдующія:

«...Я кладу бажону мою волюшку
Ко ретивому сердечушку!
Я снесу бажону мою волюшку—
На остудушку чужую, на сторонушку.
Я поглядывать стану на свою вольную волюшку...
Я кладу въ окованую коробеечку!
Какъ отмкну оковану коробеечку—
Погляжу на свою вольную волюшку,—
Будто я красна-дѣвица.
Разгоню свою великую обидушку!

---

1) См. балладу А. Толстого: „Сватовство“.
2) Нефедовъ, „Очерки и разсказы“, 89.
3) По подсчету О. Агреневой, кромѣ мелкихъ пѣсенъ, которыми обмѣниваются участники „свадебной“ игры—большихъ пѣсенъ-„монологовъ“ около 30.

Примѣръ пѣсни о „красѣ".

О „красѣ":

«Ужъ ты взвейся, красота моя,
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садика зеленаго
И ударься о сыру-землю.
Расшибись ты, красота моя,
Что по макову по зернышку! и т. д.

Послѣ вѣнчанія молодую жену везутъ уже въ домъ жениха на брачный пиръ.

Историческіе слои въ „свадебномъ чинѣ".

Свадебный чинъ и его пѣсни отразили на себѣ нѣсколько бытовыхъ историческихъ слоевъ. Передъ нами, несомнѣнно, ясные слѣды памяти объ *умыканіи* дѣвицъ изъ чужого рода. Сваты, хитростью проникающіе въ домъ невѣсты—это прежнее „соглядатаи", которые высматривали дѣвушку для юноши своего рода.

„Бракъ-умыканье".

Очевидно, это еще относится къ *родовому періоду* жизни русскаго народа. Дѣвушка была рабочею силою въ семьѣ, и потому выборъ долженъ быть сдѣланъ удачно. „Поѣзжане" — это все молодежь одного „рода". Оттого распорядитель поѣзда носитъ властное названіе „тысяцкаго". На югѣ Россіи у такого „поѣзда" бываетъ даже знамя. Борьба за дѣвушку, теперь шуточная, въ старину была кровопролитная. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ даже рисуется полное разореніе родного дома, смерть родныхъ дѣвушки:

«...быть саду да полоненному,
Всему *роду* покоренному, —
Волюшкѣ быть во неволюшкѣ!..»

Взглядъ на жениха, какъ на насильника.

Женихъ и его свита, пріѣзжающіе за невѣстой, до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи разыгрываютъ роль „грабителей" (въ пѣсняхъ представляется они, какъ „татары", „литва"). Передъ отправленіемъ въ путь иногда даютъ клятву „стоять другъ за друга, братъ за брата". Женихъ является удалымъ предводителемъ этой ватаги.

«Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ...

Это—„грозенъ князь", это—„темная туча", „гроза". У воротъ невѣстина дома происходитъ „игра въ борьбу": поѣзжанъ не пускаютъ въ домъ, они ломятся. Немного водки и денегъ—

плата, которая открываетъ имъ ворота. Попавъ въ домъ, поѣзжане ведутъ себя, какъ побѣдители, — не снимаютъ шапокъ, бьютъ плетями по стѣнамъ, по скамьямъ, грубятъ роднымъ невѣсты. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жениха въ домѣ невѣсты встрѣчаютъ выстрѣлами; женихъ выноситъ на рукахъ невѣсту; она вырывается, „поѣзжане" гонятся за ней. Объ „умыканіи" говорятъ многія пѣсни; приведу отрывокъ изъ одной характернѣйшей:

«Вотъ пріѣхалъ *погубитель мой*,
Вотъ пріѣхалъ *раззоритель мой*
Вотъ пріѣхалъ—*расплети-коса*,
Вотъ пріѣхалъ—*потеряй красу!*

„Жизнь въ чужомъ домѣ" по пѣснямъ.

Жизнь въ чужомъ домѣ представляется въ пѣсняхъ тяжелой. Такъ, въ одной пѣснѣ дѣвушка жалуется, что видѣла страшный сонъ—высокую гору; на ней орелъ держитъ въ когтяхъ лебедушку. Подъ горой растутъ лѣса и крапива; въ лѣсахъ—медвѣдь съ медвѣдицей.

«Разсудите, подруженьки,
Мнѣ къ чему сонъ привидѣлся?
Это гора-то высокая—
Чужа дальня сторона!
А орелъ, птица острая—
Чужой это чужанинъ;
Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку,—
Да меня, молодешеньку.
А лѣса растутъ темные—
Тутъ, люди незнаемые.
Что медвѣдь со медвѣдицей—
Богоданный-то батюшка,
Съ богоданною матушкой;
Шипица колючая—
Богоданны милы братцы;
Крапива-то жгучая—
Богоданныя сестрицы.

Въ другой пѣснѣ дѣвушка поетъ:

«Вечоръ были да сваты-сватья,
У нихъ поклоны-то низкіе,
Слова-то у нихъ ласковыя,
Рѣчи-то у нихъ привѣтливыя,—
Они ходятъ, да все хвастаютъ:
Какъ чужа-то дальняя сторонушка
На горѣ стоитъ, да на высокой.
Не встаютъ у насъ да поутру рано,
Не ходятъ у насъ да на работушку.

Но „свои" стараются дѣвушкѣ открыть глаза.

«Какъ чужа-то дальняя сторонушка
Не шеной да изусѣяна—
Тоской, кручинушкой изусѣяна.
Горючими слезами исполевана,
Она печалью да огорожена,
Кручинушкой изувязана!

Бракъ „купля".

Бракъ-*купля*, несомнѣнно, относится къ позднѣйшему періоду. Впрочемъ, уже въ „Первоначальной лѣтописи" есть упоминаніе о „вѣнѣ" [1]), какъ о платѣ за невѣсту: Владиміръ, женившись на греческой царевнѣ, вернулъ грекамъ Корсунь, въ видѣ „вѣна". Изъ пѣсенъ, указывающихъ на куплю невѣсты, можно привести слѣдующую:

«Наѣхали сваты большіе,
Выводили надежу свѣта-батюшку,
На новы сѣни, на рѣшетчаты,
Стали спрашивать про бѣлую лебедушку,
Оцѣнять стали бажону вольну-волюшку.
Сговорилъ же свѣтъ родитель мой, батюшка:
«Эта волюшка—во сто рублей,
Руса косынька—во тысячу,
А красной дѣвушкѣ и цѣны нѣтъ!»
Но лукавъ былъ злодѣй—большой сватъ,
Онъ близешенько ко родителю двигается,
Низешенько ему да поклоняется,
Самъ сулитъ ему, да засуливаетъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Сорокъ бочекъ пива пьянаго.
На томъ мои родители окинулись,
Промѣняли мою вольную волюшку,
Какъ на этое, на сладко - зелено вино,
Пропились, да промотались —
Прогуляли мою волюшку!

Есть пѣсни, въ которыхъ невѣста проситъ дешево ее не продавать, не „пропивать".

Бракъ— „судъ божій".

Такъ какъ, въ случаѣ купли-сдѣлки между старшими, воля дѣвушки не принималась въ разсчетъ, то для нея бракъ былъ чѣмъ-то „роковымъ",—судьбой, „судомъ божьимъ", а потому женихъ и называется, еще съ того времени—„суженымъ". Такой бракъ былъ, своего рода, торговымъ оборотомъ, „рядомъ" („рядиться" = торговаться), оттого женихъ получилъ еще эпитетъ: „ряженый" („суженый-ряженый"). Невѣсту еще съ того времени называютъ „товаромъ" („у васъ — товаръ, у насъ—купецъ").

Бракъ „по уговору".

Въ пѣсняхъ свадебныхъ встрѣчается указаніе на бракъ „по уговору". Послѣдняя форма брака, очевидно, позднѣйшая, выражается въ цѣломъ рядѣ симпатичныхъ, по настроенію, пѣсенъ. Напр., есть пѣсня, въ которой мать говоритъ дочери: „Выбирай,

---

[1]) „Вѣно" знач. „выкупъ", „плата"—въ частности, за невѣсту, Различныя славянскія племена стояли на разныхъ ступеняхъ культурнаго развитія: древляне, радимичи, вятичи, по словамъ лѣтописца, жили „звѣринскимъ образомъ", т. е. не имѣли еще понятія „семьи", находились въ періодѣ патріархальнаго быта (нѣкоторые имѣли по двѣ, по три жены). У нихъ дѣвушки „умыкались" — или съ ихъ согласія, или противъ воли. У полянъ, какъ болѣе культурныхъ, бракъ выразился уже въ куплѣ невѣсты.

мое дитятко, изъ гостей незнакомыхъ—знакомаго, изъ молодыхъ—молодого, наряднаго. Тебѣ съ нимъ вѣкъ вѣковать!" Въ другой пѣснѣ невѣста выражаетъ опасеніе, чтобы „поѣздъ" не сбился съ дороги, чтобы „суженой" не вернулся бы безъ нея домой. Она поетъ, что „безъ жениха ей тошнехонько, и грустнехонько": Есть трогательная пѣсня о томъ, какъ одинокій, бѣдный молодецъ томится на бѣломъ свѣтѣ, какъ онъ „вянетъ-сохнетъ" въ одиночествѣ, „будто травка среди поля дикаго", и какъ одна „Дуняша сжалилась надъ бѣдняжкой-сиротинушкой, приласкала, приголубила безпріютную головушку". Есть пѣсни, въ которыхъ дѣвушка изъ всѣхъ сокровищъ и богатствъ міра выбираетъ милаго друга; въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ указано, что женихъ беретъ дѣвицу „волей", — она такъ къ нему привязалась, что забываетъ „батюшку" и „матушку". Дѣвушка поитъ-кормитъ коней поѣзжанъ; ласкаетъ ихъ и кланяется имъ, приглашая ихъ ѣсть:

«Пейте вы, ѣшьте, кони мои,
Завтра пораньше свезите меня
Далѣ-подалѣ отъ батюшки,
Ближе-поближе къ свекру на дворъ!»

Большою стариною отзываются обряды принятія невѣсты въ чужую семью. Выше было указано, что каждый „родъ" въ старину связанъ былъ воспоминаніемъ объ одномъ общемъ родоначальникѣ, память о которомъ освящена была „культомъ",—поэтому всякій новый членъ рода долженъ былъ войти въ этотъ культъ. Онъ связанъ былъ съ почитаніемъ домашняго очага—„печью" [1]). Въ свадебныхъ обрядахъ значеніе очага видно изъ слѣдующаго: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, когда сваты приходятъ въ избу, невѣста должна сидѣть на печи; ея согласіе на свадьбу выражается тѣмъ, что она слѣзаетъ съ печи. Сваты иногда подходятъ къ печи и грѣютъ руки, хотя бы сватовство было и лѣтомъ. Этимъ обозначалось въ старину, что они просятъ помощи у генія семьи. Родители, благословляя дочь, садятся у печи. Молодая жена, входящая въ избу мужа, кланяется печи и кладетъ на нее хлѣбъ (въ Малороссіи — пѣтуха, въ Бѣлоруссіи — связку баранокъ и поясъ). Этотъ послѣдній обрядъ, съ разными видоизмѣненіями, соблюдается у другихъ славянъ и литовцевъ (а также соблюдался у римлянъ и германцевъ).

Обряды принятія невѣсты въ чужую семью.

а) религіозные: почитаніе очага.

Кромѣ такихъ обрядовъ „религіознаго" характера, существуютъ еще обряды, имѣющіе „юридическое" значеніе: въ старину

b) юридическіе.

[1]) См. выше стр. 17.

дѣвушка, выходя замужъ, отказывалась отъ своей воли, дѣлалась „рабой". Въ знакъ этого, она должна была послѣ свадьбы снять сапоги съ ногъ мужа (Лавр. лѣтопись разсказываетъ о Рогнѣдѣ, которая отказалась „разуть" Владиміра). Теперь это подчиненіе выражается символически въ томъ, что послѣ свадьбы отецъ новобрачной, ударивъ дочь плеткою, передаетъ свою плетку ея мужу.

Похоронные обряды, связанные съ вѣрой въ загробное бытіе.

§ 14. *Похоронные обряды и пѣсни* [1]) тѣсно связаны съ народнымъ представленіемъ о судьбѣ человѣка, покинувшаго земную жизнь. Вѣра въ то, что жизнь за гробомъ продолжается, что умершіе имѣютъ постоянное общеніе съ живущими на землѣ, лежитъ въ основѣ всѣхъ обрядовъ и пѣсенъ, которыя связаны съ похоронами. И теперь еще на поминальномъ обѣдѣ въ сѣверной Россіи ставятъ иногда лишній приборъ „для умершаго" (если послѣ обѣда ложка изъ этого прибора окажется влажной—значитъ, по народному повѣрію, покойникъ принималъ участіе въ обѣдѣ). Можно указать еще рядъ мелочей въ обрядахъ, которыя всѣ доказываютъ, что донынѣ народъ нашъ не можетъ окончательно проститься съ старымъ, чисто-языческимъ, представленіемъ о загробномъ бытіи. Вотъ почему принято обставлять послѣдніе дни пребыванія умершаго на землѣ самымъ точнымъ обрядомъ, чтобы не было порухи его чести.

Оплакиваніе умершихъ.

Обычай оплакивать умершихъ очень древній: въ „Словѣ о полку Игоревѣ" русскія жены оплакиваютъ мужей; изъ лѣтописи мы узнаемъ, что за гробомъ Изяслава шелъ Ярополкъ и причиталъ. Старые памятники полны упоминаній о такихъ „желяхъ", „плачахъ" (напр., разсказъ лѣтописи о снохѣ Владиміра Мономаха). Психологическое значеніе „заплачекъ" коренится въ возможности „выплакать" свою душу, найти исходъ горя въ словахъ... Оттого причитанія богаты глубокимъ лиризмомъ и принадлежатъ къ произведеніямъ, очень сильнымъ по чувству, красивымъ по формѣ, богатымъ по колориту. Этотъ любопытный видъ народной поэзіи особенно близокъ къ импровизаціи. Въ глубокой древности онъ былъ спеціальностью „плакальщицъ", у насъ—„вопленницъ", „плачей", которыя отличаются, обыкновенно, особымъ даромъ „сочинять на случай" новые „вопли", конечно, не выходя изъ обычнаго круга образовъ, пріемовъ и сюжетовъ народной поэтики. Кромѣ такихъ спеціалистокъ [2]),

---

[1]) Печерскій, Соч. IV, 307. 311, 314 ff.; V, 171.

[2]) Нѣсколько лѣтъ назадъ пріѣзжала въ Петербургъ вопленница Ѳедосова, знаменитая импровизаторша, которую на ея родинѣ за сотни верстъ выписываютъ на похороны и на свадьбы „вопить". Ср. въ драмѣ Островскаго: „Гроза"—слова Ѳеклуши объ обычаѣ „выть".

обыкновенно приглашаемыхъ на богатыя похороны, въ этой роли выступаютъ и родственницы покойнаго. Лѣтопись указываетъ, что въ старину и мужчины иногда „вопили“ на похоронахъ.

Сожиганіе умершихъ.

Славяне сперва сжигали своихъ покойниковъ; потомъ стали зарывать ихъ въ землю. О первомъ способѣ разсказываетъ арабскій путешественникъ по Россіи Ибнъ-Фодланъ, который (въ началѣ X в.) видѣлъ похороны знатнаго русса. „Сжиганіе“ связывалось съ представленіемъ, что умершіе восходили къ небесамъ и носились на коняхъ по воздуху. Надъ сожженымъ трупомъ насыпался курганъ. „Зарываніе“ соединялось съ вѣрой въ жизнь покойниковъ подъ землей,—гробъ и теперь въ деревняхъ называется „домовиной“. Жизнь за гробомъ, въ обоихъ случаяхъ, представлялась продолженіемъ земного существованія, — поэтому съ покойникомъ сжигали, или зарывали, женъ, коней, оружіе, охотничьи и рыболовныя принадлежности.

Зарываніе умершихъ.

Отраженіе языческихъ представленій о загробномъ бытіи въ пѣсняхъ.

Въ похоронныхъ пѣсняхъ сохранились слѣды вѣры въ удаленіе души къ небеснымъ свѣтиламъ,—„къ красну солнышку на приберегушку“, или: „вровень съ облачками онъ, да съ ходячими, ко лунѣ онъ, нашъ свѣтъ, да подвосточной“, или: „ко зарѣ, ко восточной“ и пр. Вѣра въ подземное существованіе душъ выражается во многихъ пѣсняхъ, выражающихъ заботы объ удобствахъ покойника въ его „домовинѣ“,—такъ, въ одной пѣснѣ высказывается упрекъ плотникамъ, что они сдѣлали „холодную хоромину немшоную: не обнесены брусовы бѣлы лавочки, не прорублены косевчаты окошечки, не устлана перинушка пуховая, не собраны утѣхи всѣ съ забавушкой“ и пр.

Содержаніе причитаній.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ своеобразную форму „вопросовъ“ ко всѣмъ окружающимъ, не видалъ ли кто покойнаго. Пѣвица не хочетъ вѣрить, что дорогой ея сердцу человѣкъ умеръ. Есть пѣсни, въ которыхъ говорится о томъ, что причитающая хочетъ пойти искать своего дорогого умершаго:

«Повзыскать пойду сердечно свое дитятко
По всему пойду хоромному строеньицу,
Обойду я по селу, да деревенскому,
Поспрошу я у родимыхъ поровестничковъ,
Дите да не сидитъ ли на бесѣдушкѣ,
Онъ у точеныхъ у прялушекъ,
Подлѣ красныхъ тѣхъ дѣвушекъ;
Онъ не шутитъ ли съ ними, сидя, шуточекъ?»

Въ большинствѣ же пѣсенъ встрѣчается желаніе, чтобы покойникъ явился опять живымъ:

«Хоть сподъ кустышка приди да сѣрымъ заюшкомъ,
Изъ подъ камышка явись да горностаюшкомъ,
Появись, приди, надежная головушка,
Хоть съ чиста-поля явись яснымъ соколомъ,
Со темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
Хоть съ глубокихъ озеръ—сѣрой утушкой!

Въ этой характерной пѣснѣ выражается, какъ будто, вѣра въ то, что души умершихъ переселяются въ животныхъ; есть и просьба, чтобы вѣтры буйные, „со громами да со гремучими", расшибли бы дорогую могилу, чтобы мать-сыра-земля раскрылася, поднялась бы гробовая доска"—

«Распахнитеся, да бѣлы саваны!
Отвалитеся, да ручки бѣлыя
Отъ ретиваго отъ сердечушка!
Развернитеся, да уста сахарныя,
Обвернись-ко ся, да мой родимый батюшко,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Съ бѣла-лица ржавчину!..

Есть любопытная пѣсня, въ которой плачущій проситъ всѣхъ молчать, такъ какъ ему чудятся какіе-то звуки,—онъ думаетъ, не возвращается ли съ того свѣта дорогой ему умершій. Наконецъ, большая группа причитаній относится къ печальной судьбѣ оставшихся въ живыхъ. Въ этихъ пѣсняхъ иногда очень картинно изображается положеніе осиротѣвшаго, особенно осиротѣвшей. Пустое жилище, у котораго „въ слезахъ стоятъ окошечки", также вызываетъ искренніе звуки горя изъ глубины тоскующей души. „Горе-злосчастье" особенно часто фигурируетъ въ этихъ „заплачкахъ",—оно представляется живымъ существомъ. Это — неотступный двойникъ, какъ тѣнь, слѣдующій за несчастнымъ человѣкомъ,—отдѣлаться отъ него нѣтъ силъ.

Представленіе „смерти" въ пѣсняхъ.

„Смерть" представляется въ пѣсняхъ въ видѣ какого-то оборотня, который крадется въ видѣ разныхъ хищныхъ звѣрей и птицъ, а въ домъ входитъ нежданно „красной дѣвицей", или „добрымъ молодцемъ". Въ нѣкоторыхъ причитаніяхъ высказывается сожалѣніе, что никто не догадался „задарить" смерть подарками,—въ другихъ, что никто не вступилъ съ нею въ бой.

„Заговоры“.

§ 15. *Заговорами*[1]) называются такія лироэпическія народныя произведенія, которыя имѣютъ принудительное („магическое“) значеніе,—они должны вызвать, или устранить какое-нибудь явленіе въ жизни человѣка, или въ жизни природы. При наличности вѣры въ значеніе заговора, т. е. въ таинственную магическую силу человѣческаго слова, онъ имѣлъ практическое значеніе, такъ какъ основывался, чаще всего, на „внушеніи.“ Еще и донынѣ „заговоры“ — профессіональное достояніе деревенскихъ вѣдуновъ, знахарей и знахарокъ. Для насъ заговоръ — это только поэтическое произведеніе, сохранившее на себѣ рядъ историческихъ наслоеній, языческихъ и христіанскихъ.

Древность заговоровъ.

Заговоры имѣютъ длинную исторію: ихъ мы встрѣчаемъ еще въ ассирійскихъ надписяхъ. Классическіе народы также вѣрили въ ихъ силу. Русскіе заговоры извѣстны намъ не раньше XVII в. (въ лечебникахъ, въ судебныхъ дѣлахъ). Впрочемъ, „заклятія“, напоминающія заговоры, встрѣчаются еще въ договорахъ первыхъ русскихъ князей съ греками[2]). Если клятва этихъ договоровъ не можетъ быть отнесена прямо къ заговорамъ, то они, всетаки, любопытны въ томъ отношеніи, что доказываютъ вѣру нашихъ предковъ въ значеніе слова. Въ лѣтописи есть длинный рядъ указаній на волхвовъ-кудесниковъ, которые, по словамъ Домостроя, „бѣсовскими словами и мечтами, и кудесомъ чаруютъ на всякое зло и на прелюбодѣйство“.

Различные виды заговоровъ въ зависимости отъ цѣлей.

По содержанію своему, заговоры распадаются на группы — цѣль однихъ—устранить, или навести болѣзнь, другіе касаются душевныхъ состояній, напр., возбужденія любви (заговоръ „на присушку“), охлажденія любви (на „остуду“). Многіе заговоры исключительно посвящены хозяйству, или промысламъ (пчеловодство, охота, рыбная ловля). Наконецъ, нѣкоторые имѣютъ своимъ предметомъ разные случаи жизни частной и общественной (поединокъ, война, путешествіе и т. д.).

Схема заговора.

Начинается заговоръ, обыкновенно, со *вступленія*, въ которомъ изображается дѣйствіе, будто-бы, совершающееся заговари-

[1]) Историч. Хрестоматія, т. I, 22—5. Печерскій, V, 259.

[2]) Въ договорѣ Игоря (въ 945 году) отъ имени руссовъ-язычниковъ клятва выражена въ словахъ: „да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими“—если нарушатъ обѣщаніе. Въ договорѣ Святослава (971 года) клятва звучитъ такъ: „да не имѣемъ клятву отъ Бога, въ не же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, бога скотья, да будемъ золотѣ, якоже золото се“ и т. д. „Златоница“—желтуха. Этого же корня: золотуха—удосочіе.

вающимъ. Напр.: „иду я изъ поля въ поле, опаясываюсь чистыми звѣздами“ и пр. Затѣмъ выражается *желаніе*, ради котораго происходитъ заговоръ. На третьемъ мѣстѣ, обыкновенно, помѣщается *сравненіе* желаемаго явленія съ какимъ-нибудь явленіемъ природы. Напр.: „въ печи огонь горитъ и тлѣютъ дрова, такъ тлѣло и горѣло бы сердце“. Слѣдуетъ, наконецъ, *обращеніе къ стихіямъ* за помощью (напр., „сойди ты, мѣсяцъ...“ и пр.) и затѣмъ *замыканіе* заговора: („мое слово крѣпко“) [1]).

Взгляды ученыхъ на происхожденіе заговоровъ.

Ученые различно объясняли исторію заговоровъ: одни думали, что заговоръ — полузабытая языческая молитва. Другіе доказывали, что это—желаніе, прикрытое символомъ. Въ такомъ толкованіи заговоръ не отличается отъ проклятія и благословенія. Наконецъ, третьи объясняли заговоръ вѣрой въ особое таинственное значеніе нѣкоторыхъ словъ, или ихъ сочетанія. Конечно, всѣ эти толкованія должны быть приняты въ извѣстной мѣрѣ.

Смѣшеніе язычества и христіанства въ заговорахъ.

Черты язычества и христіанства перемѣшивались въ заговорахъ курьезнымъ образомъ: рядомъ съ призываніемъ Николы Чудотворца, Зосимы и Савватія, появляются „двоевѣрные“ образы „12 дочерей Ирода—трясавицъ“, „бабушки Соломониды“, —и, наконецъ, чисто-языческіе—dii minores (домовой, лѣшій и др).

Заговоръ на любовь.

Приведу, для образца, два заговора,—дѣвушка заговариваетъ любовь молодца къ себѣ: «стану я, раба (такая-то) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, выйду въ чисто-поле, въ подвосточную сторону; въ подвосточной сторонѣ стоитъ изба, среди избы лежитъ доска, подъ доской—тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго свѣта дожидается! Бѣлый свѣтъ — красно солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу (такую-то), дожидался бы, радовался и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней, какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ материна молока не можетъ жить, такъ бы рабъ (такой-то), не могъ бы, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней, ни въ обыденъ, ни въ полдень, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ; ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся тоска, въѣдайся тоска въ грудь, въ сердце рабу (такому-то), разростись и разойдись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ костямъ ноетой и сухотой по рабѣ (такой-то)».

Заговоръ на разлуку съ сыномъ.

Полонъ поэзіи и любви также «заговоръ родимой матушки на разлуку съ милымъ дитяткою». Начинается оно такъ: «разрыдалась я, родная, раба (такая-то) въ высокомъ теремѣ родительскомъ, съ красной

---

[1]) Эта схема выдержана далеко не во всѣхъ заговорахъ. Большинство состоитъ изъ второй и третьей части, или изъ второй и четвертой.

утренней зарей во чисто-поле глядючи, на закатѣ ненагляднаго дитятки своего, яснаго солнышка (такого-то)».

Далѣе подробно разсказывается церемонія заговора: «пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ нагорнаго студенца. Стала я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною и возговорила зычнымъ голосомъ». Далѣе слѣдовало, вѣроятно, мимическое изображеніе дѣйствій, о которыхъ сказано въ заговорѣ: «умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сахарныя, чело думное, ланиты красныя, освѣщаю свѣчою обручальною его становой кафтанъ, его шапку соболиную, его подпоясь узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, свѣтлѣе солнышка яснаго, милѣе вешняго дня, свѣтлѣе ключевой воды, бѣлѣе яраго воска, крѣпче камня горючаго Алатыря»...

Далѣе слѣдуетъ перечень тѣхъ силъ, отъ которыхъ долженъ былъ спасти заговоръ: чортъ страшный, вихорь бурный, лѣшій одноглазый, *чужой домовой* [1]), злой водяной, вѣдьма кіевская, моргунья-русалка, треклятая Баба-Яга, летучій змѣй огненный, воронъ вѣщій, ворона-каркунья, Кощей-Ядунъ... Въ случаѣ смерти сына, мать заговариваетъ его послѣднія минуты: «а придетъ часъ твой смертный, и ты вспомяни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про нашъ хлѣбъ-соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челомъ, распростись съ родными и кровными, припади къ сырой землѣ и засни сномъ сладкимъ, непробуднымъ...»

Замыканіе тоже очень сильно: «А будь мое слово выше горы, тяжелѣе золота, крѣпчае горючаго камня Алатыря, могучае богатыря!..»

Въ этомъ любопытномъ произведеніи передъ нами и весь обрядъ заговора, несомнѣнно, прежде выполнявшійся строго—передъ нами и лирика материнской души, и прекрасное описаніе молодца, — наконецъ, весь сонмъ фантастическихъ злыхъ полубоговъ, которые олицетворяли всѣ, въ своей совокупности,—зло и тревогу земли... Обращенія къ стихіямъ въ заговорахъ также часты и иногда очень поэтичны. Обращеніе Ярославны (изъ „Слова о полку Игоровѣ") къ солнцу, Днѣпру и вѣтру — одинъ изъ древнѣйшихъ образчиковъ заговора этого рода. Въ такомъ же родѣ обращенія, въ родѣ слѣдующихъ: „Гой еси, буйный вѣтеръ, пособи и помоги мнѣ", или „гой еси, солнце жаркое, не пали и не пожигай ты хлѣбъ мой, а жги и пали полынь-траву". Красиво начало многихъ заговоровъ: „оболокусь оболоками, подпояшусь красною зарею, огорожусь свѣтлыми мѣсяцами, обтычусь частыми звѣздами и освѣчусь я краснымъ солнышкомъ". Характеристика этого заговора.

Въ основѣ многихъ заговоровъ лежитъ какое-то древнее по-

[1]) Ясное указаніе на слѣды родового быта (см. выше стр. 4—5).

вѣрье. Такъ, въ заговорѣ „отъ засухи“ говорится о вбиваніи осиноваго кола въ чрево какого-то еретика-чудовища, которое держитъ плодородіе.

История „заговора отъ лихорадки“.

Нѣкоторые заговоры прежде, чѣмъ дойти до русской деревни, сдѣлали большое путешествіе. Такъ, заговоръ противъ „трясавицы“-лихорадки заключаетъ, въ основѣ своей, преданіе, дошедшее къ намъ изъ Ирана. Заговоръ этотъ иначе называется: „Молитва св. Сисинія“.

«Сисиній стоялъ на берегу моря: изъ воды вышли 12 бабъ «простоволосыхъ»—это дочери Ирода (Ледѣя, Пухлѣя, Желтѣя и т. д.,—имена, показывающія разные признаки лихорадки). По молитвѣ святого [1]), являются архангелы и избиваютъ 12 бабъ. У грековъ, отъ которыхъ мы заимствовали свой заговоръ, онъ является сначала въ видѣ пространнаго разсказа. У какой-то Мелитины, жившей въ Аравіи, чудовище Гилло похищало дѣтей. Братья ея, Сисиній и Сисинодоръ, узнавъ объ этомъ, отправляются въ погоню за Гилло на крылатыхъ коняхъ. Они спрашивали по дорогѣ у вербы и терновника, не видѣли-ли тѣ Гилло; деревья не сказали правды, за что были прокляты: верба сдѣлалась навсегда кривымъ деревомъ, а терновникъ—колючимъ. Гилло, спасаясь отъ братьевъ, обращается въ рыбу, ласточку—тѣ, преслѣдуя ее, обращаются то въ рыбаковъ, то въ соколовъ. Наконецъ, Гилло обратился въ козлиный волосъ въ царской бородѣ. Волосомъ овладѣли братья; побѣжденное чудовище, спасая свою жизнь, дало братьямъ средство отъ лихорадки (написать 12 его именъ и нѣсколько молитвъ).

Сисиній—историческое лицо; это—еретикъ секты манихеевъ, создавшейся подъ вліяніемъ иранскихъ вѣрованій въ борьбу двухъ началъ: добраго и злого.

Былевой эпосъ.

§ 16. *Былевой эпосъ* [2]) состоитъ изъ отдѣльныхъ эпическихъ пѣсенъ о подвигахъ богатырей; пѣсни эти, обыкновенно, называются „былинами“. Такое названіе совершенно-искусственное, книжное,—народъ называетъ эти пѣсни „старинами“, „старинками“. Въ самыхъ пѣсняхъ былевыхъ нѣтъ слова „былина“, а всегда—„старина“. „То старина,—то и дѣяніе“—или: „тѣмъ старина и кончилась“—или: „благословите, братцы, старину ска-

„Былины“— „старины“.

---

[1]) Эта „молитва легла въ основу заговора. Сначала перечисляются имена „трясавицъ“, затѣмъ читается самая молитва: „заклинаю васъ св. великимъ апостоломъ Сисиніемъ и святыми евангелистами Лукою, Матѳеемъ, Іоанномъ. Побѣгите отъ раба Божія (имя), и я призову на васъ великаго апостола Сисинія и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Матѳея, Іоанна и учнутъ васъ мучить, даючи вамъ по четыре тысячи ранъ въ день“. Послѣ этой молитвы священникъ поитъ больного святой водой съ креста, говоря: „крестъ — всей вселенной хранитель, всѣмъ церквамъ — красота; крестъ — апостоламъ похвала“ и пр.

[2]) „Историч. хрестоматія“ I, 25—54.

вать!" — такими словами начинается, или оканчивается „сказыванье" былины.

„Богатырь". Самое слово „богатырь" тоже вызвало цѣлую литературу. Ученые, стоящіе на миѳологической точкѣ зрѣнія, производили это слово отъ слова „богъ" чрезъ прилагательное „богатъ", т. е. богатырь для нихъ былъ существомъ, „богатымъ" высшими качествами, — героемъ, происшедшимъ отъ бога [1]), „богато одареннымъ, силами обильнымъ".

Даль въ своемъ „словарѣ" отмѣтилъ слово „богатырь", какъ татарское. И это толкованіе взяло верхъ; было указано, что— 1) слово это присуще изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, только русскому и польскому (въ южно-славянскомъ — *юнакъ*), т. е. встрѣчается лишь у тѣхъ народовъ славянскихъ, которые столкнулись съ татарами,—а 2) у русскихъ оно появляется въ лѣтописи только послѣ нашествія татаръ и, прежде всего, исключительно въ примѣненіи къ татарскимъ воеводамъ [2]), въ качествѣ ихъ титула. Въ древнерусской письменности, еще не знавшей этого слова, мы встрѣчаемъ, вмѣсто слова „богатырь"—*кметь, мужъ, воинъ, храборъ* (хороборъ, хороберъ, добль, = храбрый, славный), — рѣже *витязь*, а позднѣе — *удалецъ, ръзвецъ*.

„Кметь", „мужъ", „храборъ".

Былины Кіевскія. *Былинами Кіевскими* называются тѣ эпическія пѣсни, содержаніе которыхъ пріурочено къ городу Кіеву, связано съ именемъ князя Владимира, или съ тѣми богатырями, которые служили ему.

Личность Владимира и отношеніе къ нему современниковъ. Кн. Владимиръ былъ популяренъ въ свое время. По происхожденію своему, онъ былъ первый князь изъ „рюриковичей" на половину славянской крови (сынъ Святослава и Ольгиной служанки—славянки Малуши). Быть можетъ, поэтому на него косо смотрѣли чистокровные варяги-норманны (напримѣръ, Рогнѣда не хотѣла идти за него замужъ). Къ тому же, войдя въ силу, онъ повелъ борьбу съ дружинниками-варягами, уменьшилъ ихъ значеніе на Руси. Это не могло не понравиться славянамъ. Онъ первый изъ князей пересталъ смотрѣть на русскую землю, какъ на источникъ обогащенія себя и дружины, а сталъ заботиться объ ея процвѣтаніи, — такъ, много энергіи онъ употребилъ для защиты

---

[1]) Противоположностью слова „богатырь" является, по мнѣнію миѳологовъ, слово „убогій"—т. е. лишенный милости бога.

[2]) Въ различныхъ формахъ: „батуръ", „батырь", „баторъ", „богадуръ". Въ лѣто 6748 (—1240) среди воеводъ Батыя именуются Обѣдай-богатырь, Бурундай-богатырь и мн. др.

Кіевской Руси отъ кочевниковъ (постройка ряда городовъ, крѣпостей); онъ сознательно распространялъ цивилизацію въ средѣ племенъ, родственныхъ полянамъ, — самое крещеніе его и бракъ на византійской княжнѣ имѣли цѣлью сдѣлать изъ кіевскаго княжества просвѣщенное передовое государство, сильной дружбой съ Византіей.

Кромѣ того, Владимиръ отказался отъ походовъ, напоминавшихъ собой разбойничьи набѣги (ср. походы Олега, Игоря, Святослава), и потому дружинники его не могли уже такъ наживаться, какъ при его предшественникахъ. Это также было причиной, что много недоброжелателей было у него среди дружинниковъ-варяговъ, привыкшихъ смотрѣть на себя, какъ на хозяевъ русской земли,—но, съ другой стороны, все это сдѣлало его очень популярнымъ въ средѣ славянъ-полянъ. Усиленіе Кіева, начавшееся благодаря ему, тоже не могло нравиться сосѣднимъ племенамъ.

Отраженіе этихъ отношеній въ пѣсняхъ.

Такое различное отношеніе къ нему различныхъ слоевъ тогдашняго русскаго общества вызвало и различныя пѣсни, ему посвященныя — сочувствующія и враждебныя: однѣ складывались у славянъ (полянъ), другіе у ихъ враговъ, или въ средѣ дружинниковъ-варяговъ, — всѣ онѣ, современемъ, слились въ одинъ „циклъ" („кругъ"), но противорѣчивыя черты въ обрисовкѣ Владимира остались непримиренными: съ одной стороны, онъ—„Красное Солнышко," „свѣтлый", „пресвѣтлый", „ласковый",—съ другой—коварный, трусливый, неблагодарный, жадный, и распутный.

Илья Муромецъ.

Главными богатырями, служившими Владимиру, были Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ. *Илья Муромецъ*, по былинамъ—самый популярный богатырь русскаго народа,—о немъ сложено всего больше пѣсенъ; по нимъ можно написать всю его біографію.

Характеристика его.

Этотъ „матерой" казакъ — спокойный и сознательный слуга своему отечеству. Нѣтъ въ немъ никакихъ порывовъ, не знаетъ онъ увлеченій; жизнь его протекаетъ спокойно и ровно, по завѣтамъ русской старины: онъ богомоленъ, охотно дѣлаетъ добрыя дѣла; когда ненужно, не проливаетъ крови: онъ — защитникъ вдовъ и сиротъ. Въ немъ такъ все уравновѣшено, такъ соотвѣтствуетъ укладамъ русской жизни, что изъ всѣхъ богатырей онъ менѣе всѣхъ подверженъ случайностямъ,—*судьба надъ нимъ безсильна.*

Его любитъ мать-сыра-земля, потому что онъ — „крестьян-

скій сынъ“. Это придаетъ ему своеобразный демократизмъ, который удачно подчеркнутъ гр. Алексѣемъ Толстымъ въ его балладѣ: „Илья Муромецъ“. Этотъ демократизмъ дѣлаетъ его иногда нежелательнымъ гостемъ въ гридницѣ князя, а его заставляетъ, порвавъ сношенія съ княземъ, искать общества съ „голью кабацкой“. По былинамъ, жизнь Ильи складывается слѣдующимъ образомъ:

Пріобрѣтеніе имъ силы.

Въ селѣ Карачаровѣ, около города Мурома, жилъ крестьянинъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ. Тридцать три года онъ «сидѣлъ въ сидняхъ», не владѣя ногами. Однажды, когда онъ одинъ оставался дома, зашли въ избу калики перехожіе («Христосъ и два апостола») и попросили у него испить. Илья отказался дать имъ воды, ссылаясь на свое неумѣніе ходить, но они настаивали; по ихъ приказанію, Илья попробовалъ подняться—и вскочилъ, «ровно встрепанный». Онъ принесъ странникамъ чашу въ полтора ведра, но они заставили его отпить первымъ. Едва Илья выпилъ, онъ вдругъ почувствовалъ такой приливъ силы, что, если бы отъ земли до неба былъ столбъ, а въ столбѣ томъ было бы кольцо,—онъ, по собственному его признанію, могъ бы, взявшись за это кольцо, перевернуть всю землю. Странники потребовали еще второй чаши и заставили Илью испить и эту вторую чашу. Силы въ немъ убавилось вдвое. Калики тогда простились съ Ильей, сдѣлавъ ему наставленіе, чтобы онъ никогда не вступалъ въ бой съ Святогоромъ-богатыремъ, Самсономъ-богатыремъ, съ Микулой и его родомъ и съ чародѣемъ Вольгой Всеславьичемъ. Затѣмъ они научили Илью, какъ ему добыть богатырскаго коня, и скрылись. Илья сейчасъ же отправился въ поле и принялся за мужицкую работу: сталъ очищать поле отъ дубья-колодья («корчевать»).

Отъѣздъ изъ родного дома.

Добывъ себѣ коня, Илья сталъ просить у отца разрѣшенія пуститься въ путь «богатырствовать». Отецъ далъ ему благословеніе, со словами: «я на добрыя дѣла тебѣ благословеніе дамъ, а на худыя дѣла благословенія нѣтъ. Поѣдешь ты путемъ-дорогою, не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина».

Встрѣча съ разбойниками.

Поѣхалъ Илья по чисту полю: конь его, какъ лютый звѣрь, Илья на конѣ, какъ ясный соколъ. Подъѣхали къ Ильѣ станишники-разбойники, хотѣли они его ограбить, но онъ снялъ съ плеча богатырскаго лукъ и пустилъ стрѣлу въ дубъ. Отъ одного «пѣнья» тетивы, разбойники попадали съ коней; стрѣла же, угодивъ въ дубъ, разбила его въ мелкіе черепья. Пять часовъ безъ памяти пролежали разбойники. Когда же они пришли, наконецъ, въ себя, то стали приглашать Илью къ себѣ атаманомъ, но Илья не согласился и отправился дальше.

Освобожденіе Чернигова отъ татаръ.

Подъѣзжая къ Чернигову, Илья увидалъ, что несмѣтная сила татарская обложила городъ: стоятъ у Чернигова три царевича, у каждаго по сорока тысячъ силы. Илья рѣшился «переступить» заповѣдь отца,—взялъ свою саблю боевую и сталъ «по силушкѣ» погуливать: гдѣ повернется,—тамъ улица,—поворотится—тамъ площади. Всю силу онъ избилъ, оставилъ въ живыхъ только царевичей,—ихъ онъ отправилъ во-свояси, на ихъ родину, чтобы тамъ они разсказали, что на «святой Руси» есть могучіе богатыри. Князья-бояре черниговскіе и мужики-черниговцы просили

его сдѣлаться воеводой въ ихъ городѣ, но Илья отказался отъ этой чести и попросилъ указать ему кратчайшую, «прямоѣзжую» дорогу въ Кіевъ. Ему отвѣтили, что «прямоѣзжая» дорога «заколодила-замуравила», такъ какъ у «Грязи черныя», у «березы проклятыя, у славнаго креста Леванидова», у рѣчки Смородинки» «засѣлъ Соловей-разбойникъ»: не только людей онъ не пропускаетъ, но и «сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиваетъ, черный воронъ не пролетываетъ».

Побѣда надъ Соловьемъ-разбойникомъ.

Поѣхалъ Илья «дорогой прямоѣзжей», увидѣлъ столбъ, съ надписью, предостерегавшей всѣхъ ѣхать прямо. Илья всетаки отправился. По дорогѣ онъ прокладываетъ и очищаетъ дорогу, моститъ мосты... Когда онъ подъѣхалъ къ семи дубамъ, на которыхъ сидѣлъ Соловей, тотъ закричалъ по-звѣриному, засвисталъ по-соловьиному, зашипѣлъ по-змѣиному. Конь Ильи упалъ на колѣни, но Илья сохранилъ мужество, схватилъ свой тугой лукъ и выстрѣлилъ въ Соловья; стрѣла попала разбойнику въ правый глазъ. Илья привязалъ Соловья къ стремени и поѣхалъ къ его жилищу. Увидавъ отца въ несчастьи, дѣти его сначала хотѣли напасть на Илью, но мать удержала ихъ и убѣдила лучше поднести богатырю щедрые дары, чтобы онъ отпустилъ ихъ отца, ея мужа, на волю. Въ нѣкоторыхъ былинахъ разсказывается, впрочемъ, что одна изъ дочерей Соловья хотѣла убить богатыря стопудовой булатной подворотней; она ударила Илью по головѣ, но онъ ударъ выдержалъ и убилъ ее.

Прибытіе къ кн. Владиміру.

Пріѣхалъ Илья въ Кіевъ и отправился прямо къ князю Владиміру; коня, съ Соловьемъ-разбойникомъ у стремени, привязалъ онъ въ широкомъ дворѣ къ золоченому кольцу, а самъ пошелъ въ гридницу. Владиміръ пригласилъ богатыря къ столу «хлѣба кушати, бѣлы лебеди рушити». Когда Илья разсказалъ князю, что только наканунѣ выѣхалъ изъ Мурома и на дорогѣ совершилъ столько подвиговъ, Владиміръ ему не повѣрилъ. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, Илья показываетъ ему Соловья. Владиміръ сталъ просить, чтобы Соловей закричалъ по-звѣриному и засвисталъ по-соловьиному. Илья приказалъ ему закричать въ «пол-крика», засвистать въ «пол-свиста». Соловей закричалъ въ полный голосъ, и всѣ въ Кіевѣ попадали на землю, самъ князь поползъ на карачкахъ. За непослушаніе Илья убилъ Соловья.

Три поѣздки Ильи Муромца.

Однажды, во время многочисленныхъ своихъ поѣздокъ, Илья встрѣтилъ на распутьи трехъ дорогъ горючій камень съ надписью: «въ одну дороженьку ѣхать—убиту быть, въ другую ѣхать—женату быть, а въ третью ѣхать—богату быть». Илья рѣшился испытать свою судьбу и поѣхалъ сначала той дорогой, которая ему сулила смерть.

Ѣхалъ онъ по этой дорогѣ, и вдругъ напало на него сорокъ тысячъ разбойниковъ. Илья взялъ свою палицу въ девяносто пудъ и сталъ «пощелкивать» разбойниковъ; скоро они были всѣ перебиты, а Илья вернулся къ распутью и поправилъ надпись на камнѣ, добавивъ слова: «въ ту дорожку ѣздилъ—убитъ не былъ».

Отправился Илья по той дорогѣ, которая обѣщала ему женитьбу. Скоро пріѣхалъ онъ къ огромнымъ палатамъ («городомъ назвать ихъ—малы для этого, селомъ назвать—велики»). Ласково встрѣтила его прекрасная королевична, угостила его и потомъ предложила отдохнуть на

кровати. Кроват была устроена такъ, что всякій, ложившійся на нее, проваливался въ погребъ. Осторожный Илья сперва толкнулъ на кроват королевичну, и та провалилась въ погребъ, въ которомъ уже томилось немало добрыхъ молодцовъ, витязей и богатырей. Илья освободилъ всѣхъ изъ заточенія, а красавицу-королевичну убилъ и палаты ея сжегъ. Вернувшись къ распутью, онъ сдѣлалъ къ надписи еще добавленіе: «въ ту дорожку ѣздилъ—женатъ не былъ».

Поѣхалъ Илья по третьей дорогѣ и скоро увидалъ глубокіе погреба, полные несмѣтныхъ богатствъ: золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Илья не былъ корыстенъ, и всѣ богатства употребилъ на постройку монастырей богомольныхъ, церквей соборныхъ. Вернувшись къ камню, онъ передѣлалъ и послѣднюю надпись: «какъ въ тую дорожку ѣздилъ — богатъ не былъ». Такъ безсильна оказалась «судьба» надъ любимымъ богатыремъ русскаго народа.

Отношенія Ильи къ богатырямъ русскимъ и кн. Владиміру.

Обладая силой физической и духовной, онъ занялъ первое мѣсто среди владиміровыхъ богатырей. И Добрыня, и Алеша признали его «большимъ братомъ», съ Добрыней онъ даже помѣнялся крестами, сдѣлался «названнымъ крестовымъ братомъ». Но князь Владиміръ однажды обнаружилъ къ нему неуваженіе,—всѣхъ богатырей пригласилъ къ своему столу, не пригласилъ одного Илью. Это оскорбило его, и онъ, чтобы досадить князю, собралъ «голь кабацкую», посбивалъ стрѣлами «маковки золоченыя» съ Божьихъ церквей и, продавъ ихъ, угостилъ пьяницъ и бродягъ кіевскихъ. Грандіозный разгулъ богатыря испугалъ князя, и Добрыня былъ отправленъ къ Ильѣ для переговоровъ. Илья прощаетъ князя только потому, что посланъ былъ Добрыня,—иначе смерть постигла бы и самого князя, и его жену: «а было намѣреніе наряжено, говоритъ онъ,—натянуть тугой лукъ разрывчатый, а класть стрѣлочки каленыя, стрѣлить въ гридню во столовую, убить тебя, князя Владиміра». Это единственный случай въ его жизни, отмѣченный былинами, когда Илья даетъ свободу своимъ страстямъ.

Илья въ заточеніи.

Однажды Владиміръ устроилъ пиръ для своихъ придворныхъ—князей и бояръ; богатырей онъ не позвалъ. Илья явился безъ зову. Владиміръ, разсерженный его появленіемъ, приказалъ его живьемъ закопать въ подвалы, чтобы тамъ онъ умеръ голодною смертью. Богатыри разгнѣвались на поступокъ князя, оставили его дворъ, поѣхали въ чистое поле и остановились на заставѣ.

Побѣда Ильи надъ Калиномъ-царемъ.

Прошло три года. Подступилъ подъ Кіевъ Калинъ-царь съ несмѣтнымъ полчищемъ татаръ: лошадиный паръ мрачилъ мѣсяцъ и солнце, отъ духу татарскаго тяжело было дышать въ городѣ. Калинъ-царь надменно обращается съ Владиміромъ,—его посолъ приноситъ князю грозныя грамоты и невѣжливо ведетъ себя въ палатахъ князя. Владиміръ не былъ въ силахъ бороться съ Калиномъ и готовъ былъ исполнить всѣ его требованія, какъ вдругъ отъ жены своей онъ узнаетъ, что Илья живъ, что всѣ три года его тайкомъ кормили. Илья освобожденъ и, по просьбѣ князя, отправляется въ бой. Илья выѣзжаетъ въ поле и видитъ несмѣтную силу татарскую. Поѣхалъ онъ къ богатырямъ русскимъ, три года прожившимъ на заставѣ вдали отъ двора. Они отказываются биться за Владиміра, и Илья ѣдетъ одинъ противъ татаръ. Много избилъ онъ враговъ мечомъ, много пере-

топталъ конемъ, а силы татарской все еще оставалось немало. Конь Ильи провѣщился человѣчьимъ голосомъ,—онъ сказалъ Ильѣ, что Калинъ-царь устроилъ въ полѣ три подкопа, и въ одномъ изъ нихъ Илья будетъ захваченъ. Такъ и случилось. Илья попалъ въ плѣнъ и связанный былъ приведенъ къ татарскому царю. Илья отказался служить татарамъ и, воспользовавшись свободой, безъ оружія, помахивая татариномъ, какъ дубиною, пробился на волю, нашелъ своего коня, и, вмѣстѣ съ другими богатырями русскими, перебивъ всѣхъ татаръ, полонилъ самого царя.

Побѣда Ильи надъ Идолищемъ.

Послѣ двѣнадцатилѣтней отлучки возвращался Илья въ Кіевъ къ Владимиру; по дорогѣ встрѣтилъ онъ калику перехожаго (Старчище-Иванище, или Данилу Игнатьевича). Отъ него Илья узнаетъ, что въ Кіевѣ неблагополучно. Завладѣлъ городомъ и княземъ Идолище Поганое. Переодѣлся Илья нищимъ-каликою и, неузнанный, вошелъ въ палаты князя. Распалился гнѣвомъ Идолище на то, что несмотря на его запрещеніе просить подаяніе, какой-то нищій зашелъ въ самыя палаты княжескія. Илья объясняетъ Идолищу, что пришелъ издалека и не зналъ запрещенія нищенствовать. Идолище вступилъ въ разговоръ съ Ильей и сталъ его вывѣдывать, не встрѣчалъ ли онъ Илью Муромца, не знаетъ ли онъ, сколько Илья хлѣба ѣстъ и сколько пива пьетъ. Узнавъ, что русскій богатырь и въ ѣдѣ, и въ питьѣ отличается умѣренностью, Идолище сталъ потѣшаться надъ русскимъ богатыремъ, указывая на себя и хвастаясь, что онъ заразъ съѣдаетъ хлѣба по три печи, пива выпиваетъ по сороковой бочкѣ. Илья на это сказалъ, что у отца Ильи была старая корова; однажды она обожралась и треснула... „И съ тобой то же будетъ!"—замѣтилъ онъ Идолищу. Разгнѣвался Идолище и метнулъ въ дерзкаго кинжаломъ. Илья отстранился, кинжалъ пролетѣлъ мимо. Тогда Илья, не имѣя подъ рукой ничего, болѣе подходящаго, своей шляпой ударилъ Идолище и разсѣкъ его на полы.

Побѣда Ильи надъ сыномъ—Сокольникомъ.

Однажды мимо заставы богатырской проѣхала удалая богатырша-поленица Баба Горынинка, или Латыгорка. Никто изъ богатырей не могъ съ ней справиться,—только Илья одержалъ надъ нею верхъ. Онъ женился на ней, и потомъ они разстались. Она уѣхала на родину. Сынъ ея отъ брака съ Ильей (въ разныхъ былинахъ и имена ему различныя: Сокольникъ, Соловникъ, Збутъ-королевичъ, Жидовинъ и др.), выросши и сдѣлавшись богатыремъ, отправился на Русь, чтобы отомстить своему отцу-Ильѣ за то, что онъ своей побѣдой надъ бабой-Горынинкой лишилъ ее славы непобѣдимой богатырши. Сокольникъ проѣхалъ богатырскую заставу. Утромъ по «ископыти» (слѣдъ копыта въ землѣ) богатыри убѣждаются, что, во время ихъ сна, на Русь проѣхалъ какой-то сильный витязь. Одинъ за другимъ ѣдутъ богатыри вслѣдъ за Сокольникомъ, но никто изъ нихъ удачи не видалъ: Алешу Поповича Сокольникъ, попросту, отшлепалъ шелепугой подорожною; Добрыня самъ испугался, и, не вступивъ въ бой, вернулся къ заставѣ. Поѣхалъ за Сокольникомъ Илья. Долго бились они; наконецъ, верхъ взялъ Сокольникъ, онъ повалилъ Илью и, издѣваясь надъ старымъ богатыремъ, хотѣлъ, было, кинжаломъ «пороть» ему груди бѣлыя, но у Ильи, «лежучи, силы прибыло»,—онъ изловчился, подбросилъ Сокольника на воздухъ «выше лѣса стоячаго». Онъ подхватилъ Сокольника, хотѣлъ, въ свою очередь, убить его, но изъ рѣчей юноши убѣдился, что передъ нимъ его сынъ. Илья прощаетъ ему его

вину, но, за свою снисходительность, едва не платится: Сокольникъ хотѣлъ зарѣзать его спящаго. За такое коварство Илья убиваетъ его.

Опредѣленіе личности Ильи. Три ученыя школы, изучавшія народную поэзію, каждая по своему, объяснили образъ Ильи. Представители «миѳологической школы» (Аѳанасьевъ и Ор. Миллеръ) въ Ильѣ Муромцѣ усмотрѣли народное воспоминаніе о «богѣ-громовникѣ». «Окованный зимнею стужею богатырь-громовникъ «сиднемъ сидитъ» безъ движенія, пока не напьется живой воды, т. е. пока весенняя теплота не разобьетъ ледяныхъ оковъ и не претворитъ снѣжныя тучи въ дождевыя,—только тогда зарождается въ немъ сила поднять молніеносный мечъ и направить его противъ темныхъ демоновъ». «Соловей-Разбойникъ—олицетворяетъ демона бурной, грозовой тучи; его свистъ—завываніе бури. Идолище-поганое—это черная туча, застилающая ясное солнце—Владимира. Нуженъ ударъ Ильи, бога-грома, чтобы разсѣять эту тучу. Илья съ точки зрѣнія „миѳологической школы“.

Историки-славянофилы увидѣли въ Ильѣ «олицетвореніе дружины земской»,—міра-народа, служилой силы, народа-пахаря... Преклоняясь передъ добродѣтелями простого русскаго народа,—его беззлобіемъ, почитаніемъ родителей, скромностью, безкорыстнымъ служеніемъ родинѣ, они увидѣли воплощеніе всѣхъ этихъ качествъ въ Ильѣ (К. Аксаковъ и Ор. Миллеръ)— и потому усмотрѣли въ русскомъ богатырѣ воплощеніе «идеаловъ русскаго народа». Борьба, которую пришлось вести Ильѣ съ чудовищами, вродѣ Идолища-Поганаго—была ими признана, какъ олицетвореніе вѣковой борьбы Руси со степью (печенѣги, половцы и татары). Илья съ точки зрѣнія „славянофиловъ“.

Школа «заимствованія» въ разсказахъ о подвигахъ и приключеніяхъ Ильи указала много общаго съ разсказами, встрѣчающимися въ эпосахъ скандинавскомъ, германскомъ, кельтскомъ, южнославянскомъ, византійскомъ, иранскомъ, кавказскомъ, киргизскомъ, эстонскомъ... Такъ, разсказъ о чудесномъ пріобрѣтеніи силы человѣкомъ, до тѣхъ поръ отличавшимся слабостью, встрѣчается и въ житіяхъ святыхъ, и во многихъ скандинавскихъ сагахъ. Въ одной сагѣ (о Тетлейфѣ Датскомъ) герой, какъ Илья, — сынъ крестьянина, долго своей силы не обнаруживалъ, былъ запечнымъ лежебокою. Внезапно онъ получаетъ силу и отправляется въ путь. Отецъ и мать снаряжаютъ его и даютъ совѣтъ не биться съ Тидрекомъ и его дружиной (ср. совѣтъ странниковъ Ильѣ не биться со старшими богатырями). Кромѣ того, родители совѣтуютъ богатырю быть кроткимъ и милосерднымъ, равно относиться къ богатымъ и бѣднымъ. Бой героя съ Зигурдомъ-разбойникомъ, кончившійся для послѣдняго неудачею, приводитъ его въ домъ Зигурда: Здѣсь дочь побѣжденнаго хочетъ убить Тетлейфа, какъ дочь Соловья — Илью. Изслѣдователи сопоставляютъ съ Ильей и Кралевича Марка (героя сербскаго эпоса) и также между обоими находятъ много сходства. Первый подвигъ Марка— корчеваніе поля, второй—битва съ Мусой-разбойникомъ, который заложилъ прямоѣзжую дорогу. Бой Марка съ великаномъ «Джидовомъ», который даже не чувствуетъ ударовъ богатыря, а потомъ безъ труда его связываетъ, напоминаетъ бой Ильи съ Святогоромъ. Любопытно также сближеніе былины о боѣ Марка и Неды-«джидовина». Въ подробностяхъ обѣ пѣсни соприкасаются: «степи цыцарскія», гдѣ происходитъ бой Ильи—

Илья съ точки зрѣнія „школы заимствованія“.

a) Сага о Тетлейфѣ

b) Пѣсня о Марко-Кралевичѣ.

это «дороги цесарскія»—гдѣ бьется Марко; голову побѣжденнаго Жидовина Илья, подобно Марку, приноситъ къ товарищамъ—ни одинъ русскій богатырь, кромѣ этого случая, не отсѣкаетъ головы у побѣжденнаго врага. Королевична, съ которой встрѣчается Илья, отчасти напоминаетъ собою извѣстную героиню кавказскихъ сказаній—царицу Тамару. Сторонники «восточныхъ» вліяній на русскій эпосъ усмотрѣли сходство между Ильей и Рустемомъ, персидскимъ богатыремъ, героемъ поэмы «Шахъ-Намэ». Такъ, по словамъ проф. Вс. Миллера, «личность Рустема значительно повліяла на нашего національнаго богатыря. Какъ Илья, такъ и Рустемъ, вначалѣ были надѣлены непомѣрной силой, которая потомъ уменьшилась наполовину; въ минуту опасности, по молитвѣ, имъ обоимъ возвращается сила; оба они любятъ хорошо выпить; при борьбѣ съ противникомъ поднимаютъ его вверхъ и бросаютъ на землю; и тотъ, и другой отличаются спокойнымъ мужествомъ, нестяжательностью, благочестіемъ, великодушіемъ; оба занимаютъ почетное мѣсто среди другихъ богатырей и безкорыстно служатъ отечеству». Не только въ «иранскомъ эпосѣ» встрѣчается разсказъ о боѣ отца съ сыномъ,—онъ встрѣчается и въ кавказскихъ сказаніяхъ, и у эстонцевъ, и у киргизовъ. Очевидно, у разныхъ народовъ онъ сложился еще въ эпоху матріархата (см. выше стр. 4), когда сынъ не зналъ отца и легко могъ вступить съ нимъ въ бой.

в) Поэма о Рустемѣ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, сколько общаго нашла школа «заимствованій» въ русскомъ эпосѣ съ эпосами другихъ народовъ. Это заставляло тѣмъ осторожнѣе обращаться съ народнымъ творчествомъ, въ которомъ оказалось очень много чужого. Вотъ почему школа «заимствованій» разрушила почти всѣ предположенія миѳологовъ и славянофиловъ.

Илья съ точки зрѣнія „исторической школы“.

Въ Ильѣ Муромцѣ представители *исторической* школы предлагаютъ, между прочимъ, видѣть историческое лицо — *дядю князя Владимира*, Добрыню. Лѣтопись выдвигаетъ этого Добрыню, какъ руководителя и помощника юнаго Владимира: онъ добываетъ ему въ жены Рогнѣду, помогаетъ ему управлять Новгородомъ. Настоящее имя этого дяди Владимира въ однѣхъ былинахъ сохранилось (былины о Добрынѣ), въ другихъ замѣнилось именемъ другого богатыря—Ильи [1]). Германскія саги знаютъ этого русскаго витязя Илью (Ilias von Riuzen), съ которымъ связаны довольно близко дѣянія лѣтописнаго дяди Владимира: этотъ Ilias—дядя короля Орнита, добываетъ ему невѣсту, выручаетъ изъ стѣсненнаго положенія и пр. Въ норвежской сагѣ «Тидрекъ-сага» Иліасъ,—«великій воевода и могучій боецъ», братъ Вольдемара, короля Pulinaland (земля полянъ или поляковъ).

[1]) Популярнымъ лицомъ въ старомъ эпосѣ былъ Олегъ, который въ малолѣтствѣ Игоря игралъ при немъ ту-же роль, что Добрыня при Владимирѣ. Вѣроятно, поэтому и пѣсни объ обоихъ (Олегѣ и Добрынѣ) были сходны до нѣкоторой степени. Оттого возможно сліяніе старыхъ пѣсенъ объ Олегѣ съ позднѣйшими пѣснями о Добрынѣ. Переходъ имени „Олегъ“ въ имя „Илья“ возможенъ.—по крайней мѣрѣ, имя Ilias употребляется въ германскихъ и норвежскихъ сагахъ наряду съ Eligas—откуда недалеко до формы Олегъ („Ольгъ“, или народная, — „Вольга“). Если это допустить, то, быть можетъ, и двойственныя черты въ образѣ былиннаго Владимира объясняются тѣмъ, что въ немъ слились черты Владимира и Игоря (изъ пѣсенъ объ Олегѣ), дѣйствительно, коварнаго и корыстолюбиваго князя.

О крестьянскомъ происхожденіи богатыря старыя записи былинъ (до XIX ст.) ничего не знаютъ,—очевидно, «мужикомъ» Илья сдѣлался сравнительно недавно, — только съ тѣхъ поръ, какъ героическій эпосъ спустился въ крестьянскую среду. Тамъ, въ этой средѣ, образъ Ильи былъ облюбованъ,—и онъ сдѣлался крестьяниномъ города Мурома села Карачарова (Ростово-Суздальской области). Самый эпитетъ «Муромецъ» тоже поздняго происхожденія: до XVII в. его всегда называли «Муравленин омъ», «Моровлиномъ», «Муровцемъ», что заставило ученыхъ искать его родину въ городахъ и мѣстечкахъ южной Россіи: въ Волынской губ. есть «Моровескъ», «Муравица»; въ Черниговской губ. — село Моровскъ, раньше—гор. Моровійскъ. Тамъ же, въ предѣлахъ древняго Черниговскаго княжества, есть и городъ Карачевъ [1]).

Крестьянское происхожденіе Ильи.

„Муромецъ".

Такимъ образомъ, судя по болѣе старыхъ пѣсняхъ, можно думать, Илья былъ сначала связанъ съ южной Русью, связь же его съ Суздальской явилась позднѣе, когда населеніе съ юга отхлынуло на сѣверъ.

Итакъ, если это предположеніе вѣрно, то основы былинъ объ Ильѣ надо искать въ пѣсняхъ о Добрынѣ, дядѣ кн. Владимира. Имя Добрыни сохранилось въ однѣхъ пѣсняхъ и замѣнилось въ другихъ именемъ Ильи, такъ какъ пѣсни о Владимірѣ и Добрынѣ слились съ старыми пѣснями объ Олегѣ (Ilias = Eligas = Ольгъ=Вольга) и Игорѣ. Эти русскія пѣсни объ Олегѣ-Ильѣ извѣстны были германцамъ и скандинавамъ. Потомъ началось пріуроченіе къ русскимъ мѣстностямъ пѣсней о варягѣ Ilias и съ ними слились пѣсни о какомъ-то южнорусскомъ богатырѣ изъ черниговской или волынской области; затѣмъ его связали съ Суздальской землей и обратили въ Муромскаго мужика [2]).

Итоги „историческаго" изученія Ильи.

Добрыня Никитичъ. Не такъ проста и эпически-спокойна жизнь другого богатыря—Добрыни. Самое происхожденіе его въ нѣкоторыхъ былинахъ обставляется какой-то тревогой въ природѣ: злое начало—какой-то „скиперъ-звѣрь"—обезпокоено его рожденіемъ. Отецъ Добрыни, Никита Романовичъ, родомъ изъ Рязани. „Молодой, удалой Добрынюшка—хорошаго роду-племени, гораздъ стрѣлять изъ лука, плавать, бороться, играть на гусляхъ". Онъ вѣжливъ и обходителенъ, исполняетъ почетныя службы при дворѣ, или совершаетъ разныя тонкія дипломатическія порученія, но въ душѣ своей носитъ разладъ: онъ тоскуетъ и жалобится на свою долю богатыря: „Ахъ ты, гой еси, сударыня родна-матушка! Ты на что меня, Добрынюшку несчастнаго, спорóдила? Спорóдила бы, государыня родна-матушка, ты меня бѣленькимъ горючимъ камешкомъ, завернула въ тонкій льняной во рукавичекъ, спустила бы меня въ сине-море; я бы вѣкъ, Добрыня, въ морѣ лежалъ,—не ѣздилъ бы я,

Добрыня-Никитичъ.

[1]) Около города протекаетъ р. Смородинная, имѣется село Девятидубье. Здѣсь, по мѣстному преданію, жилъ Соловей-Разбойникъ.

[2]) Такая-же метаморфоза произошла съ заимствованной итальянской поэмой о Бовѣ; руссификація и демократизація обратила, напримѣръ, герцога Оріо—въ „посадскаго мужика Орла". (См. 2-ой вып. I-ой части этой книги 167 стр.),

Добрыня, по чисту полю, не убивалъ бы я, Добрыня, неповинныхъ душъ, не проливалъ бы я крови напрасныя, не слезилъ бы, Добрыня, отцовъ-матерей, не вдовилъ бы, Добрыня, молодыхъ женъ, не пускалъ бы сиротать малыхъ дѣтушекъ". Нѣтъ въ немъ мужицкаго спокойствія Ильи, который на жизнь смотритъ просто, какъ на „служеніе" родинѣ. Изъ подвиговъ Добрыни главный—борьба со Змѣемъ-Горынычемъ, котораго онъ убиваетъ и, благодаря этому, освобождаетъ его плѣнниковъ и плѣнницъ. Затѣмъ, всѣ остальные подвиги Добрыни уже чисто-личнаго свойства и во всѣхъ запутаны женщины. Илья съ презрѣніемъ и грубой чистотой относится къ „бабѣ",—Добрыня мягче, нѣжнѣе, онъ тоньше чувствуетъ и оттого страдаетъ.

Добрыня и Марина.

Убивъ Тугарина, онъ подвергается мести Марины, Тугариновой любовницы. Она взяла булатный ножъ и начала «рѣзать слѣды» Добрыни (одинъ изъ видовъ колдовства), приговаривая: «горите вы, слѣдочки да Добрынины, въ той, было, въ печкѣ муравленой, горитко въ Добрынюшкѣ по мнѣ душа!» Добрыня, очарованный заговоромъ, влюбляется въ Марину, но она обращаетъ его въ «тура—золотые роги». Мать Добрыни, Мамелфа Тимофеевна, сама чародѣйка, пригрозила Маринѣ, что она обратитъ ее сорокой, если Добрынѣ не будетъ возвращенъ прежній видъ. Марина испугалась угрозы, освободила богатыря отъ чаръ и была имъ убита.

Добрыня на свадебномъ пиру своей жены.

Побѣдивъ поленицу [1]), Настасью Микуличну, Добрыня женится на ней. Его любви къ женѣ предстояло впослѣдствіи большое испытаніе. Во время его отъѣзда, Алеша Поповичъ обманулъ ее вѣстью, что Добрыня убитъ, и, при посредствѣ Владимира, готовъ былъ уже вступить съ нею въ бракъ, какъ вдругъ явился Добрыня, прибывшій на брачный пиръ, переодѣтый гусляромъ. Жена узнаетъ его по кольцу, а съ обманщикомъ Алешей Добрыня раздѣлывается по своему.

Добрыня — дядя Владимира—Тимоня.

«Историческая» школа связываетъ образъ былиннаго Добрыни и съ дядей кн. Владимира, и съ другими богатырями, которые носили это же имя и упоминаются въ лѣтописи. Такъ, въ Тверской лѣтописи товарищемъ Александра Поповича лѣтописецъ называетъ Тимоню-Златопоясъ, въ Никоновской—этотъ-же Тимоня называется *Добрыней* Рязаничемъ-Златымъ Поясомъ.

Алеша Поповичъ.

Алеша Поповичъ, и по силѣ, и по нравственнымъ качествамъ, стоитъ ниже обоихъ. Если Добрыня въ любви находитъ драматизмъ, то Алеша—только потѣху. Если Илья серьезно смотрѣлъ на свою службу, безкорыстно и строго исполняя долгъ, то Алеша на свои подвиги смотритъ, какъ на средство наживы. Къ жизни онъ относится легко,—побитый въ бою, острить надъ самимъ собой; въ бою онъ не храбръ, а дерзокъ,—чаще всего, дѣйствуетъ

---

[1]) „Поленица"—одинаково: „воинъ" и „воительница".

хитростью, обманомъ, любитъ ссориться, не знаетъ выдержки. Къ женщинамъ относится легко—онъ, по выраженію былины,—„бабій пересмѣшникъ". Изъ подвиговъ его—только бой съ Тугаринымъ Змѣевичемъ долженъ быть признанъ серьезнымъ. Впрочемъ, и тутъ онъ взялъ верхъ обманомъ и чуть, за корыстолюбіе, не расплатился жизнью.

Лѣтопись упоминаетъ имя богатыря Александра Поповича подъ 1224 г. Онъ родомъ изъ Ростовской земли, служилъ великому князю Всеволоду Юрьевичу, потомъ его сыну Константину, принималъ участіе въ борьбѣ, возгорѣвшейся между Константиномъ и братомъ его Юріемъ; кромѣ того, онъ, впослѣдствіи, съ другимъ богатыремъ Тимоней, помогъ своему князю одержать еще двѣ побѣды надъ Юріемъ. Александръ Поповичъ въ лѣтописи.

Послѣ смерти своего князя, онъ съ дружиною ушелъ въ Кіевъ къ князю Мстиславу Храброму. Въ битвѣ при Калкѣ Александръ Поповичъ былъ убитъ со своей дружиной,—«съ семью-десятью храбрыми». Позднѣйшія лѣтописи (Никоновская) уже привязываютъ Александра Поповича къ временамъ св. Владимира. Очевидно, до лѣтописца дошли тѣ народныя пѣсни, въ которыхъ народъ уже произвольно связалъ богатыря съ эпохой Владимира. «Циклизація» уже завершилась къ этому времени, притянувъ къ имени Владимира весь былевой эпосъ.

Такимъ образомъ, можно думать, что Алеша («Александръ», уменьшительное—«Алекса», отсюда—«Алеша») былъ дружинникомъ-храбромъ (какъ и Добрыня), жившимъ въ XIII в. Народная фантазія перенесла его на нѣсколько столѣтій назадъ. До XVIII в. въ старыхъ былинныхъ записяхъ Алеша не имѣетъ еще тѣхъ отрицательныхъ чертъ, которыя присоединились къ его образу позднѣе (корыстолюбіе, жадность, и пр.). Очевидно, это внесеніе сатирическаго элемента—позднѣйшее осложненіе этого образа. Алеша-Алекса-Александръ.

Соловей Будимировичъ—это заѣзжій молодецъ изъ Веденецкой земли (города Леденца). На чудномъ кораблѣ съ богатыми подарками приплываетъ онъ по Днѣпру къ Кіеву. Въ одну ночь строитъ онъ три златоверхихъ терема въ саду княжеской племянницы Забавы. Княжна была прельщена его внѣшностью, его игрой и богатствами, и сама себя засватала за него. Второстепенные богатыри.

Чурила Пленковичъ—типичный русскій красавецъ, на котораго заглядываются даже старухи. Въ былинахъ о немъ воспѣвается его состязаніе съ Дюкомъ Степановичемъ въ богатствѣ и щегольствѣ, разсказывается его служба у князя въ Кіевѣ и смерть отъ руки старика, молодая жена котораго полюбила Чурилу.

Дюкъ Степановичъ—боярскій сынъ изъ Галича Волынскаго; по другимъ былинамъ онъ—родомъ изъ Индіи богатой. Въ былинахъ воспѣвается только его богатство и щегольство. Особенно обстоятельно описаны баснословныя богатства его дома.

Михайло Даниловичъ — это двѣнадцатилѣтній богатырь, спасшій городъ Кіевъ отъ татаръ. Отецъ его — тоже богатырь, калика Данила Игнатьевичъ, живетъ въ монастырѣ, но въ трудную минуту во время боя помогаетъ сыну.

Василій—пьяница Домополой, во время осады Кіева татарами убилъ стрѣлой зятя царя Батыги—Таракана (Таракашка, Татаринъ и др.). По требованію царя, Василій выданъ ему, но, попавъ въ татарскій станъ, перебиваетъ всѣхъ татаръ.

Суровецъ — Суздалецъ (Сурожанинъ) и *Михаилъ Казариновъ*—богатыри-охотники, отъ вѣщаго ворона узнаютъ о томъ, что татары въ полѣ ведутъ плѣнныхъ. Богатыри убиваютъ татаръ и освобождаютъ плѣнниковъ.

Михаилъ Потокъ, охотникъ выпить, „спадливъ до вина". Жена его, Авдотья-Лебедь Бѣлая, выдаетъ мужа своего его врагу, царю Вахрамѣищу (тотъ же сюжетъ разработанъ въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ). Въ другой былинѣ разсказано, какъ Потокъ на охотѣ чуть, было, не убилъ лебедушку, но она обратилась въ дѣвицу,—Авдотью-Лебедь Бѣлую. Она соглашается выйти за него замужъ, но съ условіемъ, что, кто раньше изъ нихъ умретъ, съ тѣмъ другой, оставшійся въ живыхъ, долженъ идти въ могилу. Потоку приходится сопровождать жену. Въ могильномъ склепѣ онъ, при помощи змѣя, принесшаго „живой воды", оживляетъ жену.

Суханъ (Сухманъ, Сухмантій) Одихмантьевичъ—охотникъ, похваставшій Владиміру, что привезетъ ему лебедь, неубитую и не-раненую, живьемъ взятую. Охота не удалась. Но зато, разговорившись съ Днѣпромъ, Суханъ узналъ, что татары переправляются черезъ рѣку; онъ избиваетъ татаръ. Разсказу его о такой побѣдѣ Владиміръ не повѣрилъ и посадилъ его за хвастовство въ погребъ. Илья Муромецъ привезъ извѣстіе, подтверждавшее слова Сухана. Богатырь освобожденъ, но отъ обиды онъ не хочетъ жить, снимаетъ повязки и истекаетъ кровью. Отъ его крови потекла рѣка Сухманъ (или Донъ).

Дунай Ивановичъ—это стрѣлокъ, который на состязаніи съ своей женой Нѣпрой (Днѣпрой Королевишной) въ искусствѣ стрѣлять изъ лука, побѣжденъ ею, и отъ досады убиваетъ ее и себя,—отъ ихъ крови берутъ начало рѣки Дунай и Днѣпръ.

Ставръ Годиновичъ—игрецъ на гусляхъ. За похвальбу мудростью жены своей Василисы Микуличны онъ заточенъ Владими-

ромъ. Василиса, переодѣвшись „грознымъ посломъ“, явилась свататься за дочь Владимира, показываетъ передъ княземъ свою силу, ловкость и хитрость и освобождаетъ мужа.

Иванъ Гостиный сынъ—славенъ только своимъ конемъ, который на скачкахъ опережаетъ всѣхъ.

Былины новгородскія.

Былины Новгородскія. Былины этого цикла отличаются своимъ бытовымъ характеромъ, — онѣ гораздо болѣе кіевскихъ вводятъ насъ въ дѣйствительные интересы будничной жизни. Внѣшнія отношенія къ нѣмцамъ, финнамъ, къ Москвѣ—въ этихъ былинахъ совершенно не затрагиваются. Зато внутренняя жизнь города, его обстановка, кулачные бои на мосту, рѣшеніе дѣлъ на вѣчѣ, типы посадниковъ, старцевъ монастырскихъ, богатыхъ гостей и мужиковъ новгородскихъ—все это представлено и ярко, и вѣрно. Самая похвальба богатствами на пиру въ этомъ коммерческомъ городѣ—черта спеціально-купеческая; приключенія героевъ Новгорода тоже связаны съ его заморской торговлей.

Садко.

Садко—бѣдный гусляръ, своей игрой прельстившій Морского царя. Въ награду за полученное отъ игры удовольствіе владыка морей даетъ возможность ему выиграть закладъ у купцовъ новгородскихъ. Разбогатѣвъ, Садко бьется объ закладъ, что перекупитъ всѣ товары у города, но проигрываетъ закладъ и отправляется, ради поправленія средствъ, торговать за море. По дорогѣ попадаетъ онъ къ Морскому царю и, лишь благодаря помощи того угодника, которому онъ выстроилъ церковь, онъ спасается.

Василій Буслаевичъ.

Василій Буслаевичъ — буйный ушкуйникъ [1]), съ дружиной своей развлекается избіеніемъ мужиковъ новгородскихъ. Эти потѣхи—содержаніе всей его свободной, размашистой жизни. Подъ старость ѣдетъ онъ каяться въ Святую Землю, но тамъ погибаетъ, такъ какъ не могъ справиться со своимъ свободоязычіемъ. Это — любопытный типъ русскаго вольнодумца древней Руси, который не вѣритъ „ни въ сонъ, ни въ чохъ“; онъ—созданье вольнаго Новгорода, — этой колыбели русскихъ ересей и древнерусскаго свободолюбія.

---

[1]) „Ушкуйниками“ назывались новгородскіе молодцы, которые изъ молодечества и удальства занимались грабежами и разбойничествомъ. На легкихъ лодкахъ („ушкуй“) плавали они по рѣкамъ, особенно по Волгѣ, и грабили, или „разбивали“ купцовъ (отсюда—слово „разбой“).

Старшіе богатыри.

Старшіе богатыри, (Святогоръ, Самсонъ, Вольга Святославичъ и Микула Селяниновичъ). „Старшими“ эти богатыри называются потому, что такое наименованіе присвоено имъ самимъ народомъ: калики перехожіе, отправляя на ратные подвиги Илью, запрещаютъ ему биться со „старшими богатырями“. Они въ другой былинѣ называются „силой нездѣшней“. И, дѣйствительно, эти богатыри совсѣмъ не связаны никакими земными интересами,—они не служатъ ни князю Владиміру, ни русской землѣ,—живутъ особнякомъ, вдали отъ всѣхъ прочихъ русскихъ богатырей. Это—туманныя существа, перегруженныя силой, болѣе приближающіяся къ образамъ сказочнымъ, чѣмъ былиннымъ, въ которыхъ историкъ, хотя и съ великимъ трудомъ, всетаки вскрываетъ зерна исторической дѣйствительности. Называя этихъ богатырей „старшими“, народъ не опредѣлилъ этимъ словомъ ни *времени* ихъ жизни, ни *власти* ихъ надъ младшими богатырями. Такимъ образомъ, названіе это совершенно условное; цѣль его—выдѣлить эту группу богатырей изъ всѣхъ другихъ.

Вольга Святославичъ.

Вольга Святославичъ (Волхъ Всеславьевичъ) происхожденія чудеснаго—онъ сынъ княжны и Змѣя Горыныча. Это—чародѣй-оборотень; его „хитрость-мудрость“ заключается въ умѣніи „оборачиваться“ въ разныхъ звѣрей (въ лютаго звѣря, сѣраго волка, яснаго сокола, гнѣдого тура, щуку). Съ дружиной своей онъ совершаетъ набѣги на Золотую Орду, въ Индію богатую, въ турецкую землю. Извѣстна его встрѣча съ чудеснымъ пахаремъ Микулой, который оказался сильнѣе князя-чародѣя и всей его дружины. Съ Вольгой связываютъ память объ Олегѣ, который слылъ „вѣщимъ“, т. е. чародѣемъ.

Микула Селяниновичъ.

Микула Селяниновичъ —это могучій землепашецъ, у котораго и кобылка соловая, и соха кленовая такъ же необыкновенны, какъ и онъ самъ. Въ его лицѣ смиренный пахарь, въ потѣ лица обрабатывающій землю, оказался сильнѣе блестящаго воина—Вольги. Въ нѣкоторыхъ былинахъ онъ является съ чудесной сумочкой, которую поднять не могъ даже Святогоръ. Въ этой сумочкѣ—„тяга земная“. Такимъ образомъ, всѣ былины объ этомъ богатырѣ полны символизма,—чего нѣтъ въ другихъ былинахъ.

Святогоръ-богатырь.

Святогоръ-богатырь — это неясно-очерченная, громадная и грузная сила — какой-то великанъ, котораго не носитъ земля и который потому, обыкновенно, лежитъ на горѣ. Изъ былинъ о немъ извѣстна былина, разсказывающая о встрѣчѣ съ Ильей Муромцемъ и съ Микулой.

Илья Муромецъ напалъ на него и сталъ наносить ему удары, но Святогоръ ихъ долго не чувствовалъ. Замѣтивъ, наконецъ, Илью, онъ спряталъ его, вмѣстѣ съ конемъ, въ карманъ и продолжалъ свой путь. Потомъ они поѣхали вмѣстѣ. Однажды увидали они огромный гробъ. Илья легъ въ него, но гробъ оказался для него великъ; легъ Святогоръ—гробъ пришелся ему по росту. По просьбѣ богатыря, Илья прикрылъ его крышкой, и крышка приросла къ гробу. Святогоръ дохнулъ на Илью изъ щели гроба духомъ мощи,—и тогда Илья поднялъ огромный мечъ Святогора и сталъ рубить крышку, но отъ всякаго удара ставились на гробѣ желѣзные обручи. Разрубить крышки Илья не могъ, и Святогоръ предложилъ прибавить ему еще силы, но Илья отказался. Тогда Святогоръ сказалъ, что Илья, отказавшись, поступилъ правильно,—если бы на этотъ разъ онъ наклонился къ щели, дохнулъ бы на него Святогоръ „мертвымъ духомъ", и умеръ бы у гроба Илья. Святогоръ передъ смертью завѣщалъ Ильѣ свой богатырскій мечъ.

Самсонъ-богатырь.

Близокъ къ Святогору другой богатырь — *Самсонъ*; о немъ поется въ былинахъ почти то же, что и о Святогорѣ; но, кромѣ того, былины о немъ разсказываютъ, какъ его коварная жена, вывѣдавъ, что сила его въ волосахъ („семь волосъ ангельскихъ"), овладѣла Самсономъ и ослѣпила его; какъ онъ отомстилъ ей, разрушивъ палаты, въ которыхъ находилась она съ гостями.

Исторія Святогора и Самсона.

Изслѣдователи нашли много сходства между этими былинами о Святогорѣ и Самсонѣ съ эпическими пѣснями кавказскихъ народовъ. Самое имя «Святогоръ» связывается съ «Святыми Горами», находящимися въ прикавказскомъ краѣ (къ югу отъ Дона и Волги), въ территоріи бывшаго хозарскаго царства. Хозары, исповѣдывавшіе еврейскую религію, могли увлечься и образомъ библейскаго Самсона [1]). Такимъ образомъ, существуетъ мнѣніе, что Святогоръ-Самсонъ—богатырь, заимствованный изъ хозарскаго эпоса [2]).

Впрочемъ, есть и въ финскомъ эпосѣ герой, своей грузностью напоминающій Святогора.

Пестрота содержанія былинъ.

Вотъ, главнѣйшіе русскіе богатыри, о которыхъ поются пѣсни еще въ наши дни. Прежде всего, бросается въ глаза пестрота этихъ образовъ. Въ сущности, богатырскимъ дѣломъ занимается одинъ Илья, менѣе Добрыня и еще менѣе Алеша. Всѣ другіе—либо случайно оказываютъ мечомъ услугу отечеству, либо совсѣмъ не берутся за мечъ,—кто изъ нихъ замѣчателенъ конемъ, кто умѣніемъ стрѣлять изъ лука, кто—лукавой женой, а кто—и порочной. Несомнѣнно, всѣ эти *самозванцы*-богатыри, эти щеголи-богачи, не-

---

[1]) Въ Талмудѣ есть разсказъ о примѣриваніи гроба (Моисей и Ааронъ), о подниманіи тяжести и пр.

[2]) Еврейскія вліянія шли отъ хозаръ и на устную поэзію, и на письменность: такъ, апокрифъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, неизвѣстный западной Европѣ, но извѣстный евреямъ, вѣроятно, попалъ къ намъ отъ хозаръ-евреевъ.

законно примѣшались къ истымъ слугамъ родины. Очевидно, пѣсни о нихъ сложились позднѣе,—въ эпоху, которая жила ужъ не высокими идеалами служенія родинѣ, а болѣе мелкими интересами богатаго и празднаго города. Но если всѣ эти былины принадлежатъ къ разнымъ слоямъ исторической жизни, тѣмъ не менѣе, нетрудно замѣтить, что большинство изъ нихъ пріурочено къ двумъ *цикламъ*: *Кіевскому* и *Новгородскому*.

Содержаніе былинъ кіевскихъ.

Былины *кіевскія* собираются около князя Владимира и распадаются на три группы: 1) о военныхъ подвигахъ богатырей, 2) о сватовствѣ невѣстъ для Владимира и—3) объ удальствѣ и ловкости его богатырей (различныя состязанія).

Содержаніе былинъ новгородскихъ.

Былины *новгородскія*, рисующія исключительно жизнь Новгорода, сводятся къ изображенію—1) приключеній во время заморской торговли, 2) сценъ изъ жизни новгородской вольницы.

Былины о Вольгѣ, Микулѣ и Святогорѣ стоятъ отъ этихъ цикловъ совершенно особнякомъ, лишь отчасти прикасаясь къ другимъ героямъ былевого эпоса.

Изученіе былевой поэзіи.

Изученіе былевой поэзіи. Приведенныхъ выше примѣровъ достаточно для того, чтобы представить ту пеструю картину, къ которой пришло въ послѣднее время изученіе нашей былевой поэзіи.

Школа миѳологическая.

Изъ вышесказаннаго видно, что школа *миѳологическая* видѣла въ основѣ былины *миѳъ*, сказаніе о томъ или другомъ божествѣ, (богъ грома, солнца, бури). Этотъ «миѳическій» эпосъ перешелъ въ «героическій» и «историческій» слѣдующимъ путемъ: съ теченіемъ времени, смыслъ большинства сказаній былъ утраченъ, но самыя сказанія жили; они отличались фантастичностью. Эти произведенія изображали уже не боговъ, а неопредѣленныя существа, съ забытымъ божественнымъ значеніемъ. Такія сказанія легко привязывались къ историческимъ воспоминаніямъ о какомъ-нибудь мѣстномъ богатырѣ; слившись съ пѣсней, пѣвшейся въ честь его, они привносили въ этотъ человѣческій образъ черты чего-то сверхчувственнаго, необычнаго, фантастическаго. Въ глазахъ миѳологовъ, эта *примѣсь фантастичнаго* и была особенно цѣнна: вглядываясь въ нее, они старались возсоздать черты стараго, забытаго бога.

Школа историческая.

Историческая школа все вниманіе обратила на историческую основу былинъ. Въ основѣ былинъ они видѣли *лироэпическую* пѣсню, пѣвшуюся по поводу великихъ событій, радостныхъ и печальныхъ... Славленіе князей, витязей, «заплачка» по умершемъ — всегда заключали въ себѣ элементъ эпоса—повѣсть о подвигахъ воспѣваемаго. Съ теченіемъ времени, выдохся *лиризмъ*—осталась «пѣсня-повѣсть». Чѣмъ крупнѣе и популярнѣе была личность воспѣваемая, тѣмъ лучше, интереснѣе была пѣсня, тѣмъ больше

вѣроятности было ей удержаться въ памяти народа; впослѣдствіи такія отдѣльныя пѣсни подчинились интересамъ времени, стали группироваться около болѣе выдающихся именъ, или связывались съ новыми позднѣйшими именами, теряя имя того богатыря, которому онѣ были ранѣе посвящены. Такъ сложились *циклы* былинъ. Борьба со «степью» (хозары, половцы, печенѣги, татары) отразилась сильно на народномъ творчествѣ,— и вотъ, пѣсни о подвигахъ русскихъ витязей въ столкновеніяхъ, напримѣръ, съ *печенѣгами*, дожили до времени борьбы съ татарами. Забыто было имя прежняго героя — въ старую пѣсню вошли новыя имена: печенѣги смѣнились татарами. Оттого Владиміръ Святой оказывается современникомъ татаръ. На первыхъ порахъ пѣсня была близка къ событію, близка къ лѣтописи, хотя, конечно, изложеніе фактовъ отличалось въ ней своимъ освѣщеніемъ. Съ теченіемъ времени, народная фантазія свободно расправлялась съ этой пѣсней, и сходство между ея содержаніемъ и содержаніемъ лѣтописнаго разсказа все уменьшалось. Оставались, подъ конецъ, имена, позабывалось содержаніе (роль св. Владиміра въ былинахъ); измѣненіямъ подвергались самыя имена (Алеша вм. Александра), забывались имена лѣтописныхъ богатырей (Чоботка, Рогдая, Тимони-«Золотой Поясъ», Яна Усмошвеца), смѣшивались по созвучію (Илія — Eligas—Олегъ; Вольга—Олегъ); имя, болѣе популярное, вытѣсняло собой менѣе популярное (б. м., Добрыня, дядя Владиміра, смѣненъ Олегомъ-Ильей).

Согласно объясненіямъ «исторической школы», чудесный элементъ въ былины вошелъ позднѣе: какъ въ легендахъ образъ святого «обрастаетъ» фантастикой, такъ и въ былинѣ прежнее историческое лицо постепенно прикрывалось наслоеніями, выдвигающими героя изъ предѣловъ человѣческой возможности.

Школа заимствованій.

Школа «заимствованія», путемъ сличенія произведеній различныхъ народовъ, пришла къ выводу, что многовѣковое общеніе русскихъ людей съ сосѣдними народами привело къ самой широкой мѣнѣ поэтическими сюжетами и мотивами—въ результатѣ, получилась такая картина общаго пользованія этими «международными богатствами», что нельзя отрицать заимствованій однимъ народомъ у другого. Но далеко не всегда можно утверждать опредѣленно, *кто у кого* позаимствовался. Эти «международныя» сокровища нахлынули на историческій эпосъ, когда живая память о событіяхъ уже померкла у народа; они завладѣли историческими именами, но заполнили ихъ новымъ содержаніемъ, присоединились отзвуки книжныхъ преданій, и, въ результатѣ, получилась наша *былина* — литературное явленіе очень сложное.

Дѣленіе былинъ на группы по содержанію.

Нетрудно замѣтить, что русскія былины распадаются на три группы — 1) былины, дѣйствительно, *богатырскія*, т. е. пѣсни о подвигахъ богатырей;—2) былины, напоминающія собой *новеллы*, или фабльо (разсказы о событіяхъ городской жизни, о случаяхъ непомѣрной роскоши и богатства, любовныхъ приключеніяхъ, похищеніяхъ невѣстъ) и—3) былины-*легенды*, отразив-

зившія вліянія церковной книги и переходящія въ духовные стихи [1]).

Конечно, историческія основы (русскія, или иноземныя) можно отыскать только въ былинахъ перваго типа; былины второго типа относятся къ переработкѣ бродячихъ сюжетовъ, сказочныхъ фабулъ. Эти произведенія, несомнѣнно, позднѣйшаго происхожденія и, можно думать, относятся или къ Московской Руси, или Новгородской, во всякомъ случаѣ не Кіевской. Это предположеніе приводитъ насъ къ спорному вопросу о мѣстѣ происхожденіи былинъ.

Мѣсто и время сложенія былинъ.

Мѣсто и время сложенія былинъ. Однимъ изъ первыхъ нашихъ ученыхъ, касавшихся вопроса о *мѣстѣ* происхожденія былинъ, былъ Погодинъ. По его мнѣнію, эти произведенія возникли въ Кіевской Руси до татарскаго погрома. Эта мысль развита и обоснована акад. Л. Майковымъ. Онъ призналъ родиной былинъ кіевскаго цикла — южную Русь; содержаніе ихъ выработалось, по его мнѣнію, впродолженіе X, XI, XII вв., т. е. въ первой половинѣ удѣльно-вѣчевого періода, и установилось не позже времени татарскаго владычества — именно, той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточила въ себѣ всей государственной силы Руси и въ народѣ свѣжа была память о первенствующемъ значеніи Кіева. За южнорусское происхожденіе русскихъ былинъ высказался и А-дръ Н. Веселовскій и Н. П. Дашкевичъ. За сѣверно-русское происхожденіе стоялъ Костомаровъ, находившій, что въ былинахъ Кіевскихъ, „кіевскаго", кромѣ именъ, нѣтъ ничего.

Центры сложенія былинъ: а) Новгородъ.

Всего справедливѣе будетъ мнѣніе, допускающее, что разныя былины сложились въ разныхъ мѣстахъ: такъ, первый центръ сложенія былинъ былъ въ *Новгородѣ:* эти первыя былины сохранились только въ пересказахъ лѣтописи (о призваніи варяговъ, о подвигахъ первыхъ князей); быть можетъ, былина о Вольгѣ, (Олегъ)—единственная, сохранившаяся отъ того времени. Потомъ

b) Кіевъ.

центръ культурной жизни перенесенъ былъ въ *Кіевъ;* борьба съ хозарами, печенѣгами и половцами, походы на Византію, торговыя сношенія по Днѣпру—дали новое, болѣе пестрое, содержаніе

[1]) Къ *первому* типу относятся былины объ Ильѣ, нѣкоторыя о Добрынѣ и Алешѣ, Василіи Казимировичѣ, Василіи Пьяницѣ и др. Ко *второму*—о Садкѣ, Василіи Буслаевичѣ, Добрынѣ и Алешѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Дюкѣ Степановичѣ и др. Къ *третьему*—былины о Святогорѣ, Самсонѣ, объ Егоріи Храбромъ, о Василіи Окульевичѣ (апокрифъ объ увозѣ жены Соломона, о Самсонѣ-Богатырѣ).

русскому дружинному творчеству. Рядомъ съ Кіевомъ, выростаютъ еще въ древней Руси другіе центры культурной и политической жизни въ *Черниговѣ* и *Переяславлѣ*, — эти города тоже отразились въ народномъ творчествѣ созданіемъ нѣсколькихъ мѣстныхъ былинъ. Съ конца XII в. начинаютъ роль играть *Галичъ-Волынскій*, *Ростово-Суздальская земля* и дѣлается важнымъ торговымъ пунктомъ *Новгородъ*. Жизнь и интересы всѣхъ этихъ новыхъ центровъ тоже отразились на созданіи новыхъ былинъ. Позднѣе и *Москва*, съ ея шумной городской жизнью, нашла себѣ выраженіе въ эпическомъ творчествѣ. Такимъ образомъ, всѣ существующія у насъ былины, вѣроятно, самаго различнаго происхожденія, — онѣ создались въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время.

c) Черниговъ и Переяславль.

d) Юго западъ и сѣверо-востокъ.

e) Новгородъ.

f) Москва.

Въ Москвѣ скоро изсякло эпическое творчество, такъ какъ тамъ, какъ и въ Малороссіи, слишкомъ сильны были впечатлѣнія историческихъ событій — оттого старая былина смѣнилась въ Малороссіи „думою", въ Москвѣ — „историческою пѣснею". Въ такомъ же положеніи оказался и самъ Новгородъ, — онъ тоже растерялъ всѣ свои былины: онѣ сохранились до нашихъ дней лишь на его окраинахъ: тамъ ужились остатки южно-русскаго и сѣверо-русскаго эпическаго творчества.

Исчезновеніе былинъ въ Москвѣ и Малороссіи.

Среда, создавшая былины. Кто складывалъ былины — этотъ вопросъ также неразъ поднимался и рѣшался различно. Лѣтопись, „Слово о полку Игоревѣ" и нѣкоторые другіе памятники даютъ указаніе на существованіе пѣвцовъ-дружинниковъ [1]) и пѣвцовъ-спеціалистовъ, воспѣвавшихъ подвиги князей. Эти показанія большинству изслѣдователей дали основаніе утверждать, что военный богатырскій эпосъ возникъ и первоначально существовалъ въ кругу *княжеской дружины*. Славянофилы, поклонники простого русскаго народа, называвшіе нашъ эпосъ „общиннымъ", „земскимъ", видѣли зарожденіе его въ „земщинѣ", въ *простонародной массѣ*. Наконецъ, третье мнѣніе, въ настоящее время наиболѣе распространенное, признаетъ въ созиданіи былинъ большое участіе *скомороховъ* [2]). Еще Л. Н. Майковъ, говоря объ олонецкихъ сказителяхъ, вспоминалъ древнихъ скомороховъ-гудошниковъ. Ученые доказали, что серьезный репертуаръ не былъ чуждъ

Среда, создавшая былины.

a) Дружина.

b) Народъ.

c) Скоморохи.

[1]) Въ лѣтописяхъ есть указанія на существованіе въ древности такихъ пѣвцовъ. Такъ, напр., въ Ипатьевской лѣтописи упоминается „словутьный пѣвецъ Митуса".

[2]) О происхожденіи названія см. выше стр. 20—1.

скоморохамъ,—что, рядомъ съ шутовскими пѣснями и шутками, они знали и героическія, и даже грустныя пѣсни.

История скоморохов. Впрочемъ «скоморохамъ» приписываютъ теперь созданіе, главнымъ образомъ, *былинъ-новеллъ*, или фабльо, въ которыхъ изображаются происшествія городской жизни,—преимущественно-любовныя похожденія. Кто же эти скоморохи?—вопросъ, подобно многимъ другимъ, нашедшій нѣсколько отвѣтовъ. Скомороховъ связываютъ съ древнегреческими и римскими *мимами*, потѣшавшими народъ во время разныхъ народныхъ праздниковъ. Эти бродячіе артисты античной поры дожили до среднихъ вѣковъ, сохранивъ даже свой традиціонный классическій костюмъ; въ Германіи они

Шпильманы. встрѣчаются при королевскихъ дворахъ и называются *шпильманами*. Христіанская церковь и въ Византіи, и на Западѣ преслѣдовала ихъ, отлучала отъ церкви, лишала причастія; правительство лишало ихъ правъ, но народъ любилъ ихъ искусство,—пѣніе пѣсней, разсказываніе сказокъ, знаніе заговоровъ, разныхъ фокусовъ, умѣнье играть на разныхъ инструментахъ.

Жонглеры. Французскіе *жонглеры*—родные братья шпильмановъ: они тоже соединяли фиглярство съ поэзіей: пѣли любимыя народомъ chansons de geste [1]), распространяли разныя захожія сказанія, библейскія и классическія сказки, фабльо. Имъ приписываютъ даже переработку апокрифовъ въ романы «Круглаго Стола».

Скоморохи заѣзжіе и русскіе. У насъ такіе народные потѣшники были людьми, сначала, несомнѣнно, иностранными,—объ этомъ свидѣтельствуетъ и нерусское названіе ихъ «скоморохи», и нерусскій костюмъ, который былъ усвоенъ впослѣдствіи ихъ русскими учениками. Самое раннее изображеніе скомороховъ находится на фрескахъ Кіево-Софійскаго собора (фигуры ряженыхъ музыкан-

Отношеніе къ нимъ церкви и народа. товъ, паяцовъ, акробатовъ и фигляровъ). Наша церковь относилась, подобно всѣмъ прочимъ, отрицательно къ «богомерзкимъ, бѣсовскимъ» пѣснямъ и играмъ скоморошьимъ. Но народъ любилъ своихъ «лихихъ скомороховъ» и даже въ свадебные и похоронные обряды ввелъ ихъ участіе: «свадьбы творятъ и на браки призываютъ іереевъ со кресты и скомороховъ съ дудами» — жалуется одинъ церковный писатель.

Указаніе былинъ на существованіе скомороховъ. Въ русскихъ былинахъ есть рядъ указаній на существованіе скомороховъ—упоминаются тамъ скоморохи захожіе, бродячіе и осѣдлые, проживающіе при дворахъ княжескихъ [2]). Въ пѣсняхъ они именуются «веселые скоморохи», «скоморохи—люди вѣжливые, очестливые». Нерѣдко въ роли скомороховъ выступаютъ и не профессіоналы, а любители. Такъ, талант-

Добрыня-скоморохъ. ливымъ гусляромъ былъ Добрыня. Переодѣвшись «скоморошиной», явился онъ на свадебный пиръ своей жены и занялъ спеціальное «скоморошье мѣсто».

Его «умильная» заунывная игра отличалась какими-то особыми «тонцами»:

---

[1]) „Chansons de geste"—есть буквально то же, что наши былины (geste—лат. gesta—бывшее).

[2]) См. любопытную былину изъ сборника г. Григорьева: „Путешествіе Вавилы съ скоморохами".

«Тонцы онъ навелъ-то великіе,—
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ-за синя-моря,
Тонцы повелъ отъ Новагорода,
Другія повелъ отъ Царя-Града,
Третій разъ сталъ наигрывать—
Все свое похожденіе разсказывать.

Слѣдовательно, за музыкальной «прелюдіей», сложной по композиціи, слѣдовалъ разсказъ о подвигахъ. Несмотря на строгій образъ Добрыни и унылый тонъ его пѣсенъ — онъ всетаки называется «скоморошиной» — доказательство, того, что въ репертуаръ скомороховъ рано вошли и серьезные сюжеты. Изъ такихъ же мастеровъ-любителей игры и пѣнья можно назвать Соловья Будимировича, Ставра, Чурилу. Изъ профессіональныхъ гусляровъ русская былина знаетъ Садко. Онъ—большой любитель поиграть на гусляхъ, — даже передъ смертью берется за нихъ, приговаривая: Садко-гусляръ.

«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гусельки яровчаты,
Поиграть-то мнѣ въ остатнее,
Больше мнѣ въ гусельки не игрывати!

Совершенно справедливо соображеніе проф. Вс. Миллера, что, пока былина была въ рукахъ профессіоналовъ, или даже такихъ любителей, какъ Добрыня, она отличалась бо̀льшей художественностью, бо̀льшею тонкостью пріемовъ, чѣмъ теперь, когда она попала въ вѣдѣніе олонецкихъ и архангельскихъ мужичковъ. Такимъ образомъ, понятіе «безыскусственный», всегда связанное въ нашихъ учебникахъ съ народной устной поэзіей, едва ли вѣрно. Былина въ рукахъ скомороховъ.

Техника былины. Итакъ былина—это художественное произведеніе, богатое искусственными пріемами. Техника былины.

Укажу нѣкоторые изъ нихъ: передъ *зачиномъ* былины часто бываетъ, болѣе или менѣе, длинная *прибаутка*. Прибаутка.

Напр., въ былинѣ о Добрынѣ и Алешѣ:

«Изъ подъ бѣлыя березы кудреватыя,
Изъ подъ чудна креста Леванидова,
Изъ подъ святыхъ мощей, изъ-подъ Борисовыхъ,
Изъ подъ бѣлаго алатыря-каменя,
Тутъ повышла, повышла, повыбѣжала,
Выбѣгала, выбѣгала матка Волга-рѣка.

Далѣе рисуется ея широкое теченіе, ея длина и пр. —

«А выпала Волга въ море Черное,
Да устьевъ пустила ровно семьдесятъ:
Широкъ перевозъ да подъ Новымъ Градомъ!
Да все это, братцы, не сказочка,
А все это, братцы, *прибауточка*,
Теперь-то Добрынюшкѣ *зачинъ* пошелъ...

«Прибаутка», по опредѣленію Вс. Миллера,—это чисто-артистическій пріемъ—*прелюдія*, которая должна сосредоточить вниманіе слушателей. Иногда «прибаутка» *кончаетъ* былину. Такъ, былина о нашествіи Бытыги заключается такъ:

«Ай, чистыя поля ко Опскову,
А широки раздольица къ Кіеву.
А высокіи ты горы Сорочинскія,
А церковно то строеніе въ Каменной Москвѣ,
Колокольный-отъ звонъ да въ Новѣ-Городѣ
Ай, тертые калачики Валдайскіе,
А щапливы щеголивы въ Ярослави городи,
Дешевы поцѣлуи въ Бѣлозерской сторонѣ.
А и сладки напитки на Питери;
А мхи, ты болота, ко синю морю,
А щелье-каменье ко Сиверику,
Ай, Дунай, Дунай, Дунай!

Подобныхъ «прибаутокъ» очень много,—нѣкоторыя изъ нихъ такъ и отзываются творчествомъ скомороховъ. Есть прибаутки и другого типа. Напр.:

«Кто бы намъ сказалъ про старое—
Про старое, про бывалое—
Про того Илью, про Муромца?»

или:

«Ой, вы, люди мои, люди добрые,
Люди добрые, шабры (сосѣди) ближніе!
Вы скажите мнѣ про старое...»

Популяренъ запѣвъ-«прибаутка»:

«Высота-ль, высота поднебесная,
Глубина-ль, глубина океанъ-море!
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты Днѣпровскіе!»

Зачинъ. После *прибаутки*, или *запѣва*, идетъ *зачинъ*, представляющій собою, обыкновенно, географическое указаніе *мѣста дѣйствія*. Напр.:

«Какъ во славномъ въ городѣ Кіевѣ,
У ласковаго князя, у Владимира.

Далѣе слѣдуетъ традиціонное изображеніе пира. Иногда *зачинъ* указываетъ на *мѣсто рожденія* героя.

«Во славномъ было городѣ во Муромѣ,
Во большомъ селѣ Корочаровѣ.

Указывается иногда мѣсто выѣзда богатыря, или пребываніе его «на славной на заставѣ». *Зачинъ* бываетъ иногда *сравненіемъ* (чаще отрицательнымъ). Напр.—

«Не бѣленькой кречетокъ выпархивалъ,
Не ясенъ соколочекъ вылетывалъ,—
Выѣзжалъ удалъ дородній добрый молодецъ...

или:

«Ай не волна ли какъ на морѣ расходилася,
Ай не сине-море всколыбалося —
Ай взволновался да вѣдь Калинъ-царь!

Можно думать, что многіе зачины древнѣе самыхъ пѣсенъ (ср. зачины Баяна, приведенные въ «Словѣ о полку Игоревѣ»); съ запѣвомъ связывался всегда пѣсенный *напѣвъ* (т. к. въ былинѣ каждый стихъ поется одинаково). Поэтому напѣвъ *зачина*, иногда стараго, давалъ иногда мелодію новой, только еще слагающейся пѣснѣ. Напѣвъ.

Обыкновенно, былину заключаетъ не прибаутка, а *исходъ*. Напр.: Исходъ.

«Синему морю на тишину—
Всѣмъ добрымъ людямъ на послушаніе».

или:

«Съ той поры, съ того времени
Стали (такого-то богатыря) стариной сказать».

Часто этотъ *исходъ* переходитъ въ *славленіе* героя:

«Только той Соловнику славы поютъ,
А Ильюши-то слава не минуется —
Отнынѣ-то вѣкъ по вѣку поютъ его, Ильюшеньку!»

Къ «общимъ мѣстамъ» былины относятся стереотипные образы, навсегда отлившіеся въ опредѣленныя формы и переходящіе изъ былины въ былину. Наприм., «скачка богатыря»: Общія мѣста былины. a) Скачка богатыря.

«Скакалъ онъ выше лѣсу дремучаго,
Чуть пониже облака ходячаго!
Съ горы на гору перелетывалъ,
Рѣки-озера перескакивалъ,
Мелки рѣки промежъ ногъ пущалъ.

«Ловкость молодца» на конѣ изображается такъ: b) Ловкость его.

«А кидаетъ онъ палицу булатную
Подъ облако, подъ ходячее,
Одной рукой палицу подхватываетъ... и т. д.»

Когда богатырь пріѣзжаетъ на широкій дворъ, онъ— c) Пріѣздъ богатыря.
«Привязываетъ добра коня
У того-ль столба золоченаго,
У того кольца золоченаго...
Заходитъ въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ да по ученому... и т. д.

Обыкновенно, его спрашиваютъ: d) Знакомство съ богатыремъ.

«Ты откудова, удалый добрый молодецъ?
Ты коей земли, коей орды?
Коего отца-матери?
Какъ тебя по имени зовутъ?
Нарекаютъ по изотчинѣ?

Похвальба на пиру. Пиръ оканчивается традиціонной «похвальбой»:

«Всѣ то на пиру напивалися,
Всѣ, на честномъ, наѣдалися,
Всѣ на пиру порасхвастались! —
Иной хвастаетъ городами,
Иной хвастаетъ золотой казной,
Разумный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой».

Эти готовыя «формулы», которыхъ можно насчитать очень много, свободно переходили изъ былины въ былину.

Ретардація. *Ретардація*—это тоже пріемъ эпическаго творчества, знакомый эпосамъ всѣхъ народовъ. Онъ состоитъ въ многократномъ повтореніи цѣлыхъ строфъ. Напр.,—

«И спроговоритъ казакъ, да Илья Муромецъ:
«Ахъ ты, солнышко-Владимиръ стольно-кіевскій,
Отправляй-ко ты меня да въ большу землю,
Въ большу ту землю, да въ Каменну Орду:
Тамъ повыправлю да дани-выходы
За двадцать годъ, да за тринадцать лѣтъ...

Встаетъ Добрыня и говоритъ буквально то же,—только, вмѣсто «Каменной Орды», говоритъ—«Золотую Орду». Встаетъ Потокъ Михайловичъ, опять повторяетъ то же, только, вмѣсто «Каменной Орды», называетъ землю Подольскую. Примѣровъ подобной ретардаціи можно насчитать немало.

Медлительность разсказа въ былинѣ. Движенія въ былинахъ мало,—разсказъ течетъ медленно: всякая мелочь останавливаетъ на себѣ вниманіе пѣвца. Собирается ли богатырь въ походъ,—обстоятельно описываются его сборы. Напр.,—

«Онъ добра-коня засѣдлываетъ:
На коня накладаетъ потничекъ,
Потничекъ-то онъ кладетъ шелковенькій,
На потничекъ—подпотничекъ,
На потничекъ—сѣделышко черкасское,
Черкасское сѣделышко подержано,—
Пряжечки-то красна золота,—
Да не для красы-угожества,
Ради крѣпости, все богатырскія,
Шелковыя подпруги тянутся—не рвутся,
Да булатъ-желѣзо гнется—не ломается и т. д.

Когда доходитъ дѣло до стрѣлъ,—то словоохотливый пѣвецъ разсказываетъ, что стрѣлы были «каленыя, точеныя, оперенныя»—

...«они перьями орловыми—
Не того орла, который, вѣдь, летаетъ по чисту полю,
А того орла, который сидитъ на синемъ морѣ.

Медлительности былиннаго разсказа способствуетъ также *сопоставленіе синонимовъ* (*паллилогія*), напр.— Паллилогія.

«Уѣхали богатыри *во чисто-поле*, —
Во чисто-поле...

«*Калика эта старая*, —
Эта старая калика, да сѣдатая,—
Сѣдатая калика да плѣшатая.

Часты случаи *тавтологіи*: напр., «плыло-выплывало», «чудо-чудное», «дождь-дождитъ», «а не мало дѣло, то велико», «и еще спитъ Илья — да не пробудится». Очень обычны *сравненія положительныя и отрицательныя:* Тавтологія. Сравненія.

«...Алеша Поповичъ сталъ, какъ свѣтелъ мѣсяцъ...
«...У него глаза, какъ пивны ковши...

«Что *не* бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая трава въ полѣ разстилается...

Олицетворенія, особенно явленій природы, тоже не рѣдкость въ былинахъ. Иногда вся природа представлена живой (анимизмъ),—такъ, она волнуется, когда рождается богатырь; вѣщій воронъ указываетъ богатырю на ожидающія его невзгоды. Вся природа страдаетъ за кіевскую землю во время нашествія Калина,—ея тревога является предзнаменованіемъ гибели богатыря. Олицетворенія.

«На Руси-то трава растетъ не по старому,
Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему—
А, видно, Вольги-то живого нѣтъ!»

Фантастика нашихъ былинъ сводится къ вѣрѣ въ вѣщіе сны, въ оборотничество, въ колдовство, въ силу заговора. Появленіе фантастическаго элемента въ былинахъ объясняется тѣмъ, что старыя пѣсни и преданія, съ миѳологическимъ содержаніемъ, полузабытыя съ теченіемъ времени, дали осадокъ на тѣхъ историческихъ пѣсняхъ, которыя были особенно популярны. Историческая пѣсня, въ періодъ сложенія, имѣетъ цѣлью сообщить слушателямъ фактъ и настроеніе пѣвца, но потомъ, съ теченіемъ времени, она начинаетъ преслѣдовать цѣли *занимательности*. Въ этотъ періодъ историческая пѣсня ослабляетъ свои связи съ историческимъ фактомъ и лицомъ и дѣлается воспріимчивой къ разнымъ постороннимъ образамъ и сюжетамъ. Тогда на нее наслояется фантастика и чуждыя вліянія. Фантастика былинъ.

Эпитеты въ былинахъ только «постоянные»: «стольный Кіевъ-градъ», «ласковый Владиміръ-Красно-Солнышко», «Илья-старый казакъ» «тихій Дунай Донъ», «смѣлый Алеша», «молодой Добрыня», «татаринъ поганый», богатыри «славные, могучіе, святорусскіе», «шалыга подорожная», «стремя булатное», «златъ шеломъ», «сабля вострая», «ноженьки рѣзвыя», и др. Конечно, всѣ эти поэтическіе пріемы, сложные и многообразные, Эпитеты.

говорятъ намъ краснорѣчиво о вѣковыхъ усиліяхъ художественнаго народнаго творчества. Пѣвцы-профессіоналы, быть можетъ, въ свое время изобрѣтали и свои, новые пріемы, но теперь былина больше не развивается, а только сохраняется, и теперь всѣ эти пріемы вполнѣ безличны, мертвы своею неподвижностью. Мало того, они теперь не проникнуты даже художественнымъ сознаніемъ и отличаются *механичностью* употребленія. Конечно, этого не было въ эпоху «процвѣтанія» былевой поэзіи,—въ эпоху, когда она была въ рукахъ спеціалистовъ-пѣвцовъ.

Механичность поэтическихъ пріемовъ въ современной былинѣ.

Механичность, безсознательность въ употребленіи этихъ пріемовъ видна, хотя бы, изъ того, что эпитетъ «ласковый» не отпадаетъ отъ князя Владимира, даже тогда, когда онъ совершаетъ несправедливости. Дружина Калина называется «хороброй», хотя она разбита Ильей. Калинъ-царь посылаетъ своего татарина посломъ въ Кіевъ и серьезно напутствуетъ его:

«Ай-же ты, поганый татарище!
Знаешь говорить да ты по-русскому,
А мычать про себя да по-татарскому!
Снеси-ка ты писемышко ко князю, ко Владимиру!»

Посолъ-татаринъ, явившись къ Владимиру, своего повелителя называетъ «собакой, Калиномъ-царемъ». Добрыня, послѣ двѣнадцатилѣтней службы, все остается «молодымъ». Еще черезъ 12 лѣтъ, пріѣзжая въ Кіевъ, онъ застаетъ свою жену тоже еще «молодой» [1]). Илья, наоборотъ, уже «старымъ» казакомъ выѣхалъ изъ отчаго дома и такимъ остался.

Любопытно, что иногда цѣлыя сцены, занесенныя изъ другихъ былинъ, и вставленныя не къ мѣсту, совершенно не имѣютъ смысла. Такъ, пріѣзжая на княжескій дворъ, богатыри, обыкновенно, привязываютъ коней къ точеному столбу съ золотымъ кольцомъ, но этотъ же точеный столбъ оказывается и среди поля чистаго, во время случайной ночевки богатырей. Илья, связанный въ лагерѣ татарскомъ, молится передъ подвигомъ своимъ въ «соборной церкви», которой, конечно, въ лагерѣ татаръ не могло быть. Всѣ эти несообразности есть результатъ исчезновенія сознательнаго отношенія къ пѣснѣ. Это произошло отъ того, что пѣсня богатырская теперь находится въ періодѣ упадка, — она лишь медленно умираетъ, хотя и упорно борется съ этой смертью.

Сложеніе былинныхъ типовъ.

Типы былинные. Когда лироэпическія пѣсни въ честь опредѣленныхъ историческихъ лицъ стали пѣться профессіональными пѣвцами-скоморохами, то герои этихъ пѣсенъ, съ теченіемъ времени, стали терять свои индивидуальныя, личныя черты; образы, сходные въ разныхъ пѣсняхъ, стали смѣшиваться, сливаться; около одного героя (напр., Ильи) стали группироваться пѣсни, герои которыхъ похожи были на него, — такъ, сложились „*типы*“ былинныхъ героевъ [2]).

---

[1]) Это „нестарѣніе“ героевъ въ русскомъ эпосѣ знакомо и эпосамъ всѣхъ другихъ народовъ. Въ „Одиссеѣ“ „Пенелопа“, уже почтенная матрона, остается молодой до возвращенія Одиссея.

[2]) Такъ же создаются типы и въ изящной словесности. „Литературнымъ“ типомъ называется воплощеніе такого художественнаго образа, который создался въ творческомъ воображеніи писателя изъ соединенія однородныхъ чертъ, собранныхъ послѣ

Циклизація былинъ. На этомъ же основывается и циклизація былинъ, т. е. пріуроченіе ихъ къ одному былинному циклу (циклъ Владиміра, циклъ Новгородскій). Изъ князей, воспѣваемыхъ въ народныхъ пѣсняхъ, были болѣе извѣстные, о которыхъ пѣлось больше пѣсенъ. Такія, болѣе извѣстныя, имена привлекли къ себѣ много пѣсенъ, которыя раньше и не были съ ними связаны. То же произошло и съ географическими названіями: Кіевъ и Новгородъ, города наиболѣе популярные, привлекли къ себѣ пѣсни, связанныя прежде съ другими мѣстностями. Циклизація былинъ.

Сказители старинъ—хранители старой поэзіи. Южная и западная Русь (Малороссія и Бѣлоруссія) совершенно позабыли былины; тамъ сохранились лишь «сказки» о нѣкоторыхъ богатыряхъ (Илья Муромецъ): имя Алеши встрѣчается въ «думахъ»; есть «колядки» съ именемъ Журилы (Чурила); въ захолустьяхъ доживаютъ еще разсказы о мудрой кн. Ольгѣ и ея мужѣ кн. Игорѣ, но *былинъ* о богатыряхъ до сихъ поръ въ Малороссіи нигдѣ не найдено. Въ Великороссіи былины сохранились тоже далеко не повсемѣстно: больше всего записано былинъ на русскомъ сѣверѣ,—въ Олонецкой, Архангельской губ. [1]) Собиратели пѣсенъ былевыхъ въ Оленецкой губ., Рыбниковъ и Гильфердингъ, присматриваясь къ народу, сохранившему такъ бережно богатства родной поэзіи, объясняютъ эту сохранность здѣсь былевыхъ традицій тѣмъ, что олончане, народъ, никогда не знавшій крѣпостного права, «не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемой въ былинахъ». Жизнь среди суровой природы, совершенное отчужденіе отъ вліяній города и вообще культуры, почти полная *неграмотность*, наконецъ, своеобразность ремеслъ [2]), которыми они занимались споконъ вѣка, — все это создало обстановку, благопріятную для сохранности былинъ. Къ этимъ причинамъ тѣ же изслѣдователи присоединяютъ поэтическую воспріимчивость олонецкаго простонародья, о которой свидѣтельствуютъ, между прочимъ, прекрасныя лирическія пѣсни, особенно причитанья, здѣсь очень распространенныя. Молодые собиратели былинъ гг. Григорьевъ и Марковъ нѣсколько лѣтъ назадъ объѣздили Поморье и вывезли изъ этого путешествія очень много цѣннаго; народъ тамошній они характеризуютъ, приблизительно, тѣми же чертами, какими за много лѣтъ назадъ характеризовалъ олончанъ Гильфердингъ; и ремесла

Судьба былинъ. а) въ Малороссіи. b) въ Великороссіи.

Причина сохранности былинъ на сѣверѣ.

наблюденія цѣлаго ряда дѣйствительныхъ людей, близкихъ по духу одинъ къ другому. Писатель хаотическую массу явленій, несущихся мимо него, дѣлитъ на разнородныя явленія по различію какихъ-нибудь основныхъ чертъ; затѣмъ, послѣ такой *аналитической* работы, начинается *синтентическая*: писатель собираетъ однородныя явленія въ группы и изъ массы образовъ, въ общемъ сходныхъ, создаетъ одинъ, объединяющій всѣ. Это и будетъ *типическій* образъ — *типъ*.

[1]) Большею сохранностью былинъ отличаются поволжскія губерніи (въ Нижегородской записано 7 №№, въ Симбирской 22 №№); попадаются былины на Уралѣ (до 10 №№), попадаются на Кавказѣ, у Терскихъ казаковъ). Въ общей сложности записано по всей Россіи (исключая сѣверъ)—60 №№, около 16 сюжетовъ. Между тѣмъ, въ одной Олонецкой губерніи записано до 300 №№ и до 40 сюжетовъ. Въ Архангельской губ. недавно записано г. Марковымъ 116 былинъ и г. Григорьевымъ 203 былины. Въ Рязанской губ. записана одна, въ Тульской—одна, испорченная.

[2]) Сами крестьяне говорятъ, что, сидя долгіе часы на мѣстѣ, за однообразной работой шитья, или плетенія сѣтей, они ощущаютъ потребность пѣть; „старины"—для этого самый удобный жанръ.

остались здѣсь тѣ же: или сапожное дѣло, или ткацкое, или сученіе бичевокъ и плетеніе сѣтей; то же отсутствіе грамотности, та же обособленность отъ кипучей жизни культуры. «Занесенное судьбой на крайній сѣверъ, населеніе бѣломорскаго побережья всегда жило вдали отъ политическихъ и культурныхъ центровъ и, конечно, не могло принимать близко къ сердцу ихъ жизни, отголоски которой доходили до него медленно и въ слабой степени. Даже теперь, съ улучшеніемъ путей сообщенія, съ устройствомъ почты и телеграфа, всероссійскія новости доносятся до Бѣлаго моря нескоро и не производятъ большого впечатлѣнія на крестьянъ. Тогда какъ центральная Русь, уступая наплыву историческихъ впечатлѣній, перешла къ исторической пѣснѣ, а Малороссія свою тревожную жизнь, полную невзгодъ и треволненій, выразила въ новыхъ формахъ эпоса («думы»), — здѣсь, на крайнемъ сѣверѣ, вѣками вся жизнь была неподвижна». Кромѣ того, существеннымъ основаніемъ для сохранности былинъ было сохранившееся здѣсь пониманіе могучихъ и свободныхъ идеаловъ старой поэзіи. Отношеніе здѣшнихъ крестьянъ къ заѣзжему горожанину—совсѣмъ не похоже на отношенія мужика къ барину. «Они относятся къ человѣку высшаго сословія, какъ къ равному,—не унизятся передъ нимъ, но не откажутся и охранять его интересы. При встрѣчѣ они слегка кивнутъ головой, не снимая шапки, и назовутъ его такъ же, какъ своего же крестьянина—«молодцомъ», или «мужикомъ», но ни въ какомъ случаѣ не «бариномъ», потому что это слово имъ даже неизвѣстно». Къ «старинамъ» крестьяне относятся съ глубокимъ почтеніемъ. Одна сказительница прямо говорила, что проклятъ будетъ тотъ, кто позволитъ себѣ прибавить, или убавить что-нибудь въ содержаніи старинъ. Еще Гильфердингъ замѣтилъ, что, если сказитель забудетъ что-нибудь, то онъ—или пропускаетъ забытое, или разсказываетъ прозой, но не прибѣгаетъ къ сочинительству. Крестьяне считаютъ знаніе былинъ признакомъ талантливости и, какъ бы, образованности. Одинъ старикъ говорилъ о себѣ и нѣсколькихъ другихъ крестьянахъ, незнавшихъ былинъ—«вотъ мы никуда не годимся,—ничему не учились, никакого проку въ насъ нѣтъ». Такимъ образомъ, здѣсь отношеніе къ народной поэзіи самое первобытное—*поэзія не отдѣлилась еще отъ знанія* (см. выше стр. 11). Народъ вѣритъ всѣмъ чудесамъ былиннаго обихода, будучи увѣренъ, что *тогда* люди были «другіе»,—они могли выпивать заразъ даже «полтора ведра» [1]); замѣчено, что, безъ этой вѣры въ реальность содержанія, эпическая поэзія не можетъ существовать,—скептицизмъ, подрывающій достовѣрность былины, низводитъ ее на степень сказки-складки; тогда съ ея содержаніемъ и формой сказитель не станетъ уже церемониться, не будетъ напрягать своей памяти, чтобы свято сберечь всѣ ея мелочи, и предоставитъ свободу своему творчеству.

Отношеніе сѣверянъ къ былинѣ.

Такимъ образомъ, въ современномъ своемъ положеніи, старая «былина» болѣе не развивается, но лишь бережно «сохраняется». Къ ней на сѣверѣ

---

[1]) Когда одинъ сказитель пѣлъ о томъ, какъ Соловей-разбойникъ глотаетъ по цѣлому богатырю съ конемъ, слушатели замѣтили: „кака пасть!“, а по поводу того, что Илья направилъ стрѣлу прямо въ глазъ Соловья, послышалось замѣчаніе: „небольша мѣточка!“ (Марковъ).

относятся еще съ благоговѣніемъ и никогда ея не смѣшиваютъ съ тѣми произведеніями, которыя служатъ для удовлетворенія праздной забавы. «Старины» поются крестьянами пожилыми, солидными, иногда даже богатыми. Пѣніе «старинъ» всегда привлекаетъ большую публику. Рыбникову одинъ сказитель разсказывалъ, какъ въ старое время «собирались старики и бабы вязать сѣти... И тутъ сказители станутъ пѣть былины. Начнутъ они передъ сумерками, а поютъ до глубокой ночи». Въ г. Пудожѣ «не только купцы и мѣщане, но и чиновники сходились по вечерамъ на «бесѣдѣ», чтобы слушать былины». Извѣстнаго сказителя Рябинина рыболовы-олончане звали къ себѣ пѣть: «если бы ты къ намъ пошелъ, Тимофей Григорьевичъ, мы бы на тебя работали, лишь бы ты намъ сказывалъ, а мы бы тебя все слушали». Поются былины и въ кельяхъ старыхъ сѣверныхъ монастырей и скитовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ г. Марковъ [1]). Иногда «старины» узнавались отъ «прохожихъ», а чаще онѣ — наслѣдіе, переходящее отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну. Нѣкоторые изъ сказителей отличались удивительною памятью,—такъ Феноновъ зналъ 70 былинъ, Крюкова (нынѣ здравствующая)—60 былинъ (около 12,000 ст.). Обычно знаніе 2,000 — 3,000 ст., рѣже встрѣчаются пѣвцы, знающіе 5,000 ст. (Калининъ и Рябининъ).

Сказители былинъ.

Обостренность ихъ памяти.

Такая обостренность памяти объясняется единственно неграмотностью: изъ 70 сказителей, выслушанныхъ Гильфердингомъ, шестеро оказались грамотными и притомъ сказителями «худшими». Одинъ изъ нихъ прямо признался, что «чтеніе книгъ церковныхъ заглушило въ его памяти былины». Кромѣ сказителей, на сѣверѣ встрѣчаются и «сказательницы». Гильфердингъ среди женщинъ встрѣчалъ очень даровитыхъ. Извѣстная вопленица Арина Ѳедосова, которая, впрочемъ, спеціализировалась на «заплачкахъ» и «могла изливать горе въ длинныхъ складныхъ и иногда художественныхъ *импровизаціяхъ*» [2]), знаетъ нѣсколько былинъ. Рыбниковъ замѣтилъ, что «сказительницы» предпочитаютъ особыя былины—«бабьи старины», съ любовнымъ содержаніемъ, или значительнымъ участіемъ женщины (былины про Ставра, Чурилу).

Сказительницы.

Естественно, что у пѣвца-профессіонала больше было чутья къ содержанію пѣсни, чѣмъ у мужика-сказителя, благоговѣйно относящагося даже къ явной нелѣпицѣ. «Такъ поется», «такъ пѣвали старики, а что значитъ—мы не знаемъ» — вотъ, обычный отвѣтъ на замѣчаніе слушателя. Какъ бы тамъ ни было, но, благодаря этому, благоговѣйно сохранилась архаичность былины, сохранилась въ ней даже обстановка кіевской природы,—обстановка, чуждая сѣверу: «гнѣдой туръ», «ковыль-трава», «богатырь съ шеломомъ на головѣ» — для сѣверянина все это совершенно непонятные образы; «сырой дубъ» совершенно ему невѣдомъ. Видалъ ли онъ хоть разъ на вѣку «раздолье, чисто-поле?» Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для

Отношеніе къ былинѣ пѣвца-профессіонала и сказителя-мужика.

---

1) Впрочемъ, народъ смотритъ на пѣніе старинъ все таки, какъ на нѣчто грѣховное: „Не гоже нонѣ сказывать“—сказалъ однажды Рябининъ Рыбникову — „нонѣ постъ“.

2) „Импровизаціей“ называется творчество, вызванное мгновенной вспышкой „вдохновенія“.

него совершенно чуждое, ибо поля, какія онъ видитъ,—это маленькія, по бо́льшей части, усѣянныя каменьями и пнями, клочки пашенъ, либо сѣнокосы, окруженные лѣсомъ; если же виднѣется, кое-гдѣ, чистое, гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна,—это трясина» (Гильфердингъ).

Итакъ, сложенная давно и не въ сѣверныхъ губерніяхъ, былина теперь *лишь сохраняется* на сѣверѣ въ заботливыхъ, но неумѣлыхъ рукахъ, отчего она всетаки *искажается*, глохнетъ и вырождается...

Дальнѣйшая судьба былины. a) возможная (эволюція былины).

Дальнѣйшая судьба былины. Естественное развитіе былины должно было ее привести къ поэмѣ въ родѣ Иліады. Прежде, чѣмъ достигнуть этого высшаго фазиса развитія народная эпическая пѣсня всегда переживаетъ три момента: 1) періодъ разбросанныхъ пѣсенъ, 2) періодъ цикловъ и 3) періодъ поэмы—соединеніе всѣхъ пѣсенъ въ одно произведеніе, охватывающее цѣлую эпоху. Русскій эпосъ остановился въ своемъ развитіи на второмъ періодѣ, перейти къ третьему помѣшала ему наша историческая судьба.

b) дѣйствительная (отсутствіе развитія и паденіе).

Паденіе Кіева воспрепятствовало сложенію тамъ эпопеи; вторженіе западнаго вліянія въ XVI—XVII вв. помѣшало Москвѣ создать свою эпопею, въ которую бы подвиги отдѣльныхъ богатырей вошли, какъ звенья одной цѣпи. Самое историческое содержаніе русской поэзіи для поэмы не было вполнѣ подходящимъ. Отношенія Кіева и Москвы къ *степи* (печенѣги, татары...) было явленіемъ длительнымъ (продолжалось нѣсколько вѣковъ),—для подъема же народнаго творчества нужно впечатлѣніе краткое, ограниченное ясными предѣлами—нужно *событіе.* Наконецъ, у насъ «личное» творчество въ XII в. и потомъ въ XVI и XVII вв. только еще начинало выдѣляться изъ «массоваго», а для созданія эпопеи нужна *личность*, и въ то же время *цѣльность интересовъ*, связывающая всѣ слои общества,—нужно то единство культурнаго развитія, которое было въ Греціи, гдѣ увлеченіе Гомеромъ одинаково было во всѣхъ слояхъ общества.

Русская былина въ XVIII в.

Въ XVIII в. у насъ, какъ будто, проявилась наклонность создать изъ былины и сказки что-то въ родѣ эпопеи, но это были попытки или псевдоклассиковъ (Херасковъ—поэмы: «Россіада», «Владиміръ», «Бахаріана»)—или людей, тронутыхъ вольтерьянствомъ (Чулковъ—«Русскія сказки»). Карамзинъ и Радищевы тоже пробовали воспользоваться образами русской былины для своихъ поэмъ (Карамзинъ—«Илья Муромецъ», Радищевы (отецъ и сынъ),—«Бова Королевичъ», «Алеша Поповичъ» и «Чурила Пленковичъ»). Но и эти попытки оказались неудачными: духъ народной поэзіи былъ непонятенъ людямъ XVIII в.,—оттого герои ихъ искусственныхъ поэмъ приняли сентиментальную, или рыцарскую окраску.

Русская былина въ XIX в.

Лишь XIX вѣкъ далъ въ изящной литературѣ, въ живописи и въ музыкѣ прекрасные образчики народной поэзіи, не извращенной, а *облагороженной* искусствомъ. У Ал. Толстого есть рядъ «былинъ», герои которыхъ извѣстны намъ изъ народной поэзіи: всѣ типичныя черты ихъ бережно сохранены поэтомъ—и, въ то же время, въ нихъ тонко и художественно отмѣчены самые *мелкіе изгибы* ихъ души, не уловленные грубымъ рисункомъ народной поэзіи. Оперы Римскаго-Корсакова—«Садко» и «Китежъ», музыкальная фантазія Аренскаго на мотивы изъ былинъ свидѣтельствуютъ о тѣхъ блестящихъ результатахъ, къ которымъ можетъ прійти національная музыка, если не будетъ гнушаться простыми мелодіями былины.

Разложеніе.

«Разложеніе» былины,—процессъ, которому подверглась она въ Мало-

россіи, Бѣлоруссіи и въ центральныхъ губ., сводится къ тому, что она потеряла размѣръ, обратившись въ *побывальщину* и *сказку*,—въ устахъ народа, въ *повѣсть*—въ рукахъ книжника. Затѣмъ этотъ процессъ привелъ также къ тому, что имена богатырей, до того времени очень почтенныя—или стали блуждать по другимъ произведеніямъ, примыкая, въ качествѣ второстепенныхъ, къ другимъ сюжетамъ (напр., богатыри въ «пѣснѣ о добромъ молодцѣ и королевишнѣ», или въ казацкихъ и разбойничьихъ пѣсняхъ),—или сдѣлались предметомъ глумленія, давъ матеріалъ для *пародій*. Изъ такихъ «сказокъ» укажу одну, гдѣ въ роли Иванушки-дурачка фигурируетъ Илья Муромецъ,—стережетъ тѣло покойнаго отца и за это, въ награду, получаетъ свинку-золотую-щетинку.

Былина—побывальщина—сказка—повѣсть.

Пародія.

Повѣсть и романъ изъ былины.

Повѣсти «богатырскія»—это тѣ прозаическія записи былинъ, которыя попадаются въ рукописяхъ съ XVII-го вѣка. Благодаря литературной обработкѣ, въ XVIII в. изъ былины создался цѣлый рядъ романовъ на волшебно-рыцарскій ладъ (Чулковъ — «Русскія сказки» и др.).

Претвореніе былины въ бытовую пѣсню.

Какъ образецъ претворенія былины въ простую пѣснь, можно привести былину о Дунаѣ и Настасьѣ Королевишнѣ. Дунай расхвастался на пиру, что его любитъ королевишна; за это его приговариваютъ къ смерти, но королевишна спасаетъ его. Имя Настасьи въ дальнѣйшей исторіи былины замѣняется Аннушкой, Еленой Королевичной, Прекрасой Королевичной, дѣвицей-Королевичной. Король Ляховинскій, отецъ Настасьи, смѣняется королемъ шведскимъ, прусскимъ. Затѣмъ начинается пріуроченіе пѣсни къ условіямъ новаго мѣста и новаго времени. Мѣсто дѣйствія, уже потерявшее связь съ столицей короля Ляховинскаго, связывается съ Москвой; героиня—Волконская, герой—Ваня-Ключникъ. Затѣмъ теряется фамилія,—остается княгиня и лакей, наконецъ, помѣщичья дочь и холопъ-дворовый... Былина превратилась въ «безымянную балладу».

Возникновеніе пародій на былину.

Что касается до «пародій» на былинныхъ героевъ, то ихъ можно насчитать нѣсколько. По словамъ Афанасьева, «лукавая насмѣшливость народа наиболѣе выдается въ тѣхъ разсказахъ, гдѣ юморъ народный направленъ противъ тѣхъ самыхъ повѣрій, какія нѣкогда составляли неприкосновенную, для стариннаго человѣка, святыню. Даже обаятельная сила поэтическихъ сказаній не въ силахъ защитить эту отдаленную старину отъ сомнѣній пробуждающагося ума. И вотъ, словно въ отместку за прежнюю безотчетную вѣру въ преданіе, народъ не прочь посмѣяться надъ сказочными богатырями,—созданіями его же собственной фантазіи. Такъ, въ одной сказкѣ объ Иванѣ-дурачкѣ невзрачный и безсильный мужичишка разыгрываетъ роль сильнаго, могучаго богатыря, и предъ нимъ теряютъ всю свою строгоэпическую важность нарочно-выведенные съ нимъ рядомъ Илья Муромецъ и Добрыня. Къ такимъ же пародіямъ надо отнести и сказку объ Алешѣ Голопузомъ, сказку о Ѳомѣ Беренниковѣ и мн. др.

Новыя записи былинъ.

Впрочемъ, богатырскій эпосъ еще далекъ отъ окончательной гибели. Недавніе поиски въ Поморьѣ увѣнчались неожиданными открытіями; оказывается, тамъ свѣжесть былевого эпоса сохранилась поразительно яркой, болѣе даже яркой, чѣмъ въ Олонецкой губ.; на сѣверѣ Россіи недавно гг. Марковъ, Григорьевъ и Ончуковъ записали нѣсколько былинъ, совершенно

новыхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ [1]) и много старыхъ, но съ неизвѣстными варіантами.

Особенности былинъ „новой записи“.

Въ этихъ новыхъ записяхъ есть такіе факты, которые не наблюдались въ былинахъ Олонецкихъ—здѣсь есть пѣсни о древнихъ князьяхъ (Глѣбъ Володьевичъ, Олегъ Черниговскій) и, рядомъ съ этимъ, цѣлый рядъ жанровыхъ картинъ, не умѣстившихся въ рамкахъ старой былевой поэзіи. Все это говоритъ намъ о томъ, что старина еще свѣжа въ народной поэзіи, что на крайнемъ сѣверѣ нескоро умретъ у насъ богатырская былина.

Историческія пѣсни.

§ 17. *Историческія пѣсни* [2]). Если въ основѣ многихъ былинъ надо видѣть историческое событіе, или группу послѣдовательныхъ однородныхъ событій (напр., нашествія степныхъ народовъ), то эта живая связь съ историческимъ фактомъ, съ дѣйствительностью, прерывалась, когда былина попадала въ новую обстановку,—обстановку сѣверной Руси. Былина сохранилась въ памяти народа, какъ святыня, но въ ней долженъ былъ умереть и умеръ живой пульсъ жизни; въ ней изсякъ лиризмъ, связанный съ живыми впечатлѣніями, идущими отъ изображаемаго событія. Оттого и многія дѣйствующія лица былины потеряли ясность очертаній и заволоклись туманомъ „общихъ мѣстъ“ эпическаго творчества,—оттого и событія, въ ней изображаемыя, общи и безразличны и легко соединялись съ ходячими сюжетами.

Отличіе былины отъ истор. пѣсни.

Историческія условія, создавшія истор. пѣсню.

Между тѣмъ, новая культурная жизнь, сложившаяся на сѣверо-востокѣ Руси,—богата была новыми впечатлѣніями. Эти впечатлѣнія отражались въ народномъ творчествѣ,—письменномъ и устномъ: „злыя времена“ татарщины, Грозный Царь, Смутное время,—все это были эпохи и явленія крупныя — и народъ отозвался на нихъ не только „повѣстью“, но и „лироэпической пѣсней“. Какъ быстро, непосредственно за фактомъ, складывались подобныя произведенія, лучше всего свидѣтельствуютъ пѣсни, записанныя для Джемса. Оксфордскій баккалавръ Ричардъ Джемсъ былъ въ

Записи Джемса.

---

[1]) Марковъ записалъ слѣдующія новыя старины и историческія пѣсни: „Вдова, ея дочь и сыновья-корабельники“,—„Иванъ Дородовичъ и Софья-царевна“, „Жданъ-царевичъ“, „Идолище сватается за племянницу князя Владимира“, „Князь Глѣбъ Володьевичъ“, „Встрѣча двухъ купцовъ въ кабакѣ“, „Купеческая дочь и царь“, „Семейная жизнь Петра I“, „Шведская война при Екатеринѣ II“, „Женитьба Добрыни“, „Камское побоище“, и др. Г. Григорьевъ записалъ, между прочимъ, слѣдующія: „Соломанъ и Василій — король Прекрасный“, „Илья Муромецъ покупаетъ коня и воюетъ съ Полубѣлымъ“, „Дунай сватаетъ невѣсту князю Владимиру“, „Сватовство царя Вахрамея—къ племянницѣ князя Владимира“, „Путешествіе Вавилы со скоморохами“, „Побѣда богатырей князя Олега Черниговскаго со Святогоромъ во главѣ надъ войсками царя Додона“, „Женитьба Владимира на греческой княжнѣ“.

[2]) „Историч. Хрестоматія“, I 54—60.

Москвѣ въ 1619 году, и вывезъ отсюда нѣсколько народныхъ пѣсенъ, по содержанію касавшихся тогдашнихъ событій. Въ этихъ пѣсняхъ чувствуется наличность симпатій и антипатій народа,—оттого въ нихъ есть и лиризмъ, даже драматизмъ,—оттого въ нихъ есть пониманіе фактовъ, живое, хотя, быть можетъ, и своеобразное. Записи Джемса до 60-хъ годовъ XIX ст. хранились въ Оксфордѣ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ пѣсенъ, имъ записанныхъ.

Общая характеристика пѣсенъ Джемса.

Эти лироэпическія пѣсни совершенно правильно носятъ названіе „историческихъ". Въ нихъ дѣйствуютъ уже не богатыри, съ чудесными подробностями жизни, а историческія личности, близкія къ разряду обыкновенныхъ людей, связанныя съ опредѣленной эпохою, съ ея событіями, — и нерѣдко, не только носящія историческія имена, но и въ точности совершающія свои, отмѣченныя исторіею, дѣянія. Впрочемъ, и въ „историческихъ пѣсняхъ" порой проскальзываетъ фантастика старой былины,—эпическія чудеса и сверхъестественность подвиговъ, но эта примѣсь поэтической старины является здѣсь незначительной и несущественной.

„Пѣсня о Скопинѣ-Шуйскомъ".

Пѣсня о князѣ Михаилѣ Васильевичѣ Скопинѣ-Шуйскомъ. По мнѣнію Буслаева, „это—произведеніе, въ своемъ, родѣ единственное, ничего не имѣющее подобнаго себѣ въ древней нашей литературѣ". Отдѣльными мѣстами оно напоминаетъ „Слово о полку Игоревѣ", но превосходитъ его художествомъ построенія. Подробностей оно не даетъ,—оно все построено на изображеніи настроеній разныхъ лицъ, — пріемъ, тоже приближающій названное произведеніе къ „Слову о полку Игоревѣ". Начинается оно описаніемъ горя москвичей по поводу смерти Скопина-Шуйскаго. Затѣмъ являются князья Мстиславскій и Воротынскій и съ злобною радостью говорятъ объ его смерти, называя его „соколомъ", слишкомъ высоко залетѣвшимъ; затѣмъ слышатся опять тоскливые мотивы, — жалоба свейскихъ (шведскихъ) нѣмцевъ, потерявшихъ въ лицѣ Скопина-Шуйскаго талантливаго и любимаго вождя.

Содержаніе пѣсни.

Оригинальныя черты въ пѣснѣ.

Въ этой пѣснѣ оригинальнымъ является: — 1) богатый элементъ драматизма, — 2) иронія, который пронизала старинный эпическій образъ сокола-неудачника. Иронія эта рѣзко выступаетъ среди горькаго сочувствія москвичей и нѣмцевъ къ судьбѣ сокола. Особенную красоту этой пѣсенки составляетъ свѣжесть

вдохновенія, вызванная только что совершившимся событіемъ; та теплота чувства, въ которой слышится симпатія къ общему дѣлу, еще не остывшему въ памяти.

Та же пѣсня въ сборникѣ Данилова.

Въ пѣснѣ того же сюжета изъ сборника Кирши Данилова мы видимъ тѣ же эпическіе мотивы, что и въ былинахъ о богатыряхъ—напротивъ, въ пѣснѣ, записанной у Джемса, ясни еще проблески лирическаго настроенія.

„Пѣсня о Ксеніи".

Пѣсня о царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ Годуновой. Въ двухъ пѣсняхъ, названныхъ у Джемса пѣснями Ксеніи Годуновой, мы въ исторіи нашей поэзіи впервые встрѣчаемся съ пріуроченіемъ пѣсни къ имени опредѣленнаго автора. По свидѣтельству хронографа Кубасова, Ксенія „гласы воспѣваемые любляше", т. е. была любительницей пѣсенъ, быть можетъ, даже сочинительницей ихъ.

Содержаніе.

Ксенія представлена въ пѣснѣ „бѣлою перепелочкою", которая горюетъ о разоренномъ гнѣздышкѣ и побитыхъ дѣтенышахъ. Горе ея не изображено глубокимъ и сильнымъ. Она прощается съ хоромами, съ нарядами и уборами:

«Сплачется мала-птичка,
Бѣлая перепелочка:
«Охте, мнѣ, молоды, горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати!..
Что идетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Гришка, Отрепьевъ-растрига!
Что хотятъ меня, хотятъ постригати,
Чернеческой чинъ наложити!
Ино мнѣ постритчися не хочетъ,
Чернеческой чину не сдержати,
Отворити будетъ темна келья—
На добрыхъ молодцевъ посмотрити!

Личность древнерусской дѣвушки въ пѣснѣ.

Въ этой пѣснѣ нѣтъ драматическаго движенія страсти. Объясняется это тѣмъ, что создана была пѣсня, очевидно, женщиной. Скрытая отъ людей въ дѣвичествѣ, приниженная въ замужествѣ, русская женщина отстала отъ мужчины въ выясненіи своей „личности". Вся сотканная изъ общихъ формулъ эпической поэзіи—пѣсня эта, однако, полна движенія: она вся—монологъ, состоящій изъ вопросовъ и восклицаній—въ ней нѣтъ монотоннаго разсказа былины. Но лиризмъ ея оказался слабымъ,—очевидно, авторъ еще не сумѣлъ передать въ общихъ формулахъ народной пѣсни, даже лирической, всего ужаса трагической судьбы Ксеніи.

Буслаевъ объ этой пѣснѣ.

Акад. Буслаевъ, со свойственнымъ ему тонкимъ чутьемъ, вскрылъ въ этой пѣснѣ нѣкоторыя стороны народнаго отношенія къ Ксеніи,—сумѣлъ объяснить, почему въ этой пѣснѣ такъ мало драматизма, — старинная русская дѣвица изъ высшаго сословія не могла дать рѣзкихъ очерковъ и яркаго колорита своему поэтическому портрету,—

«Древнерусская дѣвица укрылась отъ страсти въ своемъ теремѣ и умѣла выстрадать нѣкоторыя нѣжныя качества души—кротость и стыдливость; но, при наивной застѣнчивости своей, не нашла имъ лирическаго выраженія въ старинномъ эпическомъ складѣ нашей поэзіи». «Старинная поэзія оставалась вѣрна себѣ, и, въ этомъ случаѣ, не вошла въ трогательныя изліянія чувствъ сироты, предоставивъ оплакиванье—стариннымъ, уже всему міру извѣстнымъ, причитаніямъ».

Припомнимъ, какъ авторъ „Слова о полку Игоревѣ", покорный эпическому складу своего народа, сравнилъ тоскующую Ярославну съ зегзицею (кукушкою), — въ разбираемой пѣснѣ героиня уподоблена перепелочкѣ, которая чуетъ своимъ маленькимъ встревоженнымъ сердцемъ, что не миновать ей клѣтки.

Кромѣ трехъ указанныхъ пѣсенъ, въ записяхъ Джемса мы находимъ нѣсколько историческихъ: „Въѣздъ патріарха Филарета въ Москву", „Набѣгъ крымскихъ татаръ". Эти произведенія примыкаютъ къ разряду чисто-эпическихъ.

Дотатарскій періодъ русской жизни не нашелъ отраженія въ „исторической пѣснѣ",—вѣрнѣе предположить, что той пѣсни не сохранилось до насъ,—она слилась съ былевымъ эпосомъ.

Изъ пѣсенъ *татарскаго* періода популярны: „*Пѣсня объ Авдотьѣ Рязаночкѣ*", „*О двухъ королевичахъ изъ Кракова*". Въ первой пѣснѣ живо и ярко изображено разореніе Рязани царемъ Махметомъ; онъ уводитъ въ плѣнъ многихъ жителей. Одна изъ женщинъ рязанскихъ, Авдотья, является къ нему въ станъ, съ просьбой освободить ея родственниковъ. Царь предлагаетъ ей на выборъ брата, мужа, или сына; она выбираетъ брата на томъ основаніи, что мужа и сына она еще можетъ имѣть. Сюжетъ пѣсни чисто-сказочный, извѣстный въ поэзіи другихъ народовъ, но фонъ пѣсни чисто-историческій. Въ *Пѣснѣ о двухъ королевичахъ* разсказывается, какъ два польскіе витязя въ степи встрѣчаютъ третьяго, вступаютъ съ нимъ въ бой и чуть не убиваютъ его,—между тѣмъ, это оказывается ихъ братъ, бѣжавшій изъ татарскаго плѣна. Къ наиболѣе древнимъ историческимъ пѣснямъ должна быть отнесена „*Пѣсня о разореніи Кіева Батыемъ*".

Пѣсни татарской поры. а) „объ Авдотьѣ Рязаночкѣ". b) „о двухъ королевичахъ".

Любопытна, съ бытовой стороны, пѣсня: „*Татарскій полонъ*": старуха-русская достается въ плѣнъ татарину, который оказывается ея зятемъ, такъ какъ женатъ на русской дѣвушкѣ, дочери старухи, ранѣе ея взятой въ плѣнъ. Въ качествѣ рабыни, старуха должна нянчить своихъ внуковъ-татарчатъ.

с) „татарскій полонъ".

d) „о Щелканѣ Дудентьевичѣ“.

Особенно характерна *Пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ*. Во время дѣлежа русской земли между родственниками ханъ Азвякъ отдаетъ шурину своему Щелкану Тверь, если онъ зарѣжетъ сына своего и выпьетъ чашу его крови. Тотъ это исполняетъ. Тверью управлялъ Щелканъ сурово,—съ жестокостью, присущей татарамъ: такъ, собирая для хана дани, онъ—

«Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ.
У котораго денегъ нѣтъ —
У того дитя возьметъ!
У котораго дитя нѣтъ—
У того жену возьметъ!
У котораго жены нѣтъ —
Того самого съ головой возьметъ!

Въ Твери онъ начинаетъ „безчестить, позорити, ругаться, насмѣхатися“. Мужики тверскіе жалуются на Щелкана князьямъ Борисовичамъ, и, подъ ихъ началомъ, избиваютъ татаръ. Лѣтопись подтверждаетъ это событіе: въ 1327 году было возстаніе тверитянъ, убившихъ Шевкала, сборщика податей, присланнаго ханомъ Узбекомъ.

Пѣсни о Грозномъ. Татары въ этихъ пѣсняхъ. а) Свадьба царя.

Дѣйствующими лицами татары еще являются въ *пѣсняхъ о Грозномъ: „Взятіе Казани“* и *„Свадьба царя на Маріи Темрюковнѣ“*. — Суть второй пѣсни заключается въ разсказѣ о посрамленіи брата царской невѣсты Кострюка Темрюковича, который, пріѣхавъ съ сестрой, хвалится, что всѣхъ русскихъ поединщиковъ онъ побѣдитъ. Неказистый, хроменькой Потанюшка, однако, одерживаетъ верхъ.

Внѣшность русскаго богатыря обрисована очень обстоятельно:

«Какъ выскакивалъ одинъ бѣдной богатырь тутъ —
Онъ вѣдь бѣдненькой, все самъ нездоровенькой,
Ишше по имени то Хроменькой Потанечка,
Ишше Хроменькой Потанечка нездоровенькой.
Онъ сутулъ, все горбатъ, онъ былъ напередъ покляпъ—
Онъ на праву-то ноженьку все припадывалъ,
На лѣву-ту, онъ, ноженьку, подковыривалъ.
По пережиму-ту былъ самъ пережимистый [1]).
Ай силой былъ несильной, — все напускомъ смѣлъ!

Побѣдивъ татарскаго нахвальщика, Потанюшка надсмѣялся надъ нимъ, — раздѣлъ до-нага, „вылупилъ“ изъ одежды и пустилъ въ такомъ видѣ по Москвѣ. Марія Темрюковна жалуется царю на такой поступокъ Потанюшки, но царь, раздосадованный вызывающимъ поведеніемъ зятя и сочувствіемъ къ нему Маріи,

1) Съ тонкой таліей.

беретъ сторону Потани, сказавъ: „не то-то намъ дорого, что татаринъ похваляется, а то-то намъ дорого, что русакъ насмѣхается!“. И женитьба царя на Маріи, и существованіе у нея брата, прибывшаго въ Москву, документами подтверждается, но о поединкѣ не сохранилось никакихъ указаній [1]).

b) Взятіе Казани.

Пѣсенъ *о взятіи Казани* довольно много; въ нихъ историческая истина, доходящая до того, что воспроизводятся даже мелкія детали осады и рѣчи Грознаго, — свободно сливается съ фантазіей народа. Такъ, въ качествѣ участника похода названъ Ермакъ съ товарищами; даже попадается иногда Стенька Разинъ.

„Пѣсни о завоеваніи Сибири“.

Любопытны *Пѣсни о завоеваніи Сибири*. Народъ сохранилъ въ нихъ довольно точно память объ Ермакѣ, о его подвигахъ, сохранилъ даже географическія имена, подробности смерти удалого атамана.

„Пѣсня о казни царевича“.

Особый интересъ представляетъ собой *Пѣсня о казни царевича*. Въ этой пѣснѣ во весь ростъ обрисованъ Грозный царь, съ его страстными порывами, приводившими его отъ гнѣва къ раскаянію. Такое тонкое пониманіе психики одной изъ самыхъ сложныхъ личностей нашей исторіи дѣлаетъ честь народному творчеству. Содержаніе пѣсни слѣдующее: на пиру у Грознаго всѣ порасхвастались. Самъ Грозный сталъ похваляться тѣмъ, что вывелъ измѣну изъ русской земли. Какъ извѣстно, это „выведеніе измѣны“ было idée fixe царя. Похвальба царя коварно оспаривается царевичемъ Иваномъ, который, желая погубить брата Θеодора, прозрачно намекаетъ на него. „Стемнѣлъ тутъ грозный царь, какъ темна ночь; заревѣлъ царь, какъ левъ да звѣрь“—наступаетъ одинъ изъ ужасныхъ пароксизмовъ слѣпого гнѣва. Царевичъ обреченъ смерти. На злое дѣло является сейчасъ же Малюта Скуратовъ, одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ для народа лицъ [2]). Царевича везутъ на лобное мѣсто, но во время поспѣваетъ Никита Романовичъ,—этотъ, въ глазахъ народа,

Психологія царя.

---

[1]) Юмористическое отношеніе къ татарамъ сказывается въ изображеніи ханскаго двора, гдѣ ханъ „суды разсуживаетъ, ряды разряживаетъ, бьетъ костылемъ по бритымъ лбамъ, по плѣшивымъ головамъ“.

[2]) „Въ нѣкоторыхъ варіантахъ въ роли палача Малюты является то или другое изъ несимпатичныхъ лицъ богатырскаго эпоса—Алеша, или Чурила. Любопытно, что, самъ Скуратовъ сдѣлался въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ нарицательнымъ именемъ во множ. числѣ: „палачи *скурлаты* немилостивые“.

добрый геній Грознаго царя,—и царевичъ спасенъ. Между тѣмъ, горе овладѣваетъ царемъ,—онъ сѣтуетъ, что никто изъ приближенныхъ не заступился за царевича. Жалоба эта звучитъ удивительно правдиво съ психологической точки зрѣнія: таковъ, дѣйствительно, былъ Грозный, всегда искавшій вины за свои дѣянія съ приближенныхъ. Онъ жалобится: „какъ по ворамъ, было, по разбойникамъ есть заступники—по моемъ, было, рожономъ дитяткѣ, по немъ не было никакой заступушки". По приказанію царя, обѣдню служатъ „по печальному",—всѣ облекаются „въ одежицы опальныя". Стоитъ Грозный въ церкви,—и въ сердцѣ его разгорается новый гнѣвъ, на этотъ разъ на своихъ приближенныхъ. Народъ даетъ понять въ своей пѣснѣ, что должно произойти, только кончится обѣдня,—начнется расправа съ боярами: „съ господъ со всѣхъ и князей со живыхъ шкуры сдеретъ, велитъ зашивать ихъ въ медвѣжины и пускать по Москвѣ-рѣкѣ; всѣмъ боярамъ переборъ будетъ". Никита Романовичъ является въ церковь въ цвѣтномъ платьѣ и привѣтствуетъ царя: „здравствуй, съ благовѣрной царицей и съ двумя сыновьями—Өеодоромъ Ивановичемъ и Иваномъ Ивановичемъ!.." Еще моментъ, и ярость Грознаго разразится здѣсь, въ церкви, во время богослуженія; это чувствуется въ пѣснѣ. Но Никита Романовичъ показываетъ спасеннаго имъ царевича, и радость, опять столь же бурная, какъ и злоба, овладѣваетъ царемъ. Въ награду за великое дѣло спасенія царевича, Никита проситъ для себя милости,—особаго права для своей вотчины быть убѣжищемъ для опальныхъ: „кто въ Микитину отчину ушелъ, того и Богъ унесъ, а не было бы ни иску, ни отыску". Совершенно справедливо было указано, что въ этой пѣснѣ внѣшней правды очень мало: извѣстно, что не казненъ, а убитъ былъ Иванъ Ивановичъ, а не Өеодоръ, но зато внутренняя правда выдержана замѣчательно: характеръ дѣйствующихъ лицъ, быстрая смѣна настроеній въ душѣ Грознаго, — все это схвачено удивительно удачно; народъ очень твердо запомнилъ грозу этого царствованія, и, хотя отъ нея больше терпѣли бояре, немало не смягчилъ отъ этого обстоятельства воспроизведенный имъ образъ Грознаго, сумѣвъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать въ немъ черты не только лютого звѣря, но и человѣка.

„Правежъ". Въ пѣснѣ *„Правежъ"* Грозный прощаетъ одного преступника, который отнялъ казну у разбойниковъ,—казну пропилъ, а платьемъ надѣлилъ нищихъ, „всѣхъ босыхъ". Царь награждаетъ молодца. Въ другой пѣснѣ онъ прощаетъ молодца, убившаго

опричника: оказывается, опричникъ былъ „золъ татарченокъ“ и поносилъ святую Русь, восхваляя татаръ [1]).

Пѣсни южнорусскія (думы).

Очень интересны также *пѣсни южнорусскія*. Всѣ, дошедшія до насъ, изображаютъ борьбу съ татарами, турками, или поляками. Изъ этихъ пѣсенъ *„думами“*, обыкновенно, называются тѣ, которыя не имѣютъ опредѣленнаго размѣра, имѣютъ рифму, не составляютъ общенароднаго достоянія, а хранятся спеціалистами кобзарями и бандуристами и поются подъ аккомпаниментъ инструментовъ.

„Пѣсня о Байдѣ“.

Слѣдуетъ остановиться на нѣкоторыхъ изъ историческихъ пѣсенъ южнорусскаго происхожденія. Въ *пѣснѣ о Байдѣ* поется о томъ, какъ онъ гулялъ въ Царьградѣ, какъ его стали склонять въ магометанство, обѣщая султанскую дочку въ жены, но онъ издѣвается надъ турецкой вѣрой и дочерью султана, почему его схватываютъ и вѣшаютъ за ребро. Передъ смертью онъ получаетъ отъ своего товарища лукъ и стрѣлы и убиваетъ султана, жену его и дочь. Было высказано предположеніе, что въ образѣ этого Байды народъ сохранилъ воспоминаніе объ одномъ изъ любопытныхъ людей эпохи, о безпокойномъ авантюристѣ середины XVI вѣка—польскомъ панѣ Димитріи Вишневецкомъ, который самъ дѣлалъ набѣги на Крымъ, былъ и въ русской службѣ, былъ и господаремъ въ Молдавіи и, наконецъ, выданный туркамъ, былъ повѣшенъ на желѣзныхъ крюкахъ въ Константинополѣ и послѣ былъ убитъ за издѣвательство надъ Магометомъ.

„О побѣгѣ Самуила Кошки“. „О Марусѣ Богуславкѣ“.

Пѣсня о побѣгѣ Самуила Кошки изъ плѣна турецкаго разсказываетъ исторію бѣгства изъ Турціи казацкаго атамана. Интересны двѣ пѣсни, полныя драматизма; 1) *о Марусѣ Богуславкѣ* и—2) *о трехъ братьяхъ, бѣжавшихъ изъ Азова*. Марія Богуславка—русская дѣвушка, попавшая въ плѣнъ и купленная султаномъ; онъ ее полюбилъ, и она привязалась къ нему и измѣнила вѣрѣ предковъ,—„потурчилась“. Но не могла забыть она родной Украйны; она воспользовалась отсутствіемъ султана и выпустила изъ тюрьмы томившихся тамъ единоплеменниковъ. Прощаясь съ ними, она проситъ передать родителямъ, чтобы они не собирали деньги на выкупъ ея: она обасурманилась и на милую родину не пойдетъ. Такимъ образомъ, въ этой прочувствованной пѣснѣ изображена борьба въ душѣ молодой женщины—

1) Изъ пѣсенъ о Грозномъ можно назвать еще—„Осаду Пскова“, „Царь въ Серпуховѣ“, „Гнѣвъ на Вологду“, „Царь сослалъ царицу въ монастырь“, „Смерть Грознаго царя Ивана Васильевича“

любовь къ султану и тоска по родинѣ и, милымъ ея сердцу, родителямъ.

„О побѣгѣ трехъ братьевъ".

Въ *Пѣснѣ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова* разсказано, какъ они вырвались изъ плѣна—двое на коняхъ, третій—пѣшій. Братья отказываются взять съ собою пѣшаго, такъ какъ тогда всѣ трое погибнутъ, не уйдутъ отъ погони... Покинутый братъ проситъ, чтобы они бросали что-нибудь по дорогѣ,—тогда, быть можетъ, онъ найдетъ дорогу на родину. Шелъ онъ, шелъ,—наконецъ, измученный, падаетъ въ степи. Голодъ и жажда его мучаютъ, вѣтеръ сбиваетъ съ ногъ. «Наконецъ, приближается онъ къ Сауръ-могилѣ, всходитъ онъ на могилу и тамъ безопасно отдыхаетъ въ девятый день бѣгства, ожидая дождя небеснаго. Немного онъ опочилъ, какъ сбѣжались къ нему волки сѣрые, слетѣлись орлы-чернокрыльцы, садились въ головахъ и надъ живымъ хотѣли ужъ справить темныя похороны. И говоритъ онъ: «волки сѣрые, орлы чернокрылые, гости мои милые! обождите хоть немного, пока казацкая душа разлучится съ тѣломъ! Тогда вы будете мнѣ черны очи выклевывать, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдать, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивать и покрывать камушками». Прошло еще нѣсколько времени. «Ужъ онъ руками не владѣетъ, ногами не ходитъ и яснаго неба не видитъ.. На небо взираетъ, тяжко вздыхаетъ: «Голова казацкая, бывала ты въ странахъ турецкихъ, межъ народовъ басурманскихъ, а теперь пришлось тебѣ погибнуть на безводіи, на безхлѣбіи, и девятый день, какъ у меня въ устахъ хлѣба не было, отъ жажды и голода погибаю»! Сказалъ,—и «не черная туча полетѣла, не буйны вѣтры подули: то казацкая молодецкая душа съ тѣломъ разлучилась; тогда сѣрые волки сбѣжались и чернокрылые орлы налетѣли, въ головахъ садились и черныя очи выклевывали, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдали, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивали и камышами покрывали».

Пѣсни Смутнаго времени.

Въ этихъ южнорусскихъ пѣсняхъ эпосъ сочетался съ лирикой; преобладая въ однѣхъ пѣсняхъ, онъ исчезаетъ въ другихъ, цѣликомъ уступая мѣсто лиризму. Совершенно того же типа великорусскія пѣсни разбойничьи.

„Убіеніе царевича Димитрія".

„Убіеніе царевича Димитрія". Смутное время выразилось въ этой пѣснѣ полно и ярко. Въ ней народъ, расправляясь съ Годуновымъ, котораго призналъ убійцей царевича Димитрія („Убіеніе царевича Димитрія"), осудилъ Григорія Отрепьева и Марину, окружилъ ореоломъ мученичества любезнаго всѣмъ Скопина-Шуйскаго. Несчастный царь Василій Шуйскій, Прокопій Ляпуновъ, сумятица Московскаго царства, темные и свѣтлые герои ея, Кузьма Мининъ и князь Пожарскій, освобожденіе Москвы, избраніе Михаила Федоровича—всѣ эти картины и образы поразили народное воображеніе,—всѣ выразились пѣснями, въ которыхъ сказалось національное самосознаніе народа. Старая

былина сдѣлалась менѣе интересной. Москва выдвинула новую жизнь, новые запросы—понадобились и новыя пѣсни. Эти пѣсни тянутся длинной цѣпью вплоть до новѣйшаго времени, отмѣчая собою важнѣйшіе факты русской жизни [1]).

Эпоха Петра Великаго въ народныхъ пѣсняхъ.

Петръ Великій, его сподвижники и многія событія его времени тоже отразились въ народномъ творчествѣ въ огромномъ числѣ пѣсенъ. Народъ слѣдилъ внимательно за жизнью императора, почти каждое событіе ея отмѣчалъ, иногда очень своеобразно [2]). Большая группа пѣсенъ связана съ Шереметевымъ, — лицомъ, очевидно, дорогимъ народу. Затѣмъ немало пѣсенъ связано съ Полтавой, Карломъ XII, Мазепой [3])...

Отношеніе народной пѣсни къ Петру В.

Народная пѣсня совершенно не коснулась преобразованій Петра, зато отмѣтила въ его жизни и дѣятельности такія черты, которыя особенно поразили народъ. Любопытна, въ этомъ отношеніи, пѣсня, въ которой разсказано, какъ „царь борется съ драгуномъ"; это произведеніе интересно по своеобразному народно-поэтическому представленію той простоты, съ какой Петръ безразлично обращался со всѣми,—ласковаго Владимира Красное-Солнышко народъ никогда не допустилъ бы до борьбы съ драгуномъ. Старый эпическій князь былъ простъ и общедоступенъ, но онъ былъ чуждъ того своеобразнаго демократизма, который такъ характеренъ для Петра В.

„Семейная жизнь Петра I".

Какъ на образецъ внимательнаго отношенія народа къ событіямъ жизни императора, можно указать на любопытную пѣсню: „*Семейная жизнь Петра I*".

Въ ту ночь, когда родился Петръ Алексѣевичъ, всю ночь работали надъ его колыбелькой плотники, а нянюшки и мамушки готовили ему наряды. Когда царевичъ сталъ подростать, то уже семи лѣтъ отъ роду, обнаружилъ и умъ, и охоту къ ученію. Когда пришло ему время жениться онъ заявилъ, что въ Москвѣ съ молодой женой жить не желаетъ, и сталъ

---

1) „Царствованіе Алексѣя Михайловича", „Земскій соборъ при Алексѣѣ", „Осада Соловецкаго монастыря", „Подъ Ригой"; цѣлый кругъ пѣсенъ о Разинѣ: „Стенька Разинъ народился и проявился", „Переходъ Разина на Волгу" „Разинъ на Соколѣ-кораблѣ", „Стоянка Разина", „Искушеніе и опасность Разину въ Астрахани", „Сборъ Разина въ Астрахань", „Пѣсня Разина", „Смерть Разина".

2) „Рожденіе царя", „Первые годы и отъѣздъ въ чужую сторону", „Возстаніе и казнь стрѣльцовъ", „Азовскіе походы", „Походы шведскіе", „Русскій сонъ", „Видѣніе королю шведскому", „Сборы шведскіе", „Выступъ войска".

3) „Царь на пути къ Шлиссельбургу", „Поѣздка царя въ Стокгольмъ и обратно", „Осада Выборга", „Сборы подъ Полтаву", „Полтавское дѣло", „Мазепа подъ Полтавой со шведами", „Царь московскій и побѣда", „Бѣгство къ Бендерамъ", „Смерть Мазепы" и т. д. Кончается циклъ пѣсенъ о Петрѣ пѣснью о смерти государя и рядомъ „плачей" о немъ. Такими же „плачами" кончаются пѣсни о Грозномъ, объ Алексѣѣ Михайловичѣ.

просить у отца, чтобы тотъ ему построилъ городъ «Питенбурхъ». Отецъ исполнилъ это желаніе. Жену себѣ Петръ взялъ «въ землѣ невѣрной»— дочь короля шведскаго, Настастью Королевичну. Сначала жили они счастливо.

«... хорошо, да безъ лиха...
Ихъ какъ жизнь-то вѣдь была,—да какъ цвѣты цвѣли,
Какъ цвѣты-то цвѣли у нихъ лазоревы.

Когда родился у Петра первенецъ, царевичъ Θедоръ, Петръ былъ счастливъ, но на пиру «премудрые» люди предупредили его, что царевичъ будетъ его супротивникомъ:

«Онъ вѣдь сдѣлаетъ-то тебѣ, вѣдь, измѣнушку,
Онъ измѣнушку тебѣ, да онъ твоей вѣрѣ,
Онъ, вѣдь, будетъ править вѣрушку старинную,
Онъ старинну будетъ вѣру богомольную,—
Богомольную хранить вѣрушку, спасенную!

Выросъ царевичъ и загрустилъ. На вопросъ отца о причинѣ грусти, онъ разсказалъ, что видѣлъ сонъ: прилетѣли къ нему два ангела и стали убѣждать не вѣрить «вѣрѣ папиной», не вѣрить и дѣдовой, а вернуться къ вѣрѣ «правдѣдка». Петръ посадилъ сына въ темницу на трое сутокъ. Но царевичъ оставался твердъ, Петръ въ гнѣвѣ хотѣлъ зарубить сына, и царевичъ отъ испуга умеръ. Царица стала за это корить Петра, и онъ отправилъ ее въ монастырь. Тяжелая началась жизнь у осиротѣвшаго, одинокаго Петра. Прошло шесть лѣтъ. Однажды, переодѣвшись плотникомъ, пошелъ онъ въ артель плотниковъ тамъ влюбился въ артельную стряпуху Екатерину Алексѣевну. Она безъ разрѣшенія артели выйти замужъ за него не пожелала. Плотники разрѣшили, и Петръ неузнанный повелъ ее подъ вѣнецъ. Только въ церкви узнали, что женихъ—самъ царь.

Отношеніе народа къ казни царевича.

Произведеніе это цѣнно, такъ какъ оно затрагиваетъ событіе, очевидно, для народа необычайное. Народъ могъ понять Грознаго, который въ порывѣ гнѣва осудилъ на смерть сына [1]). Но ему совершенно непонятной осталась та принципіальная точка зрѣнія, которая легла въ основаніе казни Алексѣя Петровича. Народъ по своему объяснилъ причину разлада между отцомъ и сыномъ, не рѣшился стать опредѣленно на чью-нибудь сторону, хотя дѣло царевича, защитника „прадѣдовской вѣры“, должно было казаться народу правымъ.

Психологія въ этой пѣснѣ.

Запальчивость Петра по отношенію къ женѣ, его рѣшительность, его пристрастіе къ простымъ нарядамъ и любовь дѣлать все самому, даже черныя работы—очень характерно и правильно изображены въ пѣснѣ. Образъ царевича, покорно сидящаго въ темницѣ, видящаго видѣнія, умирающаго отъ страха передъ отцомъ—

[1]) Но и то народъ не рѣшился признать царя простымъ убійцей царевича.

все это черты, рѣзко отличающія сына отъ отца. Любопытно также народное представленіе второй супруги царя.

XVIII-ый вѣкъ в пѣсняхъ.

XVIII-ый вѣкъ представленъ такъ же полно въ этихъ историческихъ пѣсняхъ. Любопытно, что теперь онѣ все болѣе и болѣе сближаются съ „пѣснями солдатскими". Воспѣваніе сраженій, генераловъ, атамановъ—вотъ, главные сюжеты этой поэзіи XVIII вѣка. Тогда какъ ранѣе, очевидно, общественная жизнь болѣе захватывала народъ,—теперь свое участіе въ общихъ интересахъ родины онъ могъ выразить только, проливая кровь на полѣ сраженія. Семилѣтняя война дала особенно много произведеній [1]).

Вѣкъ Екатерины. Суворовъ и Потемкинъ.

Вѣкъ Екатерины, главнымъ образомъ, отразилъ въ творчествѣ народа турецкія войны и бунтъ Пугачева. Потемкину и Суворову, любимцамъ народной фантазіи, — поэтическимъ центрамъ пѣсенъ этого вѣка, посвящено больше всего произведеній. Конечно, всѣ симпатіи народа на сторонѣ болѣе понятнаго ему Суворова. Въ одной изъ пѣсенъ Лопухинъ, павшій въ битвѣ при Егерсдорфѣ, упрекаетъ князя Румянцева за то, что онъ много растерялъ войскъ, а „вора Потемкина" за то, что онъ „въ своемъ полку не бывалъ, всее силу растерялъ, кое пропилъ-промоталъ, кое въ карты проигралъ" —такимъ обрисованъ, въ глазахъ народа, „великолѣпный князь Тавриды!"... Зато „Суворовъ-генералъ" „свою силу утверждалъ, мелки пушки заряжалъ—короля въ полонъ бралъ". И въ пѣсняхъ о турецкой войнѣ Потемкинъ тоже стушевывается передъ Суворовымъ.

Симпатія народа къ страдальцамъ за родину.

Особыми любимцами народнаго творчества сдѣлались тѣ лица, которыя пострадали за родину. Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ — „несчастненькій", такъ какъ онъ три года сидѣлъ въ „темной темницѣ" у короля прусскаго. Князь Краснощековъ сдѣлался центромъ нѣсколькихъ пѣсенъ, такъ какъ его замучили турки. Такъ прихотливо и своеобразно выбиралъ народъ героевъ для своихъ произведеній: капризно останавливалось его творчество около мелкихъ незамѣтныхъ фактовъ, часто минуя крупныя.

XIX вѣкъ въ народной пѣснѣ.

Девятнадцатый вѣкъ выразился въ историческихъ пѣсняхъ гораздо слабѣе. Народное творчество, очевидно, слабѣло, уступая мѣсто книгѣ, искусственной поэзіи. Впрочемъ двѣнадцатый годъ

---

[1]) Напр., „Походъ въ землю Прусскую", „Битва при Гросѣ", „Егерсдорфъ", „Смерть Лопухина", „Переправа черезъ Вислу", „Кистринъ", „Ссора Голицына съ Прозоровскимъ", „Разбесчастный король прусскій" и др.

опять вызвалъ нѣсколько пѣсенъ [1]). Есть также пѣсни, посвященныя севастопольской осадѣ; изъ нихъ одна, очень популярная, въ свое время сочинена была гр. Л. Толстымъ. Недавняя война съ Японіей тоже выразилась въ пѣсняхъ.

Разбойничьи пѣсни. Психологія разбойничества.

§ 18. *Разбойничьи пѣсни* [2]) (эпическія и лирическія). Изъ народныхъ произведеній больше всего простора личности дали „пѣсни разбойничьи". „Разбойничество" было широкимъ размахомъ пробудившейся личности,—личности сильной и рѣзко выраженной, которая уже не укладывалась въ рамкахъ „завѣта старины". Расцвѣтъ разбойничества совпадаетъ съ усиленіемъ Москвы и особенно съ эпохой Смутнаго времени, когда, какъ извѣстно, казачество явилось вершать судьбы московскаго царства. Смутное время, вообще, было эпохой личной иниціативы, когда сильной личности было много простора и свободы. Вотъ почему къ этому времени надо отнести особенное процвѣтаніе лирическихъ разбойничьихъ пѣсенъ.

Что касается до разбойничьяго *эпоса*, то онъ весь примыкаетъ еще къ эпосу богатырскому. Изъ нашихъ старыхъ богатырей одинъ Илья [3]) остался чистымъ отъ обвиненія въ разбояхъ: какъ извѣстно изъ былинъ, онъ отказался отъ предложенія разбойниковъ сойтись съ ними. Разбойничество было и въ кіевской Руси, но тогда оно не имѣло того политическаго значенія, которое пріобрѣло впослѣдствіи, когда слилось съ казачествомъ. Казачество сперва продолжало дѣло старыхъ богатырей — защищало окрайны родной земли отъ враговъ. Вотъ почему Илья получилъ во многихъ былинахъ титулъ „стараго казака". Очевидно, это званіе почетное, свидѣтельствующее объ уваженіи народа къ казакамъ. Но, съ теченіемъ времени, усиленіе Москвы создало изъ этой „служилой силы" гнѣздо оппозиціи. Это произошло тогда, когда московскій властелинъ сталъ „подклонять подъ свою крѣпкую и высокую руку" область за областью и вводилъ строгіе порядки. Типъ богатыря-казака помрачился тогда, въ глазахъ Москвы, излишней отвагой, безпокойнымъ характеромъ и неповине-

Богатырство-казачество.

Казачество-разбойничество.

---

[1]) „Сборы Француза на Русь", „Разоренье Москвы", „Разорена путь-дороженька отъ Можая до Москвы", „Парижъ", „Пѣсни о Платовѣ" и т. д.

[2]) Историч. хрестоматія, I, 68—70.

[3]) Даже Добрыня Никитичъ въ одной былинѣ „три года приторговывалъ, а три года приворовывалъ". Алеша всегда корыстно относился къ побѣжденному. Чурило въ одной былинѣ изображенъ атаманомъ разбойниковъ, которые „уродствовали въ кіевѣ". Василій Буслаевъ—ушкуйникъ.

ніемъ властямъ [1]). Впрочемъ, эти „разбойники“ и „воры“, съ точки зрѣнія Москвы, продолжаютъ еще традиціи стараго богатырства: они попрежнему охраняютъ окраины Россіи,—но, кромѣ того, грабятъ внутри московскаго государства; отъ защиты родной земли они свободно переходятъ къ корыстному пользованію достояніемъ земскихъ людей. Это отразилось на народномъ творчествѣ спайкой двухъ эпосовъ—путемъ установленія родства между старымъ поколѣніемъ богатырей и новымъ: Ермакъ Тимофеевичъ оказывается въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ племянникомъ Ильи Муромца.

Выраженіе протеста въ разбойничествѣ.

Царствованіе двухъ Іоанновъ III и IV особенно усилило разбойничество. Оно было единственнымъ исходомъ для людей, добивавшихся старой вольности, для людей, спасавшихся отъ рукъ правосудія. „Казачество“ и было попыткой создать особую политическую и государственную организацію изъ всѣхъ этихъ вольныхъ элементовъ, враждебныхъ Москвѣ, какъ государству, но близкихъ къ ней, какъ къ родинѣ. Постоянно выбрасывало казачество на Русь сотни, тысячи удальцовъ, съ которыми трудно приходилось бороться Москвѣ, но, время отъ времени, на казаческихъ окраинахъ разгорались цѣлые пожары, которые порою охватывали чуть не полъ-московскаго царства.

Выраженіе протеста въ разбойничьихъ пѣсняхъ.

Теперь циклъ пѣсенъ объ Ермакѣ смѣняется пѣснями о Разинѣ: о служеніи родинѣ мы въ нихъ не услышимъ,—здѣсь болѣе протеста и въ то же время болѣе личности. Пѣсни эти уже дальше отъ былинъ, ближе къ лирикѣ. Протестъ обозначился въ нихъ очень опредѣленно противъ непорядковъ московскихъ; въ глазахъ народа въ этомъ виноваты были только бояре, — царя не коснулись эти обвиненія. Такъ, въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, послѣ расправы надъ боярами, самоуправцами, лихоимцами—разбойники взываютъ къ „милостивому суду“ царя.

Своеобразность души русскаго народа.

Этотъ фактъ вводитъ насъ глубоко въ своеобразный міръ души русскаго народа, съ которымъ такъ мало считается русская интеллигенція. Припомнимъ, какъ умирали на плахѣ тысячи этихъ безшабашныхъ „вольныхъ людей“. Какимъ торжественнымъ обрядомъ всѣ они обставляли свои послѣднія минуты. Эти поклоны „на всѣ четыре стороны“, эта просьба о прощеніи у всего „крещенаго люда“, забота о своей душѣ, это примиреніе со всѣмъ міромъ и, главное, спокойствіе глубоко-невозмутимое—и одинъ и тотъ-же конецъ:

---

[1]) Аристовъ, „Объ историческомъ значеніи разбойничьихъ пѣсенъ“.

«И головушка молодецкая
Во крови по плахѣ покатилася...

Значеніе лирики для психологіи разбойничества. Вотъ почему, если „эпосъ“ разбойничій не позволяетъ намъ заглянуть глубоко въ душу своихъ героевъ, то богатая разбойничья *лирика* помогаетъ намъ разобраться въ настроеніяхъ русскаго человѣка этого переходнаго времени. Большинство этихъ пѣсенъ дышитъ глубокой тоской,—онѣ захватываютъ глубоко и міръ женской души, такъ какъ жизнь разбойника, не знавшая сдерживающихъ завѣтовъ старины, вносила свободу въ любовь, а вмѣстѣ съ этой „свободой“ вносила и тревогу, и страсть, и муки...

„Свобода дороже любви“. Вотъ, напр., печальная дѣвушка прощается съ «удалымъ молодцомъ», котораго отъ милой тянетъ къ себѣ свобода, «дальняя сторонка, незнакомая». Оба они плачутъ, разставаясь, — тяжело у обоихъ на душѣ, но онъ всетаки уйдетъ, куда — «самъ не знаетъ».

...Въ Казань-городъ, или Астрахань,
Или въ матушку, каменну-Москву,
Или въ Новгородъ...

Онъ пойдетъ одинъ, — напрасно «она» просится идти съ нимъ. Любитъ онъ ее, но вольная воля ему милѣе.

Любовь разбойника — несчастье. Вотъ, женщина оплакиваетъ свою горькую долю, несчастлива она съ мужемъ, несчастлива и съ милымъ другомъ, который оказался разбойникомъ. Другая проливаетъ слезы горючія потому, что выдали ее безъ вѣдома за разбойника, а тотъ нечаянно въ темномъ лѣсу убилъ ея брата милаго,—своего шурина любезнаго... Какъ кукушка горемычная у гнѣзда, разореннаго яснымъ соколомъ, сидитъ печальная дѣвица въ высокомъ терему, въ частомъ лѣсу, — сидитъ одна цѣлый день и оплакиваетъ свою долю: она безъ заботы жила у отца-матери, да на горе приглянулся ей удалой молодецъ, увезъ онъ ее изъ дома и оставилъ одну средь лѣса, въ пустомъ теремѣ. Тоска разбойника. Но если много искренности звучитъ въ этихъ жалобахъ женскаго сердца, то еще глубже то молодецкое горе, которое охватывало самыя «удалыя головушки» въ минуты сердечной тоски-раздумья. Эти затаенныя печали подслушала чуткая душа русскаго народа, высказала и вынесла на свѣтъ русская пѣсня. Слушая ее, русскій человѣкъ забывалъ, что эта пѣсня сложена про человѣка «лихого» — онъ слышалъ въ ней лишь горе «несчастненькаго»...

Разбойникъ передъ смертью. Вотъ умираетъ отъ ранъ «удалой молодецъ», — сейчасъ его одного въ чистомъ полѣ покинутъ товарищи: имъ некогда уносить раненыхъ, когда надо уносить свою голову,—и онъ покоряется своей долѣ, слезно прощается съ ними, шлетъ поклонъ отцу-матери, женѣ-дѣтушкамъ, всей жизни... Воспоминанія разбойника о прошломъ. Вотъ тоскуетъ молодой разбойникъ, вспоминая, какъ беззаботно-счастливо протекало его дѣтство, когда ласковое лицо матери склонялось надъ нимъ. Мать берегла его, но жизнь не поберегла —

...Сторона-ль моя незнакомая,
Что не самъ-то я на тебя зашелъ,
Что не добрый меня конь занесъ,
Занесла меня кручинушка,
Что кручинушка великая,
Служба грозная, государева,
Прыткость, бедрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

«Далеко, далеко, въ чистомъ полѣ» сидятъ два брата-разбойника. Кругомъ нихъ цвѣтутъ лазоревы цвѣты, надъ ними склоняется дерево зеленое, а они оба унеслись въ своихъ воспоминаніяхъ къ далекому дѣтству, и тоскуетъ ихъ мятежный духъ и жалобятся они, что ничему ихъ дома не научили, а научила ихъ «чуже-дальня сторона, понизовы города».

Нарядныя лодки плывутъ по широкой Волгѣ-матушкѣ, много молодцовъ въ нихъ сидитъ, и межъ молодцовъ одна красна дѣвица — «есаулова родна сестра»... Но невесело у нихъ на душѣ — злая тоска спустилась и на дѣвицу, и на молодцовъ, затуманила ихъ свѣтлыя очи, — чуютъ ихъ вѣщія сердца скорую и неминучую гибель,—и всетаки плывутъ они, плывутъ туманные и тоскливые на встрѣчу своей долѣ... «Дѣтинушка-сиротинушка» плачется на то, что тщетно, въ минуту раскаянья, попробовалъ онъ найти съ людьми примиреніе, выпросить у нихъ прощеніе,—«крещеный людъ» его боится, отъ него крѣпко запирается, — и остается онъ одинъ съ своимъ порывомъ въ темную ночь на улицѣ, — нѣтъ у него въ сердцѣ мира, а онъ такъ жаждетъ тепла и ласки!

Предчувствія разбойниковъ.

Кающійся разбойникъ.

Суровый, гнѣвный отецъ за какую-то вину изгоняетъ навсегда изъ дому родного сына, провожаютъ его до околицы мать и сестры, плачутъ бѣдныя, убиваются... Но вотъ онъ и одинъ въ чистомъ полѣ, съ нимъ вѣрный конь, лукъ да стрѣлы. Куда ему идти безпріютному? Туда онъ пойдетъ, куда полетитъ его калена стрѣла...

Начало разбойничества.

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ много захватывающей правды. По тонкости и глубинѣ чувства онѣ могутъ поспорить съ лучшими созданіями нашихъ лириковъ. Сплошь сотканныя изъ общихъ мѣстъ, онѣ, однако, до того жизненны по своему содержанію, что хочется невольно связать ихъ съ самыми трепещущими явленіями дѣйствительной жизни. Отъ нихъ недалеко до пѣсенъ Кольцова. Всѣ эти „удалые молодцы", которые появляются, обыкновенно въ „мятелицу", „темною ноченькою", эти женщины разныхъ типовъ,—отъ кроткой дѣвушки, обманомъ взятой, до веселой, безшабашной, любящей смѣхъ и „холостыхъ ребятъ",—этотъ, вѣчно-нѣжный образъ матери, то лелѣющей своего сына, то скорбящей надъ нимъ, надъ его „Горемъ-Злосчастьемъ",—эти „синія рѣки" и „темные лѣса", эти чувства безпредѣльныя и мысли тоскливыя—полны жизни и красоты. Запѣвы этихъ пѣсенъ: „Ахъ! далече,

Лиризмъ разбойничьихъ пѣсенъ.

Богатство образовъ въ этой лирикѣ.

Запѣвы.

далече, во чистомъ полѣ", „Ты, дѣтинушка, сиротинушка", „Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася", „Не бушуйте вы, вѣтры буйные", „Изъ-за лѣса, лѣса темнаго", „Ты дубравушка, моя дубравушка", — всѣ они до такой степени совпадаютъ по тону съ содержаніемъ пѣсенъ, что самое чувствительное ухо не замѣтитъ въ нихъ никакого диссонанса.

Разбойничья лирика потому интересна, что она, всетаки, до нѣкоторой степени, имѣетъ хронологію, такъ какъ эпоха процвѣтанія разбойничества у насъ имѣетъ довольно ясные хронологическіе предѣлы. Поэтому и лирика, имъ созданная, привязана къ опредѣленной эпохѣ. Правда, это творчество смѣло могло захватить и XVIII в., эпоху упадка разбойничества, и даже, навѣрное, нѣкоторыя изъ разобранныхъ пѣсенъ относятся къ XVIII в., но зарожденіе этого творчества, несомнѣнно, относится къ раннему періоду.

Пѣсни бытовыя (низшія эпическія). Ихъ содержаніе.

§ 19. *Пѣсни бытовыя* [1]). Ихъ принято называть *низшими эпическими* въ отличіе отъ *высшихъ эпическихъ* — былинъ и историческихъ пѣсенъ. Содержаніемъ этихъ пѣсенъ служитъ, обыкновенно, какой нибудь эпизодъ изъ частной жизни, например: „король велитъ казнить молодца, полюбившаго королевну"; „боярышня любитъ холопа"; „невѣста, потерявъ жениха, поступаетъ въ монастырь"; „солдатъ послѣ долгой разлуки видится съ женой"; „свекровь изводитъ невѣстку" и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ сюжетовъ очень популярны въ народѣ и имѣютъ длинную исторію. Такъ, первый сюжетъ имѣетъ длинный рядъ варіантовъ: „Князь Волконскій казнитъ Ваньку-ключника", „князь казнитъ лакея" (см. выше стр. 66). Широко распространены пѣсни о князѣ Романѣ, который убиваетъ жену. Всѣ подобныя произведенія очень важны въ историко-литературномъ отношеніи. Эти народныя баллады, поэмы, повѣсти въ стихахъ — *первые проблески народнаго романа.* Въ нихъ много драматизма, много движенія и страсти; дѣйствующія въ нихъ лица — не кіевскіе богатыри, не генералы и атаманы, надѣленные звонкими фамиліями, а люди простые, обыкновенные — „добрые молодцы", да „красныя дѣвушки", „старые мужья" да „молодыя жены", „злыя свекровки" и „несчастныя невѣстки". Между тѣмъ, сколько страданій и радостей вокругъ этихъ обыкновенныхъ людей! Распространеніе этихъ пѣсенъ по всей Россіи — тамъ, гдѣ

Значеніе этихъ пѣсенъ-балладъ.

Ихъ герои.

Бытовыя пѣсни, какъ показатель тяготѣнія къ реализму.

---

[1]) Историч. Хрестоматія, ч. I, 60—8.

давно замолкла старая былина, ясно указываетъ намъ тотъ путь, по которому идетъ поэтическое развитіе народа: отъ образовъ религіозныхъ, сказочныхъ, фантастическихъ, надземныхъ — къ земнымъ героямъ и, наконецъ, къ людямъ обыкновеннымъ. Это—путь къ реализму, путь пройденный и изящной литературой, и живописью.

Пѣсни эти любопытны тѣмъ, что большинство изъ нихъ окрашены яркимъ колоритомъ богатой народной поэтики. Начинаются многія изъ нихъ съ „запѣва", иногда разростающагося въ цѣлую картину.

Запѣвы.

Напримѣръ, пѣсня, въ которой дѣвушка „жалобится", что ее отдали замужъ за „недобраго человѣка", начинается такъ:

«Полоса моя, полосынька,
Полоса моя непаханная,
Непаханая, небороненная!
Заросла моя полосынька
Тонкимъ ельничкомъ, березничкомъ,
И горькимъ мелкимъ осинничкомъ.
Изъ того ли горька осинничка
Выбѣгала лошадь, добрый конь;
Онъ бѣжитъ, бѣжитъ-торопится,
Самъ головушкой помахиваетъ,
Золотой уздой побрякиваетъ.»

Пѣсня о холопѣ, любившемъ боярышню, начинается такъ:

«Ужъ ты, зимушка-зима,
Зима вьюжлива была,—
Все крутила, все мела,
Примораживала,
Калинушку съ малинушкой
Заламливала.

Въ варіантѣ къ этой пѣснѣ запѣвъ такой:

«Ахъ, нынѣшня зима непогожая была,
Непогожая была,—все метелица мела,
Завьяла, замела, всѣ дорожки занесла!
Ахъ, нѣтъ у меня пути, куда съ миленькой идти.
Я по старымъ по примѣтамъ, позадь гуменью пройду.
И я улицею—сѣрой утицею...
Черезъ черную грязь—перепелицею,
Подъ воротенку пойду бѣлой ласточкой,
На широкій дворъ пойду горностаюшкой,
На крылечко взлечу яснымъ соколомъ,
Во высокъ теремъ пойду добрымъ молодцемъ.

Сравненія.

„Сравненія" въ этихъ пѣсняхъ также обычны, напримѣръ:

«Отломилася вѣточка
Отъ сахарнаго деревца,
Откатилося яблочко
Отъ сахарнаго деревца,—
Отъѣзжалъ добрый молодецъ
Отъ отца своего, матери.

Описаніе внѣшности.

„Описаніе внѣшности“ дѣйствующихъ лицъ дѣлается въ пѣснѣ обстоятельное. Вотъ, напримѣръ, щеголь-молодецъ:

«Пятьдесятъ рублей нажилъ со полтиною,
Одежду себѣ сдѣлалъ драгоцѣнную,—
Шубенку сшилъ онъ себѣ кунью,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и около ворота
Строчилъ шубенку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубенкѣ онъ сдѣлалъ выше головы.
Спереду-то не видать лица румянаго,
И сзади не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскихъ;
Кушачекъ онъ опоясалъ семишолковый,
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ,
Сапожки-то на ноженькахъ сафьяновые,
Вокругъ носика-то носа яйцо кати,
Подъ пяту-то, подъ пяту—воробей лети!

Другой щеголь:

«Собирается онъ, снаряжается,
Обуваетъ онъ сапожки сафьяновые,
Надѣваетъ онъ лисью шубу до полу.
Шуба лисья, словно лѣсъ, шумитъ,
И золотъ перстень, ровно жаръ горитъ.
На немъ шапочка рытаго бархата,
Въ правой рукѣ тонка тросточка,
А въ тросточкѣ—ала ленточка.

Описаніе дѣвицы-красавицы:

«Какъ у Дунюшки, у голубушки,
Лицо бѣло набѣленное...
Щеки алыя разгораются,
Брови черныя наведенныя.
Ея буйная головка гладко чесана,
Ея русая коса мелко плетена,
Въ русой-то въ косѣ—лента алая,
Лента алая, Дуня—дѣвка правая!
Кто бы Дуню полюбилъ, тотъ счастливый былъ,
А отъ Дунюшки отсталъ—разбесчастный сталъ!

Этотъ веселый образъ—однако прелюдія къ страшной семейной драмѣ: мужъ-казакъ убиваетъ свою жену; передъ смертью она проситъ убить ее тогда, когда дѣти улягутся спать, и представляетъ себѣ, какъ утромъ, проснувшись, они станутъ допрашивать отца, гдѣ она, ихъ мать...

Отрицательные образы пѣснѣ.

Знаетъ народная пѣсня и „отрицательные образы“ героевъ. Вотъ, напр., описаніе коварной красавицы, которая лукавствомъ покоряетъ молодецкія сердца и губитъ ихъ:

«Какъ злодѣюшка, ты, лютая змѣя,
Какъ по водѣ ты плывешь—извиваешься,
По травѣ ползешь—лишь траву сушишь,
Изъ норы ты глядишь—укусить хочешь!
Перелестница, раздушеночка, красна-дѣвица.
Перелестила ты добраго молодца!

Характерно описаніе другой прелестницы,—

«И станомъ ровна, и лицомъ бѣла,
У ней кровь въ лицѣ, быдто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы цвѣта маковаго...
Она стала вкругъ молодца похаживать...

„Природа" въ этихъ пѣсняхъ не занимаетъ самостоятельнаго мѣста—она лишь служитъ пѣвцу для усиленія его средствъ подчеркнуть настроенія его пѣсни. Такъ, на могилахъ молодца и дѣвицы, любившихъ другъ друга, въ одно время выростаютъ деревья, которыя иногда переплетаются вѣтвями: Природа въ пѣсняхъ.

«На Васильи выросталъ кипарисъ-дерево,
На Софьѣ выростала золота верба,
Они вмѣстѣ вершочками свивались
И вмѣстѣ листочками сплетались [1]).

„Драматизмъ" въ этихъ пѣсняхъ выраженъ порой очень ярко. Въ пѣснѣ о Паранѣ поется, какъ беззаботная дѣвушка пошла по воду, какъ встрѣтился ей Василюшка и ударилъ ее о сыру землю. Дѣвушка, вся въ крови, безъ ведеръ, возвращается домой и умираетъ. Во время отпѣванія убійца читаетъ у ея тѣла канонъ,— онъ зоветъ всѣхъ прощаться съ покойницей, приговаривая: Драматизмъ пѣсенъ.

«Не достанься, Паранюшка, ни мнѣ, никому—
Какъ ни мнѣ, никому, ни злодѣю моему.
Какъ досталась Параня сырой матушкѣ-землѣ,
Сырой матушкѣ-землѣ, гробовой доскѣ!

Обращеніе князя Михаила къ матери, которая извела его молодую жену, также полно драматизма:

«Ахъ, ты, матушка родная!
По родству-то ты мнѣ мать родная,
По разлукѣ же змѣя лютая!»
Вынимаетъ онъ шпагу острую,
Онъ произаетъ свое ретиво-сердце!

Эта двойственность по отношенію къ матери передъ смертью, особенно „самоубійство"—мотивы новые, чуждые старой былинѣ.

„Заключеніе" („исходъ") нѣкоторыхъ пѣсенъ звучитъ очень трогательно. Напримѣръ, поется, какъ мимо могилы героя, или героини проходятъ разные люди и, глядя на деревья, выросшія тамъ, разно выражаютъ свои настроенія: „Исходъ".

«Маленькій идетъ—натѣшится,
А молодой идетъ—надивуется,
А старый идетъ—наплачется.

---

[1]) Чаще всего явленія изъ жизни природы отнесены на „запѣвы".

Сентиментализмъ пѣсенъ

Порой настроеніе пѣсни поднимается до сентиментальнаго отношенія ко всей природѣ: герой сливается съ міромъ, его окружающимъ, ему сочувствующимъ... Разбойники убиваютъ молодца, — послѣдняя мольба его обращена къ великой „матери-природѣ“:

«Тихій Донъ-рѣка,	Ты запой по мнѣ!
Родной батюшка,	Кукушечка въ лѣсу
Ты обмой меня!	Во дубравушкѣ,
Сырая земля,	Сестрица моя,
Мать родимая,	Покукуй по мнѣ!
Ты прикрой меня!	Бѣлая березушка,
Соловей въ бору,	Со своими отростками,
Милый братецъ мой,	Пошуми по мнѣ!

Иногда этотъ сентиментализмъ звучитъ даже въ запѣвѣ пѣсни, напримѣръ:

«Не летай, не летай,
Мой сизенькій голубокъ,
Не воркуй, не воркуй,
Жалобнешенько!..

Близость этихъ пѣсенъ къ настроеніямъ и образамъ искусственной поэзіи.

Эта пѣсня напоминаетъ, по настроенію, извѣстную „пѣсню“ Дмитріева: „Стонетъ сизый голубочекъ“. Вообще, между этими пѣснями и искусственной поэзіей очень много общаго. Многіе образы „Слова о Полку Игоревѣ“ находятся въ пѣсняхъ; напр.—

«Не плугомъ была пашня пахана, не сохою—
Распахана была пашня булатными копіями,
Взборонена она была коневьими копытами;
Не рожью была, братцы, засѣяна, не пшеницею;
Засѣяна была, братцы, головами казачьими!..

или:

«Не галичье стадо подымалося,
Не звѣриное собраньице собиралося...

Есть длинный рядъ пѣсенъ, сюжетомъ которыхъ служитъ преслѣдованіе молодца Горемъ-Злосчастьемъ; многія мѣста повѣсти буквально совпадаютъ съ пѣснями. Напр.—

А и горе, горе-гореваньице,
А и въ горѣ жить—не кручинну быть...

Повѣсть о „Фролѣ Скобѣевѣ“ находитъ довольно близкое сходство съ пѣсней: „Какъ сватался-су воръ Янька“.

Близость искусственной поэзіи къ народной.

„Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“ вся цѣликомъ вылилась изъ этихъ бытовыхъ пѣсенъ, заимствовала кое-что изъ историческихъ объ Іоаннѣ Грозномъ.

Особенно характерно совпаденіе двухъ народныхъ пѣсенъ съ извѣстнымъ стихотвореніемъ Лермонтова: „Сонъ“ —

«Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана.
По каплѣ кровь точилася моя.
Лежалъ одинъ я на пескѣ долины;
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины,
И жгло меня, но спалъ я мертвымъ сномъ.

А въ это время „она“ сидитъ задумчивая—

«Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами...
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струей...

Нашъ народъ задолго до Лермонтова разработалъ эту тему:

«Мнѣ ночесь-то, ночесь, добру молодцу, малымъ-мало спалось,—
Мнѣ малымъ-мало спалось, много видѣлось во снѣ:
Будто я убитъ, добрый молодецъ, на Бухарской сторонѣ!
Будто я лежу, разудаленькій, на дикой степи.
Мнѣ постелюшка доброму молодцу—ковыль-травка постлана.
Изголовьице мнѣ разудалому—бѣлъ горючъ-камень,
Одѣяльце мнѣ добру-молодцу—темна-ночка надо мной,
Мои рѣзвы ноженьки лежатъ вдоль дороженьки;
Мои бѣлы ручушки—врозь разложены;
Кудри мои русыя—буйнымъ вѣтромъ разнесло;
Очи мои ясныя—желтымъ пескомъ засыпаны...

Дѣвушкѣ же снится, что ея другъ лежитъ убитый въ степи, подъ кустомъ ракитовымъ,—

«А его-то тѣло бѣлое
Испротыкано копьемъ,
Сквозь его-то мелки ребрышки
Проросла ковыль-трава!
Сквозь его сердце ретивое
Змѣя люта проползла,
Изъ его-то изъ ясныхъ очей
Ключи быстры потекли...

„Тарасъ Бульба“ Гоголя во многихъ мѣстахъ соприкасается съ южнорусской поэзіей. Творчество Кольцова, Никитина, Некрасова, А. Толстого связано и содержаніемъ, и формой съ этими пѣснями.

Содержательность этихъ пѣсенъ въ количественномъ отношеніи.

Народъ, можно сказать, всѣ случаи своей жизни—радостные и печальные, исчерпалъ въ своемъ творчествѣ. Такимъ образомъ, въ его распоряженіи поэзія, которая, по содержанію своему, *въ количественномъ отношеніи*, не уступаетъ, а превышаетъ нашу изящную литературу. Стоитъ перечитать „Великорусскія пѣсни", недавно изданныя акад. Соболевскимъ,—и мы въ этомъ убѣдимся. Для примѣра, можно привести, хотя бы, простой перечень сюжетовъ, разработанныхъ въ этихъ пѣсняхъ.

а) „дѣвушка".

Сюжеты, сгрупированные около темы: *„дѣвушка"*,—„дѣвичье житье пріятно, лучше замужняго"; „у дѣвушки нѣтъ воли"; „дѣвушка не слушается родителей, идетъ къ молодцу", „наживаетъ худую славу", „проситъ выдать ее замужъ за милаго", „проситъ не отдавать замужъ за немилаго", „отказывается выйти замужъ", „совѣтуетъ молодцу свататься за нее", „дѣвушка окружена женихами", „боится, что не выйдетъ замужъ", „жалуется, что не вышла замужъ", „дѣвушка тайно любитъ молодца", „ссорится съ милымъ", „разлучается съ милымъ" и мн. др.

ѣ) „замужество".

Сюжеты, группирующіеся около темы, *„замужество"*: оно оказывается „хуже дѣвичьей жизни", „опредѣляется судьбой", „пугаетъ дѣвушку", „замужество по волѣ, „противъ воли", „за немилымъ", „жена не любитъ мужа", „ревнуетъ мужа", „бранитъ, или бьетъ его", „не пускаетъ домой пьянаго мужа", „привязываетъ его къ дереву", „вѣшаетъ стараго мужа", „топитъ стараго мужа", „хочетъ убить мужа", „хочетъ проучить мужа", „не можетъ гулять", „принимаетъ ухаживанія", „провинившись, у мужа проситъ прощенія", „ссорится съ членами мужниной семьи".

в) „любовь".

Остановлюсь, для примѣра, на темѣ—*„любовь"*. Несомнѣнно, эта тема должна быть особенно популярна въ народной лирикѣ, и дѣйствительно, число сюжетовъ, разрабатывающихъ ее, очень велико. Въ очень многихъ пѣсняхъ воспѣвается „тоска" („отъ безнадежной любви", „отъ тайной любви", „отъ отвергнутой" и пр.); нѣкоторыя пѣсни представляютъ собою „признаніе въ любви", напр..—

«Груша, ты Груша, ты моя,
Груша зеленая моя!
Что ты невесело стоишь?
Знать, не весною сажена,
Или неполивана была,
Или непокрыта стояла?
Дѣвица прекрасная, душа,

Любишь ли ты радость, меня?»
— «Какъ мнѣ, другъ, тебя не любить!
По тебѣ, сердце болитъ,
По тебѣ, радостъ моя,
По тебѣ, веселіе мое!
Пойду я въ зеленъ садъ гулять,
Сорву я аленькій цвѣтокъ,

Совью я маленькій вѣнокъ,
Завяжу я въ флеровый платокъ,
Положу на маленькій часокъ—
Вянетъ ли, не вянетъ ли вѣнокъ,
Тужитъ ли, тужитъ ли дружокъ?
Какъ по тебѣ, другъ, не тужить?
По тебѣ, сердце болитъ,
По тебѣ, радость моя,
По тебѣ, веселіе мое...

Въ другомъ „признаніи“ больше страсти; молодецъ объясняется въ любви,—

«Я люблю тебя, красна-дѣвица, какъ душу свою!
Не могу на тебя, красна-дѣвица, наглядѣтися,
Что на лѣтнее красное солнышко!
Я боюсь тебя, красна дѣвица, какъ лютой змѣи,
Я боюсь тебя, красна дѣвица,—изведешь меня!
Пропадетъ-то моя головушка не за денежку,
Наваляется тѣло бѣлое по чисту полю...

Многія пѣсни посвящены „обѣщанію любить“, обѣщанію молодца не жениться,—дѣвушки не идти замужъ, „любить до замужества, до женитьбы“, „напоминанію объ обѣщаніи“; во многихъ оплакивается „неисполненіе обѣщанія“, встрѣчается „напоминаніе о прежней любви“, „клятва въ любви“; воспѣвается „любовь до смерти“; высказывается „желаніе быть вѣрнымъ“; превозносится „сила любви“. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ развиваютя мысли, касающіяся любви,—напр.: „легко полюбить, трудно забыть“, „нельзя забыть“; „въ любви—счастье“; „хорошо свыкаться, тяжело разставаться“. Изображается рядъ положеній, напр.: „у всѣхъ, кромѣ меня, есть другъ“, „тяжело любить и не видаться“, „ничто не мило безъ друга“, „все бы говорить съ другомъ“ „можно пожертвовать всѣмъ для друга“. Наконецъ, звучатъ и мотивы грустные: „скоротечность любви“, „конецъ любви“, „жалоба, что другъ покидаетъ“, „ни въ комъ нѣтъ правды“. Здѣсь приведена лишь малая часть сюжетовъ, касающихся любви, но и приведенныхъ достаточно, чтобы судить о разнообразіи содержанія пѣсенъ, о богатствѣ оттѣнковъ чувства и мысли, накопившихся въ народной лирикѣ [1]). Надо прибавить, что изъ указан-

*) Такихъ „темъ“, около которыхъ собираются пѣсни, очень много; привожу нѣсколько примѣровъ: „золовка“, „мать“, „молодецъ“, „мужъ“, „невѣстка“, „отецъ“, „свекръ“, „свекровь“, „сестра“, „измѣна“, „разлука“, „свиданіе“, „любовь“, „насмѣшка“, „обманъ“, „подарокъ“ „прощаніе“, „ревностя“, „смерть“, „соперникъ“, „худая слава“. Если мы изъ сферы семьи и любовныхъ отношеній выйдемъ на болѣе широкій просторъ русской жизни, то столкнемся съ цѣлымъ рядомъ темъ, около которыхъ также поработало народное творчество. Перечислю нѣкоторыя: „арестантъ, арестантка, воръ, бурлакъ. казакъ, купецъ, лакей, матросъ, офицеръ, рекрутъ, солдатъ, фабричный“ и др.

ныхъ сюжетовъ почти каждый разработанъ не въ одной, а во множествѣ пѣсенъ, изъ которыхъ всѣ имѣютъ тонкіе и различные оттѣнки въ настроеніяхъ.

Такъ, вѣками накопилъ нашъ народъ въ своей пѣснѣ неисчислимую массу настроеній, для выраженія которыхъ онъ нашелъ и соотвѣтствующія формы.

Эпическая пѣсня-баллада и лирическая пѣсня.

Какъ при разборѣ „разбойничьихъ пѣсенъ", такъ и здѣсь, незамѣтно отъ *эпической* бытовой пѣсни-повѣсти мы перешли къ *лирической*. Этотъ переходъ вполнѣ естественъ,—въ народной поэзіи нѣтъ границъ, отдѣляющихъ бытовую пѣснь эпическую отъ лирической: у народа нѣтъ чистой лирики въ томъ смыслѣ, въ какомъ она имѣется въ поэзіи искусственной; всегда, во всякой пѣснѣ, есть фактъ, который и даетъ ей настроеніе, окрашиваетъ пѣсню лиризмомъ.

Запѣвъ.

Какъ эпическія, такъ почти всѣ лирическія пѣсни имѣютъ „запѣвъ"; въ этомъ запѣвѣ, дѣйствительно, можно видѣть чистый лиризмъ, — тогда какъ вторая часть пѣсни, обыкновенно, сбивается на эпосъ. Нѣкоторые запѣвы, по размѣрамъ, превышаютъ самую пѣснь и даже, на первый взглядъ, не связаны ничѣмъ съ содержаніемъ пѣсни. Чтобы, до нѣкоторой степени объяснить эту странность, необходимо сказать нѣсколько словъ о происхожденіи поэтическаго языка, о первичныхъ пріемахъ народной поэтики.

Лирическій стиль. Анамизмъ.

Особенности лирическаго стиля. Источникъ этого стиля въ *анимизмѣ* древняго міросозерцанія, т. е. въ способности первобытнаго человѣка одушевлять природу, представлять ее чѣмъ-то живымъ. Акад. Веселовскій доказываетъ это путемъ наблюденія надъ исторіей миѳовъ о происхожденіи людей отъ животныхъ и растеній. Эти миѳы распространены вездѣ—у грековъ, славянъ, германцевъ и другихъ народовъ; у иногихъ племенъ и теперь еще держится убѣжденіе въ происхожденіи людей отъ деревьевъ. Съ другой стороны, существуетъ рядъ миѳовъ, въ которыхъ говорится о происхожденіи растеній отъ человѣка. Названіе людей именами цвѣтовъ и цвѣтовъ — именами людей («Иванъ да Марья», «Анютины глазки», «Маргаритка»), разсказы о превращеніи людей въ растенія—все это, въ основѣ, предполагаетъ старую вѣру—тожество человѣка съ міромъ, его окружающимъ. Конечно, теперь въ народной пѣснѣ, воспѣвающей, какъ на могилѣ двухъ любовниковъ выросли деревья и сплелись между собой, уже утрачена вѣра въ превращеніе человѣка въ растеніе—отъ старой вѣры осталась лишь форма, стилистическій пріемъ. «То, что прежде было дѣломъ вѣры, знанія, сдѣлалось нынѣ поэтическимъ образомъ, такъ что нашъ языкъ есть сколокъ съ древняго миѳическаго языка; но старая форма наполнилась новымъ содержаніемъ»

Параллелизмъ.

Въ результатѣ этого процесса, и получился тотъ *параллелизмъ*, который

выражается въ томъ, что, рядомъ съ картинкою изъ жизни человѣческой души, ставится картинка изъ жизни природы. Связь этихъ двухъ картинокъ теперь уже утрачена, тѣмъ болѣе, что обѣ онѣ, связанныя лишь традиціонно, съ теченіемъ времени развивались самостоятельно и, вслѣдствіе этого, разошлись еще дальше между собой. Напр.—

Зеленый лѣсочекъ
Къ землѣ приклонился—
А что-жъ ты, парнишка,
Холостъ, не женился?...

Ой, яворе зелененькій, не шуми жъ на мене—
А ты, милый чернобровый, не сварись (не сердись) на мене!..

Разъ, не два раза въ лѣто отцвѣтаетъ черемуха—
Разъ, не два раза весело живетъ дѣвица...

Передъ нами рядъ параллелей: лѣсъ—парень, яворъ—милый, черемуха—дѣвица. Въ другихъ пѣсняхъ, приведенныхъ Веселовскимъ, мы найдемъ еще параллели, касающіяся не только субъекта, но и объекта дѣйствія («вишня клонится до корня—Маруся до батьки»), даже признаковъ (зеленый—веселый).

Происхожденіе символики.

Отъ традиціоннаго употребленія такихъ параллелизмовъ развилась привычка соединять одинъ образъ съ другимъ: въ результатѣ, они связываются по смыслу—одинъ дѣлается *символомъ* другого; тогда одинъ изъ членовъ параллелизма могъ свободно выпасть, за другимъ же прочно удерживалось усвоенное имъ значеніе. Такъ, «калина» въ народной пѣснѣ навсегда сдѣлалась символомъ «молодости», «веселья». Оттого «гулять по калиновому мосту» значитъ, на языкѣ пѣсенъ, «предаваться веселью»; яворъ — сдѣлался символомъ печали.

Образы символики.

Перечислю еще нѣсколько символовъ изъ наиболѣе употребительныхъ въ народной поэзіи. Хвойныя деревья связываются съ настроеніемъ тоски; полынь, крапива—непріятности, злобы; дубъ—символъ мужественной силы; береза и тополь—женщины, дѣвушки; кукушка—тоскующей женщины; соколъ—юноши; голубь и голубка—четы влюбленныхъ; чайка—тоски; опаденіе листьевъ, наклоненіе деревьевъ, отцвѣтаніе цвѣтовъ, мутная вода—горя; переправа черезъ рѣку—брака; затменіе солнца, заходъ, паденіе звѣздъ—смерти, несчастія.

Отличіе отъ символики искусственной поэзіи.

Отъ искусственной поэзіи это народное творчество отличается устойчивостью значенія символовъ, ихъ неподвижностью, — здѣсь нѣтъ мѣста личному изобрѣтенію, личному творчеству: эта символика закрѣплена вѣками народно-поэтическихъ настроеній.

Такимъ образомъ, для изображенія душевнаго настроенія народъ пользуется символами изъ неорганической природы (солнце за тучами, туманъ etc.), или изъ міра животныхъ (птицы, звѣри), или изъ міра растеній (деревья, цвѣты).

Символика въ разгадываніи сновъ.

Символика сказалась въ суевѣрныхъ гаданіяхъ и толкованіяхъ сна. Тамъ встрѣчаются тѣ же символы, что и въ пѣсняхъ—«питье воды»,

«переходъ черезъ рѣку»—это тѣ же символы любви, съ которыми мы встрѣчались въ пѣсняхъ. Въ деревняхъ на святкахъ дѣвушки ѣдятъ на ночь соленое, чтобы ночью имъ приснилась вода: кто напоитъ во снѣ дѣвицу—тотъ ея суженый; иногда дѣвушки подъ подушку кладутъ «мостикъ» (нѣсколько связанныхъ лучинокъ), чтобы суженый во снѣ ее провелъ по мосту. Здѣсь не просто условность въ пониманіи извѣстнымъ образомъ такого-то сна, а остатки явленій духовной, или матеріальной жизни, сохранившіеся отъ прежнихъ образовъ,—это, такъ называемые пережитки.

„Пережитки“ въ поэзіи.

Пережитки—это безсознательное пользованіе тѣмъ, что когда-то имѣло смыслъ и что потомъ потеряло, или извратило этотъ смыслъ. Такимъ образомъ, всякое толкованіе сна и примѣтъ, въ сущности, предполагаетъ за собою раскрытіе того образа, той картины, которая имѣетъ аллегорическій смыслъ.

Отрицательный параллелизмъ.

Кромѣ *параллелизма положительнаго* обыченъ *отрицательный*,—напр.:

«Не буйны вѣтры
Навѣяли,—
Не званы гости
Наѣхали...

Искаженіе параллелизма.

Къ этому же ряду стилистическихъ особенностей народной пѣсни относится *искаженіе древняго параллелизма*, когда выпадаетъ одна часть параллели, или сокращается, или совсѣмъ теряетъ значеніе и замѣняется другою. Оттого получается часто совершенно-непонятный наборъ образовъ,—напр.:

«Заиграли гусли въ высокомъ терему—
Пролилися слезы по бѣлому лицу;
Взговорила свѣтъ Прасковья-душа...

Веселовскій объясняетъ это такъ: «игра на гусляхъ» равна «плачу»,—поэтому, возстановляя вѣрный текстъ пѣсни, получимъ—

«Заиграли гусли въ высокомъ терему—
Взговорила, плача, свѣтъ-Прасковья душа...

При искаженіи параллелизма плачъ позабытъ, и связь параллелей оказалась нарушенной.

Одночленный параллелизмъ.

Наконецъ, иногда попадается еще *одночленный параллелизмъ*, когда одна изъ двухъ параллелей отсутствуетъ, но живо чувствуется, подсказывается настроеніемъ существующей; такой пріемъ часто встрѣчается и въ искусственной поэзіи: напр. «Сосна»—Гейне, «Парусъ»—Лермонтова и др.

Современная народная пѣсня („частушка“).

§ 20. *Современная народная пѣсня*. „Новое время—новыя птицы; новыя птицы — новыя пѣсни“. Старая пѣсня, которою ученые начали заниматься, главнымъ образомъ, съ середины XIX-го

вѣка и, особенно, въ наши дни, теперь, мало-по-малу, забывается въ деревняхъ: ее знаютъ и любятъ старики, — молодежь увлекается новой поэзіей романсовъ [1]) и пѣсенъ, такъ называемыхъ „частушекъ“. Если романсы принадлежатъ къ произведеніямъ, занесеннымъ книгою, то частушки—это своеобразное произведеніе современнаго крестьянина, тронутаго новымъ временемъ, новыми культурными потребностями и идеалами. Большинство этнографовъ и историковъ литературы, обращавшихъ вниманіе на этотъ новый видъ новаго творчества, относились къ нему строго, видѣли въ немъ лишь „извращеніе народнаго творчества“. Но есть голоса, приглашающіе внимательнѣе отнестись къ этому новому творчеству. Еще въ 1872 г. Костомаровъ, а затѣмъ Гл. Успенскій („Новые народные стишки“, соч. т. III), высказались въ пользу болѣе доброжелательнаго отношенія къ „частушкѣ“. Конечно, съ эстетической точки зрѣнія, нельзя частушки равнять со старыми пѣснями, но вѣдь за старыми пѣснями—вѣка существованія, вѣка развитія... Вотъ почему величавая красота, богатство разработаннаго стиля, многообразіе въ пріемахъ и содержаніи выгодно отличаютъ ихъ отъ нервной, сухой, по мысли и образамъ, короткой, по размѣрамъ, частушки. Но надо помнить, что передъ нами творчество переходное, отъ безличнаго къ личному, творчество, отразившее и настроенія другой эпохи, тоже переходной. Такимъ образомъ, передъ нами—не извращеніе старой пѣсни, не паденіе, а *переломъ* народнаго творчества, возникновеніе новой поэзіи. Куда направится она? Конечно, къ поэзіи искусственной, книжной. Теперь во многихъ мѣстахъ на Западѣ народъ забылъ свои пѣсни, живетъ романсами и книжной лирикой. Наши частушки указываютъ на близость такого же перехода и у насъ: онѣ очень слабо касаются старинной поэзіи и очень близко, по крайней мѣрѣ, по формѣ,—подходятъ къ поэзіи книжной. Прежде всего, что бросается въ глаза, это новая форма стиха,—не народно-тоническая, а литературно-тоническая, съ необходимой звонкостью риемы.

Отношеніе этнографовъ къ „частушкѣ“.

Отличіе „частушки“ отъ старой пѣсни.

Форма стиха въ „частушкѣ“.

«У Машутки зонтикъ есть —
Дома нечего поѣсть.
На бѣлой груди часы —
Сѣять нечѣмъ полосы!

1) Изъ романсовъ популярны: „Чудный мѣсяцъ“, „Разлука ты, разлука“, „Черная шаль“, „Подъ вечеръ осени ненастной“ и др.

или:

У насъ полюшко бугристо—
Нельзя полюшкомъ пройти;
У насъ дѣвушки форсисты—
Нельзя близко подойти!

Распространенность частушекъ.

Другое, очень важное, отличіе частушекъ отъ старой пѣсни заключается въ томъ, что онѣ не пользуются такой широкой распространенностью, какъ старыя пѣсни; онѣ связаны съ опредѣленной мѣстностью, и здѣсь сочинители ихъ всѣмъ хорошо извѣстны—„ихъ назовутъ по именамъ, по крайней мѣрѣ, въ десяти, окружающихъ ихъ мѣстожительство, деревняхъ“ (Зеленинъ).

Ихъ авторы.

Эти новые поэты — „простые деревенскіе парни, нерѣдко земледѣльцы; почти всѣ они грамотны и многіе изъ нихъ осаждаютъ тетрадями своихъ стиховъ редакціи мѣстныхъ газетъ“. Такимъ образомъ, этотъ новый видъ творчества говоритъ о томъ, что теперь „личность“ уже проясняется въ творчествѣ народа, недавно еще сдавленнаго „міромъ“. Частушка — созданіе индивидуальнаго, личнаго творчества.

Идейное содержаніе частушекъ.
а) семейныя отношенія.

Особенно это отражается на идейномъ содержаніи этой новой пѣсни. Въ ней мы встрѣчаемъ яркій протестъ противъ стараго семейнаго деспотизма. „Если гдѣ старый семейный режимъ былъ особенно силенъ и тяжелъ, такъ именно въ вопросѣ о бракѣ (Зеленинъ). И вотъ, тогда, какъ въ старинной русской пѣснѣ, отразившей на себѣ вліяніе этого суроваго деспотизма, ясно сказалась покорность слѣпой необходимости рока-судьбы („суженый“), сказалась затаенная тоска и подчиненность обстоятельствамъ,—въ новой пѣснѣ воспѣвается выборъ по сердцу; воля родителей не имѣетъ прежняго значенія въ устройствѣ семьи. Дочь обращается къ родителямъ съ такими словами:

«Ставь-ка, мама, самоваръ,
Золотыя чашки:
Приведу я гостя къ вамъ
Въ вышитой рубашкѣ.
Потчуй, тятя, потчуй, мама—
Этотъ гость-отъ дорогой:
Скоро зять будетъ родной!

Другая дочь —

«Ѣдутъ свататься, отдай ради Христа!
Не отдашь, мамка,—покаешься!»..
Говорила мамкѣ въ самыя уста.

Она грозится, что, въ случаѣ отказа, не пойдетъ „ни жать, ни косить!“

„Общественное мнѣніе“ тоже теперь не страшно; раньше „осуда“ сосѣдей была страшна для человѣка, жившаго одной жизнью со всѣмъ „міромъ“,—теперь къ этой осудѣ отношеніе скептическое. Дѣвушка поетъ: b) общественное мнѣніе.

«Болитъ, болитъ рученька
Завяжите пальчикъ!
Что хотите, говорите,—
Мнѣ по мысли мальчикъ.

Или:

«Вы судите, не судите—
Я осуды не боюсь;
Придетъ миленькій въ бесѣдушку,—
Я досыта нагляжусь.

Парень поетъ:

«Всѣ мнѣ люди баяли,
Все милую хаяли;
Люди, не набайте,
Люблю, такъ не хайте!

„Законный бракъ“ очень часто воспѣвается въ этихъ пѣсняхъ, при чемъ отношеніе къ нему самое серьезное; напримѣръ: c) бракъ.

«Давай, миленька, помолимся
На церкву, на соборъ,
И попросимъ мы священника
Обрачить насъ съ тобой.

Первоначально частушка возникала только въ городахъ, или на фабрикахъ, гдѣ народъ прежде всего соприкасается съ отрицательными сторонами новой культуры. Вотъ почему и частушка отразила много несимпатичныхъ чертъ народа, непросвѣтленнаго, а „зараженнаго“ культурой. Но любопытно, что, перенесенная въ деревню, та же пѣсня облагораживается. Вліяніе деревни на „частушки“.

Оттого „деревня“, съ ея жизнью, изображена во многихъ пѣсняхъ съ симпатіей. Многострадальная русская женщина-работница, воспѣта въ одной частушкѣ съ самой теплой любовью: d) деревня.

«Моя милка чисто жнетъ,
Аккуратно вяжетъ.
Много горя приниметъ,—
Никому не скажетъ.

Дѣвушка тоскуетъ по „деревнѣ“:

«Кабы тятька, кабы мамка,
Кабы братъ, какъ у людей—
Не пошла бы въ чужи люди
За три сотенки рублей!

Сухари у мамы ѣла,—
На полоскѣ пѣсни пѣла;
У хозяйки чай пила,—
Горючи слезы лила.

е) высмѣиванье городской культуры.

Рядомъ съ восхваленіемъ „деревни“, въ частушкѣ нерѣдко высмѣивается молодецъ, вкусившій сладостей городской „культурной жизни“,—у него есть и часы, и зонтикъ, но ѣсть нечего —

«Не форси, миленочекъ,—
Не высокъ твой домичекъ,
Я во домикѣ была—
На столѣ одна вода!

f) „образованіе“.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣчаемъ мы очень яркія отраженія своеобразныхъ идеаловъ новой, даже новѣйшей жизни, напр.:

«Мы до Вологды дойдемъ,
Да мы нигдѣ не пропадемъ:
Мы читать, писать умѣемъ—
Въ писарешки попадемъ.

Дѣвушки предпочитаютъ „образованныхъ кавалеровъ“,—про солдатъ въ одной пѣснѣ поется:

«Образованные люди—
Знаютъ, что поговорить.

Эта „образованность“—единственная привиллегія солдатства; въ остальномъ оно—„горе великое“: солдатъ—сирота; дорога, по которой везутъ рекрута, „вся слезами улита“. Въ одной пѣснѣ даже поется:

«Напишу царю прошенье
На бумажкѣ голубой,
Отмѣнилъ бы царь солдатство,
Погодилъ годикъ, другой.

Особенности частушки.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы, до нѣкоторой степени, понять тѣ новые пути, по которымъ пошло теперь народное творчество. Изсякаетъ источникъ прекрасныхъ величаво-спокойныхъ, безлично-широкихъ настроеній старой пѣсни, — на смѣну ей является творчество нервное, тревожное,

суетливое, которое разростается на нашихъ глазахъ, захватываетъ жизнь все шире и шире; это творчество почти „личное“ и очень отзывчивое на впечатлѣнія жизни [1]). Очевидно, на нашихъ глазахъ начинается новая эпоха въ исторіи поэтическаго творчества; пока оно отличается переходнымъ характеромъ, ищетъ новыхъ поэтическихъ образовъ, силится новыя настроенія воплотить въ новой формѣ.

Пословицы.

§ 21. *Пословицы и поговорки.* Это — небольшія изреченія, афоризмы и сентенціи, которыя любопытны, какъ образцы народной мудрости и остроумія. Особенно любопытны пословицы, вслѣдствіе той серьезности, съ которой относится къ нимъ народъ. Онѣ обнимаютъ всю жизнь народа, знакомятъ насъ съ его суевѣріями, съ его взглядами на жизнь, на окружащую природу, на отношенія къ людямъ въ общественной и частной жизни. „Мѣткое сравненіе, остроумное сближеніе понятій, сила, краткость и наглядность выраженія при созвучіи, или совпаденіи словъ—таковы главныя отличительныя черты этихъ правилъ народной мудрости“. Впрочемъ, отдавая все должное пословицамъ, какъ произведеніямъ, очень цѣннымъ для изученія идейной стороны народнаго творчества, нельзя не указать, что онѣ, для установленія міросозерцанія народа, матеріалъ очень опасный. Еще на первыхъ ступеняхъ самосознанія народная мудрость всегда выражается въ изреченіяхъ, возникшихъ по поводу конкретнаго случая. Такихъ отдѣльныхъ сентенцій набирается очень много, но онѣ не сливаются въ ту непрерывную цѣпь систематическихъ построеній мысли, которыя позволяютъ говорить о стройномъ міросозерцаніи. То же самое можно сказать и относительно русскихъ пословицъ, — въ нихъ столько противорѣчій, что нѣтъ ни одной, положенія которой не разрѣшались бы съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія [2]).

Пословицы, какъ матеріалъ для опредѣленія народнаго міросозерцанія

---

[1]) Насколько отзывчивымъ оказывается теперь творчество народа, видно изъ такихъ курьезовъ: въ Нижнемъ Новгородѣ на другой день послѣ введенія винной монополіи уже пѣлись по улицамъ куплеты: „монополька моя, монополистая“. Въ частушки попалъ и писатель Макс. Горькій, и „демократы“, и „японская война“:

„Не ругайте, демократы,
За любовь насъ никогда—
Сочинитель Максимъ Горькій
Приказалъ любить всегда!

Мы таку войну устроемъ—
Всю Японію разроемъ!
Англичанинъ нипочемъ—
Закидаемъ кирпичемъ.

[2]) Каратаевъ („Война и Миръ“) постоянно противорѣчилъ себѣ, опираясь на пословицы и всетаки представленъ въ романѣ „мудрецомъ“.

Древнія русскія пословицы.

Какъ бы тамъ ни было, но это обстоятельство не помѣшало русскому народу любить свои пословицы. Съ первыхъ страницъ лѣтописи являются онѣ подъ стариннымъ названіемъ „притчъ“: „погибоша, аки Обри“, „Руси—веселіе пити, не можемъ безъ того быти“, „миръ стоитъ до рати, а рать до мира“. и др.

Въ „Сл. о полку Игоревѣ“ найдемъ мы рядъ такихъ же притчъ: „ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути“. Въ „Моленіи Даніила Заточника“ многія мѣста сплетены изъ „мірскихъ притчъ“.

Происхожденіе пословицъ самое разнообразное; несомнѣнно, большинство создано народомъ, но многое заимствовано изъ книгъ, а нѣкоторыя—результатъ общенія съ чужими народами. Къ первымъ

a) миѳическія.

относятся, конечно, всѣ „миѳическія“. Въ нѣкоторыхъ можно усмотрѣть остатки глубокой языческой старины кіевскаго періода. Такъ, пословицы: „который богъ вымочитъ, тотъ и высушитъ“, или: „солнце днемъ работаетъ, а ночь отдыхъ беретъ“,—могутъ быть отнесены къ тому времени, когда вѣрили еще въ божество солнца. „Что тому богу молиться, который не милуетъ“, „взялъ боженьку за ноженьку да и объ уголъ“—относятся уже къ эпохѣ скептицизма, когда вѣра въ старыхъ боговъ пошатнулась. Вѣрой въ лѣсныхъ, водяныхъ проникнуты пословицы: „горы да овраги — чортово жилье“, „въ тихомъ омутѣ черти водятся“, „въ лѣсу лѣшій, а дома мачиха“, „храберъ, силенъ, а все съ лѣшимъ не справишься“, „домовой не полюбитъ (скотину), не что возьмешь“, „старый воронъ мимо каркнетъ“, „жилъ въ лѣсу — молился пнямъ“.

b) сложившіяся подъ вліяніемъ христіанства.

Христіанство замѣтно облагородило народное сознаніе цѣлымъ рядомъ высоконравственныхъ сентенцій: „безъ Бога ни до порога“, „не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велитъ“, „Богъ правду видитъ“... Но, рядомъ съ этими глубоко-христіанскими изреченіями, мы сейчасъ же наталкиваемся на такія, въ которыхъ звучитъ нѣкоторый скептицизмъ: „Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ“, „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“...

c) историческія.

Немало пословицъ „историческихъ“. Воспоминанія о древне-русской жизни сказались въ пословицахъ: „на одномъ вѣчѣ, да не однѣ рѣчи“, „тіуны, что трутъ,—рядовичи, что искры“, „бѣда куны (деньги) родитъ“, „всякій спляшетъ, да не какъ скоморохъ“, „у всякаго скомороха свои погудки“. Особенно много осталось такихъ изреченій въ связи съ воспоминаніями

народа о татарщинѣ: „Не во-время гость хуже татарина“, „пусто, словно Мамай прошелъ“, „каковъ ханъ, такова и орда“.

Закрѣпощеніе крестьянъ при Годуновѣ отразилось въ народной памяти пословицей-поговоркой: „вотъ тебѣ, бабушка и Юрьевъ день“. Шведская война—„пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой“ и др.

„Бытовыхъ пословицъ“ особенно много,—онѣ охватываютъ всѣ образы жизни и всѣ сословія народа, всѣ житейскіе вопросы, недоразумѣнія и сомнѣнія... „Эти пословицы даютъ понятіе о добрыхъ качествахъ народа и объ его недостаткахъ; въ нихъ виденъ и разумный, трезвый взглядъ на вещи, и слѣды стариннаго невѣжества и грубости нравовъ“. Много пословицъ посвящено занятіямъ хлѣбопашествомъ: „мужикъ умирать собирайся, а землельку паши“, „дорогой товаръ изъ земли растетъ“, „не будетъ пахатника,—не будетъ и бархатника“, „не хвались, въ поле ѣдучи, а хвались, съ поля ѣдучи“, „не то бѣда, что во ржи лебеда, а бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды“. d) бытовыя.

Немало пословицъ посвящено семейной жизни. Многія изъ этихъ пословицъ, въ сущности, — темы семейной пѣсни: „въ дѣвкахъ сижено—горе мыкано, замужъ выдано—вдвое прибыло“, „женѣ спускать — добра не видать“, „люби жену, какъ душу,— тряси ее, какъ грушу“.

Въ послѣднее время въ пословицахъ усмотрѣно и „юридическое“ значеніе. Г. Иллюстровъ, сгруппировавшій недавно пословицы такъ, что въ нихъ ему удалось опредѣлить, какъ народъ смотритъ на „государственную власть“ (царь, служилые люди, сословія), на семью (бракъ, семья, родня), на собственность, на благосостояніе и бѣдность, преступленія и наказанія, на судъ,— говоритъ въ предисловіи къ своему труду слѣдующее: e) юридическія.

«Пословицы и поговорки принимаются за первобытные источники права. Законы, въ своемъ происхожденіи, обязаны жизни народной: пословицы и поговорки, какъ выраженія народной мудрости по поводу правовыхъ отношеній, нерѣдко характеризовали то или другое правовое воззрѣніе прежде, чѣмъ оно было облечено въ форму закона писаннаго. «Въ первичную эпоху», — говоритъ проф. Н. Таганцевъ въ своихъ лекціяхъ («Русское Уголовное Право»), «обычное право составляетъ единственный источникъ правообразованія; все равно является ли оно въ формѣ устныхъ преданій, живущихъ въ видѣ разсказовъ о примѣрныхъ дѣлахъ, волю выражающихъ дѣйствіяхъ и т. п., или же является точно и опредѣленно формулированнымъ въ видѣ юридическихъ пословицъ и поговорокъ; цѣлые вѣка живетъ оно въ формѣ устнаго неписаннаго права, но и закрѣпленное въ письмѣ не теряетъ своего основнаго характера». Иллюстровъ о пословицахъ.

Изъ пословицъ, вводящихъ насъ въ общественную жизнь народа, можно привести, хотя бы, тѣ, въ которыхъ высказался взглядъ народа на значеніе „міра“: „что міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ“, „мірская правда крѣпко стоитъ“, „міръ—великъ человѣкъ“, „коли всѣ міромъ вздохнутъ,—и до царя слухи дойдутъ“ и др.

в) философскія. Къ „философскимъ“ пословицамъ относятся такія, въ которыхъ народъ выразилъ свои взгляды на тѣ силы, что управляютъ жизнью человѣческой. Таково, напримѣръ, представленіе о „судьбѣ-долѣ“: „бойся, не бойся, а року не миновать“, „такъ на роду написано“, „отъ судьбы не уйдешь“, „сужена-ряжена не обойдешь и на конѣ не объѣдешь“, „рокъ головы ищетъ“... Сюда же могутъ быть отнесены пословицы, разрѣшающія вопросъ о роли „правды“ и „кривды“ въ жизни человѣка. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что рѣшенія этого вопроса очень безотрадны: очевидно, торжество неправды народу слишкомъ било въ глаза. „Правда въ дѣло не годится, а въ кивотъ поставить, да молиться“, „была правда на свѣтѣ, да въ разновѣску ушла“, „брехней міръ стоитъ“, „не пойманъ—не воръ“ [1]),—вотъ, какъ отвѣчала дѣйствительность на рѣзко поставленные ей вопросы. Впрочемъ, слышимъ мы и такіе отвѣты: „лучше кривду терпѣть, чѣмъ правдой вертѣть“, „засыпь правду золотомъ, а она поплыветъ — всплыветъ“.

г) сатирическія. „Сатирическія“ пословицы охватываютъ многія отрицательныя стороны русской жизни: ложное благочестіе („густо кадишь,—святыхъ зачадишь“, „спереди блаженъ мужъ, а сзади вскуе шаташася“, „на небо поглядываетъ, а по землѣ пошариваетъ“), неправду на судахъ („судья, что плотникъ: что̀ захотѣлъ, то и вырубилъ“, „что̀ мнѣ законы? мнѣ судьи знакомы“, „наказалъ Богъ народъ — наслалъ воеводъ“, „конь любитъ овесъ, а воевода—приносъ“).

Художественность формы въ пословицѣ. Пословицы, обыкновенно, отличаются художественностью формы; часто можно встрѣтить въ нихъ даже соблюденіе пѣсеннаго тоническаго размѣра. Напр.,—„рано встала, да мало напряла“, „всякая небылица въ три года пригодится“, „сбилъ, сколотилъ—вотъ колесо, сѣлъ да поѣхалъ—ахъ, хорошо! Оглянулся назадъ—однѣ спицы лежатъ!“

Риѳма. Очень часто обѣ части пословицы оканчиваются риѳмой. Напр., „ни то, ни се кипѣло, да и то пригорѣло“, „сало было,—стало мыло“.

---

1) Пословицы часто имѣютъ двоякій смыслъ: напр., на пословицу,—„не пойманъ—не воръ“—можетъ опиратьея и необличенный плутъ и гуманный судья. (тоже „на Бога надѣйся,—а самъ не плошай“).

Встрѣчаются „созвучія“: „не подъ дождемъ—подождемъ“. Всѣ виды фигуръ и троповъ можно найти въ пословицахъ. Родственны съ „пословицами“—„поговорки“, „присловья, „прибаутки“. „*Поговорка*“, по народному же опредѣленію, „цвѣточекъ, а пословица — ягодка“. „Поговорка“ — окольное выраженіе, переносная рѣчь, простое иносказаніе, обинякъ, способъ выраженія—но безъ притчи, безъ сужденія, заключенія, примѣненія; это—одна первая половина пословицы. Созвучія. Поговорка.

„Посему поговорка иногда весьма близка къ пословицѣ: стоитъ прибавить лишь одно словечко, или сдѣлать перестановку, и изъ поговорки выйдетъ пословица: „онъ сваливаетъ съ больной головы на здоровую“, „онъ чужими руками жаръ загребаетъ“, — поговорки; та и другая говорятъ только, что это—самотникъ (эгоистъ), который заботится о себѣ, не щадя другихъ. Но скажите: „чужими руками жаръ загребать легко“, „сваливать съ больной головы на здоровую не накладно“, „одного сукна епанча не рознится“, „одной руки пальцы, и кость одна“ и пр. — и все это будутъ пословицы, заключая въ себѣ полную притчу“. Даль о поговоркѣ.

„*Присловье*“ весьма близко къ прозвищу, но относится не къ лицу, а къ такимъ мѣстностямъ, жителей которыхъ дразнятъ, бранятъ, или чествуютъ приложеннымъ къ нимъ присловьемъ. Оно иногда состоитъ въ одномъ только словѣ: „Рязанцы—кособрюхіе“; „Ярославцы—бѣлотѣльцы“ и др. Присловье.

Прибаутки также нерѣдко переходятъ въ пословицы: „По всѣмъ по тремъ, коренной не тронь: а кромѣ коренной, нѣтъ ни одной“; „лошади чужія, хомутъ не свой — погоняй, не стой“; „не жалѣй хозяйскаго добришка“ и пр. Прибауткою же называютъ также сказочныя прикрасы: „Не по днямъ, по часамъ растетъ, какъ пшеничное тѣсто въ опарѣ киснетъ“. Прибаутки.

§ 22. *Загадки* теперь утратили свое первоначальное значеніе, когда-то вполнѣ серьезное и важное, какъ средство испытывать мудрость человѣческую. Во всѣхъ старыхъ народныхъ произведеніяхъ и въ греческихъ миѳахъ (Эдипъ), и въ германской Эддѣ, и въ индійской поэзіи, и въ Калевалѣ, и въ народныхъ сказкахъ всѣхъ народовъ, и въ древней письменности загадки имѣли еще это важное значеніе [1]). Въ старину задаваніе и разгадываніе за- Загадки.

---

[1]) Историч. Хрестоматія, I, 72. Сравни „Апокриф. сказаніе о царѣ Соломонѣ“ (тамъ-же, I, 153—4), „Повѣсть о купцѣ Басаргѣ“ (172), „Повѣсть о муромскомъ

гадокъ было своего рода „единоборствомъ, причемъ иногда неразгадывающіе платились своею жизнью“ (Владиміровъ).

а) миѳологическія. Особенный интересъ имѣютъ загадки „миѳологическія“. Къ этому разряду относятся, напримѣръ, такія, въ которыхъ представляется солнце въ видѣ дѣвицы, тура, птицы, ночи — въ видѣ черной коровы и пр. Миѳологи въ подобныхъ загадкахъ находили богатый матеріалъ для своихъ построеній. „Стоитъ дубъ-старо-дубъ, на томъ дубѣ-стародубѣ сидитъ птица-веретеница; никто ея не поймаетъ— ни царь, ни царица, ни красная дѣвица“—(солнце на небѣ). „Красная дѣвица по небу ходитъ“ (солнце); „Заря-заряница, красная дѣвица, по полю ходила, ключи обронила, мѣсяцъ видѣлъ, солнце скрало“ (роса); „Туръ ходитъ по горамъ,— турица по доламъ, туръ свистнетъ, — турица мигнетъ“ (гроза); „конь бѣжитъ, земля дрожитъ“ (громъ).

Происхожденіе загадокъ. Такимъ образомъ, происхожденіе загадки относится къ далекой языческой древности, когда человѣкъ смотрѣлъ на природу, какъ на что-то живое, покрытое тайной. Олицетворяя явленія природы, первобытный человѣкъ складывалъ свой образный миѳъ,—и осколки этихъ миѳовъ, несомнѣнно, сохранились въ нѣкоторыхъ загадкахъ. Съ теченіемъ времени, сохранилась ея аллегорическая форма, но прежнее религіозное значеніе ея затерялось.

Такимъ образомъ, подобно пословицамъ, и загадки имѣютъ свою хронологію. Древнѣйшія, каковы загадки о небесныхъ свѣтилахъ и явленіяхъ природы, носятъ на себѣ ясные слѣды охотничьяго и пастушескаго быта, когда дикарь-человѣкъ зависѣлъ отъ природы той мѣстности, гдѣ онъ ловилъ звѣрей и пасъ стада. Слѣдуютъ за этими загадками по времени загадки быта осѣдлаго, земледѣльческаго. Жилище постоянное, хозяйство, орудія земледѣлія, большее общеніе съ подобными себѣ вызвало новый рядъ иносказательныхъ представленій, опредѣленій одного предмета другимъ по какому нибудь сходному признаку. Христіанство и грамотность отразились на пословицахъ позднѣйшихъ.

b) бытовыя.

Сказки. § 23. *Сказки* [1]) представляютъ собой громадный отдѣлъ народнаго творчества, на который, къ сожалѣнію, до сихъ поръ обращали меньше вниманія, чѣмъ онъ этого заслуживалъ. Сказку мало и неохотно собирали у насъ; ея изученію посвящено срав-

Изученіе сказки.

князѣ Петрѣ“ (252), „Романъ объ Александрѣ“ (163—4), „Повѣсть о премудромъ Акирѣ“ (170—1) „повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ“.

[1]) Историч. Хрестоматія, ч. I, 73—127.

нительно немного статей и ни одного крупнаго изслѣдованія. Одни только представители „миѳологической“ школы широко воспользовались сказкой для своихъ цѣлей, да, мимоходомъ, касалась сказочнаго матеріала „школа заимствованія“. Между тѣмъ, сказка любопытна, хотя-бы, тѣмъ, что изъ всѣхъ видовъ народнаго творчества она отличается наибольшею жизнеспособностью: до нашихъ дней у народа сохранился интересъ къ сказкамъ. Въ деревняхъ и теперь есть мужики, знающіе много сказокъ,—къ нимъ въ зимніе вечера иногда собираются послушать сказокъ ихъ односельчане (молодежь идетъ пѣть и плясать на „бесѣду“). Въ особомъ ходу теперь сказки съ любовными приключеніями, а также бытовыя—юмористическія. На западѣ Европы умерли всѣ виды стараго народнаго творчества, — одна сказка продолжаетъ бытовать, правда, спустившись въ міръ дѣтскихъ интересовъ. Эта живучесть ея и, въ то же время отсутствіе того критическаго къ ней отношенія, которое сказывается у народа по отношенію къ произведеніямъ, претендующимъ на историческую цѣнность (былина) — обусловили за сказкой возможность сохранить до нашихъ дней остатки сѣдой старины въ полной неприкосновенности. Только заговоры, отчасти пословицы и загадки, могутъ идти, въ этомъ отношеніи, въ сравненіе со сказками. Вотъ почему относительно *нѣкоторыхъ* типовъ народной сказки можно сказать словами Аѳанасьева, что сравнительное ихъ изученіе приводитъ къ двумъ заключеніямъ: 1) что сказки создались на мотивахъ, лежащихъ въ основѣ древнѣйшихъ воззрѣній арійскаго народа на природу, и—2) что, по всему вѣроятію, уже въ эту давнюю эпоху были выработаны главные мотивы сказочнаго эпоса и потомъ, разнесенные раздѣлившимися славянскими племенами въ разныя стороны—на мѣста ихъ новыхъ поселеній, были сохранены народною памятью, какъ и всѣ повѣрья, обряды и миѳическія представленія. Съ такой точки зрѣнія, сказка—не пустая „складка“, въ ней нѣтъ преднамѣренной лжи, нѣтъ сочиненности. Народъ, утратившій полную вѣру въ реальность ея содержанія, назвалъ ее „складкой“, но не посягнулъ на ея содержаніе, сохранивъ ее бережно въ теченіе вѣковъ. Если въ былинахъ сказочныя преданія пріурочивались къ исторической почвѣ, подчинялись историческимъ фактамъ и именамъ, то сказка осталась совершенно независимой отъ этихъ „историческихъ“ узъ. Сказка не знаетъ ни опредѣленнаго мѣста, ни хронологіи; дѣйствіе совершается въ нѣкое время — „въ тридевятомъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ“.

Живучесть сказки.

Аѳанасьевъ о сказкахъ.

Все сказанное относится къ сказкамъ *животнаго эпоса* и *миѳическимъ*. Подъ такое опредѣленіе не подойдетъ сказка позднѣйшая: 1) авантюрно-волшебная, 2) сказка бытовая, 3) сказка-легенда, 4) сатирическая, 5) историческая и—6) философская.

Миѳическія сказки. а) *Миѳическія сказки.* Напрасны будутъ наши старанія представить себѣ всю систему миѳическаго міровоззрѣнія нашихъ предковъ по сказкамъ; но отдѣльныя вѣрованія, несомнѣнно, воссоздадутся легко. Природа въ сказкахъ. Такъ, произведенія, въ которыхъ солнце и мѣсяцъ представлены, какъ братъ и сестра, или какъ мужъ и жена—представляютъ собою остатокъ старой и довольно смутной космогоніи; сказки о борьбѣ Дня и Ночи, Лѣта и Зимы тоже могутъ быть отнесены къ этому разряду. Кони Солнца и Зари, Дня и Ночи, выведенные въ сказкѣ: „Василиса Премудрая"—тоже принадлежатъ къ далекой эпохѣ первичнаго пониманія смѣны дня и ночи. Чудеса сказокъ. Вѣра въ чудесную силу живой и мертвой воды, въ магическое значеніе человѣческаго слова, въ пророческое значеніе сновъ,—все это разрозненные элементы старыхъ вѣрованій.

Дивныя растенія, надѣленныя особой силой дѣлать человѣка участникомъ сверхъестественнаго, чудесные предметы (талисманы),—всѣ эти чудеса въ старину освящены были искренней вѣрой народа въ реальность ихъ существованія. Къ области миѳологіи относится и вѣра народа, въ возможность какихъ-то таинственныхъ связей, соединяющихъ нѣкоторыхъ животныхъ (напр., „ворона", „кошки") съ чудеснымъ міромъ чарованій и колдовства.

„Вѣдуны и вѣдьмы"—вотъ, посредники между міромъ здѣшнимъ и этимъ нечеловѣческимъ, потустороннимъ. Это—существа, знающія тайны, какъ управлять тѣми стихіями, передъ которыми безсиленъ простой человѣкъ. Вѣра въ способность „превращать" и „превращаться" въ звѣрей, въ предметы, въ деревья и цвѣты, способность „погружать въ сонъ" отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя царства,—вѣра въ существованіе Змѣя Горынича, богатыря, похитителя красавицъ, олицетвореніе силъ природы, въ видѣ Морского царя, Мороза, Вихря и т. д.,—все это должно быть отнесено къ области народныхъ вѣрованій, до сихъ поръ не умирающихъ въ народномъ сознаніи.

Неправильное пониманіе этихъ сказокъ миѳологическою школою. Едва-ли можно придавать всѣмъ этимъ туманнымъ образамъ символическій и аллегорическій смыслъ, который усматриваютъ въ нихъ представители „миѳологической" школы. Едва-ли Кощей, похитившій Марью Моревну—это зима, мракъ, мертвое начало, покорившее живое начало,—свѣтъ, живую, дѣятельную природу,

а Иванъ Царевичъ, убивающій Кощея, спасающій царевну—есть животворный лучъ солнца, прогоняющій холодъ, сверкнувшая молнія, разрѣзающая тучи... Естественнѣе предположить за этими образами Кощея и Марьи Моревны вѣру въ ихъ реальное существованіе,—встревоженное воображеніе некультурнаго человѣка наполняло весь міръ жизнью,—борьбой добрыхъ и злыхъ началъ. Припомнимъ, что мерещилось нашему Пушкину, когда онъ ѣхалъ зимой во время вьюги—онъ видѣлъ безобразную пляску бѣсовъ, слышалъ ихъ жалобныя пѣсни, раздирающія душу:

«Домового-ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?

—задаетъ себѣ почти-тревожный вопросъ „образованный“ Пушкинъ. А что думалъ въ это время его „необразованный“ ямщикъ? Конечно, онъ скорѣе рѣшалъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, и, въ то же время, смотрѣлъ спокойнѣе, равнодушнѣе на проказы бѣсовъ, вѣря въ силу крестнаго знаменія. Такимъ образомъ, въ культурномъ человѣкѣ, съ его скептицизмомъ, порой просыпается старый дикарь, который тогда безпомощнѣе некультурнаго человѣка, съ его двоевѣріемъ.

Изъ миѳическихъ образовъ, наиболѣе распространенныхъ въ русскихъ сказкахъ, слѣдуетъ указать слѣдующіе:

Баба-Яга, иногда помощница героя, чаще существо враждебное, людоѣдка, живущая въ лѣсу (сказки объ Иванѣ, Иванушкѣ, о Снѣгурушкѣ, о трехъ братьяхъ). Это—мрачное, безобразное созданіе, особенно популярное въ финскомъ сказочномъ эпосѣ, вѣроятно, оттуда занесено къ намъ. Во всякомъ случаѣ, не кіевская Русь, съ широкимъ раздольемъ степей и ясными небесами, создала этотъ мрачный образъ,—исчадіе дремучаго лѣса, продуктъ напуганнаго воображенія сѣверянина. Баба-Яга.

Кощей безсмертный—похититель красавицъ, таинственное существо, очевидно, занесенное къ намъ съ востока. По крайней мѣрѣ, одна подробность, обязательно сопутствующая этому неясному образу, часто повторяется въ связи съ аналогичнымъ образомъ въ персидскихъ, египетскихъ, индійскихъ, кавказскихъ сказкахъ—это заключеніе судьбы Кощея въ какомъ-нибудь предметѣ (напр., въ яйцѣ), который надо уничтожить,—и тогда прекратится существованіе Кощея [1]). Въ нашихъ сказкахъ герой узнаетъ у похищенной красавицы объ этой тайнѣ и искусно ею пользуется: самое имя «Кощей» встрѣчается въ значеніи нарицательнаго въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» и въ лѣтописяхъ и, несомнѣнно, восточнаго происхожденія. Кощей безсмертный.

---

[1]) „На морѣ, на океанѣ есть островъ, на томъ островѣ дубъ стоитъ, подъ дубомъ сундукъ зарытъ, въ сундукѣ—заяцъ, въ зайцѣ—утка, въ уткѣ—яйцо, а въ яйцѣ—смерть Кощея“.

Превращенія и оборотничество. *Превращенія* людей въ животныхъ, въ птицъ, въ рыбъ очень часты въ сказкахъ. Кромѣ такихъ превращеній «противъ воли», употребительны въ сказкахъ случаи «*оборотничества*», когда превращеніе является результатомъ «хитрой науки». Такое добровольное превращеніе, обыкновенно, есть средство защитить себя отъ преслѣдованій. Тогда, обыкновенно, мы имѣемъ дѣло съ длинною цѣпью превращеній: бѣглецъ оборачивается въ голубя, преслѣдователь—въ ястреба; бѣглецъ—въ собаку, преслѣдователь—въ волка и т. д. Сказки о невѣстахъ—птицахъ, или животныхъ (лебедь, утка, голубка, лягушка) относятся къ этому-же разряду: чтобы эти превращенныя дѣвицы пріобрѣли человѣческій образъ и навсегда сохранили его, нужно соблюденіе различныхъ условій.

Изъ сказокъ, сюда относящихся, особенно популярны тѣ, въ которыхъ молодецъ подмѣчаетъ, какъ къ морю подлетаютъ лебедушки, сбрасываютъ крылья и перья и купаются. Молодецъ похищаетъ пару крыльевъ и, благодаря этому, овладѣваетъ Бѣлою-Лебедью—мудрою дѣвою.

Въ сказкѣ «о царевнѣ-лягушкѣ» три царскихъ сына, выбираютъ себѣ невѣстъ, пуская стрѣлы въ разныя стороны. Стрѣла одного изъ нихъ попадаетъ въ болото къ лягушкѣ, царевичъ на ней женится, и она помогаетъ ему рѣшить трудныя задачи, возложенныя на него отцомъ, и потомъ, превращается въ красавицу, мудрую жену. Царевичъ, желая навсегда сохранить ее за собою въ такомъ обольстительномъ видѣ, сжигаетъ ея лягушечью шкурку, но, за свою поспѣшность, наказывается исчезновеніемъ жены. Послѣ долгихъ поисковъ, царевичъ возвращаетъ себѣ ее красавицей.

Въ нѣкоторыхъ сказкахъ злая волшебница превращаетъ своего мужа, или жениха въ животныхъ, птицъ и пр. Мотивы эти очень популярны въ сказкахъ различныхъ народовъ.

Чудесное рожденіе героевъ. Нерѣдко въ сказкахъ мы имѣемъ дѣло съ *чудеснымъ рожденіемъ* героевъ отъ снѣга, отъ обрубка дерева, отъ рѣпки, отъ съѣденнаго гороха, отъ змѣи, отъ пальчика. Къ этому же роду относится извѣстная сказка о томъ, какъ на могилѣ убитаго, или убитой, выростаетъ чудесное растеніе. На эту тему есть сказки у всѣхъ европейскихъ народовъ, но не указаны пока сказки у народовъ восточныхъ. Главный мотивъ этихъ однородныхъ сказокъ слѣдующій: дѣвочка съ сестрами, или съ братомъ, или съ подругами, отправляется по ягоды въ лѣсъ; въ лѣсу спутники убиваютъ героиню изъ зависти, и, придя домой, говорятъ, что она пропала. На могилѣ убитой выростаетъ тростинка (камышъ, бузина, калина, цвѣтокъ); пастухъ дѣлаетъ изъ нея дудку—и дудка сама поетъ о злодѣяніи, обличая убійцъ.

Окаменѣніе и усыпленіе. Къ «миѳическимъ» сказкамъ должны быть отнесены и такія, въ которыхъ происходитъ *окаменѣніе* и чародѣйственное долговременное *усыпленіе* сказочныхъ героевъ и героинь, иногда цѣлыхъ городовъ и царствъ. Эти сказки тоже широко распространены у всѣхъ народовъ.

Талисманы. Во многихъ сказкахъ встрѣчаемъ мы вѣру въ силу *талисмановъ* и въ существованіе предметовъ, надѣленныхъ особыми чудесными свойствами. «Мечъ-самосѣкъ», «топоръ-саморубъ», «палка-самобой», «гусли-самогудки», «коверъ-самолетъ», «сазки-самокатки», «сапоги-скороходы», «шапка-невидимка», «скатерть-самобранка», волшебный перстень, блюдечко,—вотъ,

нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ предметовъ, которые сопутствуютъ герою въ его приключеніяхъ и облегчаютъ ему подвиги. Всѣ эти предметы широко распространены въ сказкахъ другихъ народовъ, европейскихъ и восточныхъ. Чудесные звѣри и птицы: «златогривый конь», «олень-золотые рога», «жаръ-птица» [1]), а также «мертвая» и «живая» вода, напитки (вода, вино, медъ), дающіе благотворную силу, яблоки, возвращающія молодость, — все это — чудеса, говорящія намъ о томъ мірѣ сказочныхъ грезъ, въ которомъ жилъ и живетъ нашъ народъ [2]).

Наконецъ, къ «миѳическимъ» сказкамъ относятся тѣ, въ которыхъ народъ повѣствуетъ о своихъ приключеніяхъ съ лѣшими, водяными, русалками; къ этому же разряду относятся разсказы о поискахъ «кладовъ», о добываніи «разрывъ-травы» и пр.

Исторія миѳическаго элемента въ сказкахъ.

Конечно, приведенные нами примѣры не даютъ еще возможности говорить что-либо опредѣленное о *древне-языческомъ* міросозерцаніи нашихъ предковъ,—многіе изъ указанныхъ мотивовъ, могли быть занесены къ намъ въ разное время отъ разныхъ народовъ. Чтó присуще намъ, русскимъ славянамъ, исключительно, чтó принадлежитъ намъ, какъ всѣмъ арійцамъ, чтó взято нами, что взято у насъ, — это вопросы очень спорные, до сихъ поръ не разрѣшенные. Во всякомъ случаѣ, весь этотъ пестрый міръ чудесъ, уносящихъ воображеніе далеко за предѣлы земныхъ отношеній, до сихъ поръ не утратилъ своего значенія въ глазахъ простого народа; поэтому произведенія, этотъ міръ отражающія, должны считаться „миѳологическими", т. е. отражающими нехристіанскія вѣрованія народа.

b) Сказки животнаго эпоса.

b) *Сказки животнаго эпоса* принадлежатъ, несомнѣнно, къ произведеніямъ, сложившимся тогда, когда европейскіе народы составляли еще одну семью,—оттого сюжеты и герои животнаго эпоса поразительно сходны въ сказкахъ разныхъ народовъ. Особенно популярна *лиса* и ея продѣлки. Богатый циклъ сказокъ о лисѣ у всѣхъ европейскихъ народовъ распадается, главнымъ образомъ, на три группы:

Лиса въ сказкахъ.

Лиса-обманщица. Лиса ночью выбѣгаетъ изъ избы въ сѣни, какъ будто для того, чтобы провѣдать сосѣдей, у которыхъ явились на свѣтъ Божій дѣти, а, на самомъ дѣлѣ, чтобы съѣсть припрятанный волкомъ запасъ меду (или масла). Возвращаясь, она каждый разъ объявляетъ волку имена новорожденныхъ: «Початочекъ», «Середышекъ» и «Поскре-

[1]) Большую роль играетъ въ сказкахъ *чудесный конь*—„Сивка-бурка, вѣщій каурка". Герою стоитъ влѣзть въ одно ухо этого коня, вылѣзть изъ другого, чтобы обратиться въ молодца. Богатырскій конь, обыкновенно, представляется „вѣщимъ", предчувствующимъ будущее и предупреждающимъ героя объ опасностяхъ.

[2]) О томъ, какое впечатлѣніе оказываетъ сказка на слушателя, лучше всего видно изъ романа Гончарова—„Обломовъ" (см. мою Историч. Хрестоматію, III, 186—8).

бушекъ»; въ зависимости отъ того; сколько осталось въ кадкѣ меду (или масла). Эта сказка, съ соотвѣтствующими названіями новорожденныхъ, распространена у европейскихъ и монгольскихъ народовъ.

Кража лисой рыбы. Выбѣжала лиса на дорогу, видитъ: ѣдетъ съ рыбою мужикъ, прикинулась мертвой и растянулась поперекъ дороги. Наѣхалъ мужикъ на лису: «ай! говоритъ—лисица! что за шерсть! что за хвостъ!» А самъ лису и на возъ. Лиса тому и рада, и ну рыть сельди; дорылась до дна, и ну грызть рогожу, и ну грызть дно саней... Сельди всѣ въ дыру пропустила и сама ускочила. Мужикъ въ это время спалъ и ничего не зналъ. А лиса сельди собрала и къ волку въ избу принесла. Сказки съ такимъ содержаніемъ встрѣчаются въ эпосѣ славянскомъ, романо-германскомъ, кельтскомъ, венгерскомъ, лапландскомъ, даже готтенотскомъ (вмѣсто лисы—шакалъ, вмѣсто волка—гіена).

Рыбная ловля. Волкъ полюбопытствовалъ, откуда у лисы столько рыбы; она разсказала ему, что наловила рыбу, спустивъ хвостъ въ прорубь. По совѣту лисы, волкъ сѣлъ у проруби и опустилъ хвостъ въ воду. А лиса около стоитъ и шепчетъ: «на небѣ ясни, ясни! у волка хвостъ мерзни, мерзни!» И вотъ ударилъ такой морозъ, что у волка хвостъ замерзъ на льду. Пришли люди и убили, а по другимъ варіантамъ—избили волка.

Волкъ въ сказкахъ.

Волкъ, одураченный лисой, оказывается дурнемъ и въ сношеніяхъ съ другими животными. Старая собака, которую онъ хотѣлъ съѣсть, его обманываетъ; лошадь, козелъ, свинья, баранъ тоже надуваютъ простака.

Человѣкъ въ сказкахъ животнаго эпоса.

Къ сказкамъ о животныхъ относятся произведенія съ мотивами „о неравномъ дѣлежѣ жатвы“. Человѣкъ обманываетъ медвѣдя, а потомъ и лису, которая взялась ихъ судить.

„Благодарныя животныя“.

Любопытны сказки о „благодарныхъ животныхъ“. Эти сказки тоже распространены по всему міру. Обычная схема сказки очень нехитра: сказочный герой даритъ жизнь (или помогаетъ) животному, терпящему несчастье, или изнемогающему въ борьбѣ съ другимъ. За это животныя (или ихъ дѣти) дѣлаются помощниками героя, охраняютъ его, оживляютъ его убитаго, помогаютъ ему совѣтомъ, или снабжаютъ его талисманами.

в) Авантюрныя сказки.

с) *Сказки авантюрныя* посвящены разсказамъ о тѣхъ приключеніяхъ, которыя попадались на пути герою, ѣдущему розыскивать—или небывалыхъ животныхъ („свинка-золотая щетинка“, „златогривый конь“, „жаръ-птица“ и др.), или добывать необыкновенныхъ красавицъ-невѣстъ (силой, или сватовствомъ)— для себя, или для царя. Иногда эти красавицы похищены кѣмъ-нибудь, или очарованы. Похожденія Ивана-Царевича, добывающаго себѣ Царь-Дѣвицу, Жаръ-Птицу и Златогриваго Коня —

сказка, въ этомъ отношеніи, типичная. Похожденія Семи Семіоновъ тоже относятся къ этому разряду. Задаванье трудныхъ задачъ и порученій, отгадыванье загадокъ — детали, обыкновенно, сопровождающія сказки этого вида. Пусть въ этихъ авантюрныхъ сказкахъ много еще чудесъ, — всетаки здѣсь человѣкъ, съ его личными доблестями, выдѣляется уже на первое мѣсто.

d) *Сказки бытовыя* изображаютъ картины обыкновенной жизни простого народа; онѣ не блещутъ яркостью содержанія, не заставляютъ воображеніе работать энергично надъ длинной цѣпью фантастическихъ подвиговъ и приключеній, — за то въ нихъ много внутренняго драматизма, въ нихъ мы встрѣтимся съ первыми опытами психологическаго анализа. Сказки этого вида распадаются тоже на нѣсколько группъ. d) Бытовыя сказки.

Очень распространена сказка *о счастьи падчерицы,* тихой и скромной дѣвушки. Обыкновенно, ей противопоставляется злая, непокорная дочь мачихи. Этотъ сюжетъ очень широко распространенъ во всей Европѣ; къ нему примыкаютъ сказки, въ которыхъ говорится о забитой несчастной дѣвушкѣ, или мальчикѣ, которые оказываются счастливѣе своихъ „счастливыхъ" сестеръ и братьевъ. „Золушка"—типичная сказка этого рода. Сюда-же относятся *сказки о дуракѣ,* къ которому съ презрѣніемъ относятся его старшіе „разумные" братья, но который добродѣтельнѣе ихъ и за то награждается судьбой. Эти сказки любопытны тѣмъ, что въ нихъ мы встрѣчаемся съ отраженіемъ философскаго міросозерцанія народа. Эта вѣра въ „торжество добра надъ зломъ",— характерное явленіе для народнаго эпоса, вообще безразличнаго къ вопросамъ нравственнымъ. Вѣроятно, этотъ гуманный взглядъ привнесенъ въ народное творчество христіанствомъ. „Счастье падчерицы". „Дуракъ" въ сказкахъ.

Драматизмъ семейной жизни выразился въ сказкахъ, въ которыхъ мужъ, или женихъ, переодѣвшись гусляромъ (пѣвцомъ), приходятъ на свадьбу своей жены, или невѣсты. Распространена также сказка о коварныхъ красавицахъ, которыя губятъ своихъ мужей (братьевъ, или сыновей) изъ-за любви къ царю (или змѣю, Кощею). Эти сказки очень популярны у всѣхъ народовъ, — основа ихъ содержанія сводится къ слѣдующему: вѣроломная красавица убѣгаетъ съ чародѣемъ; мужъ ее преслѣдуетъ, — но схваченный обманомъ, или покоренный чародѣйствомъ, онъ не можетъ отомстить за себя и подвергается всевозможнымъ оскорбленіямъ; сестра спасаетъ его". Иногда коварная жена отправ- Драматизмъ бытовыхъ сказокъ.

ляетъ мужа съ опаснымъ порученіемъ, но онъ его удачно исполняетъ и, невредимый, возвращается домой и наказываетъ жену.

Злая свекровь, или золовка.

Къ этой-же группѣ сказокъ относятся разсказы о злой свекрови, (или золовкѣ), которыя клевещутъ сыну (или брату) на его жену, иногда изводятъ ее, въ отсутствіе мужа. Въ бытовыхъ пѣсняхъ мы неразъ встрѣчали разработку этихъ же темъ. Обыкновенно, мужъ, возвращаясь домой, или вѣритъ клеветамъ и наказываетъ жену [1]), а потомъ, узнавъ истину, расправляется съ матерью и сестрой,—или сразу мститъ за злобу матери и сестрѣ.

Добродѣтель преслѣдуется порокомъ.

Къ этой-же группѣ надо причислить тѣ сказки, въ которыхъ ослѣпляются сестра, или невѣстка, или молодая жена; исполненіе трудныхъ работъ и рукодѣлій возвращаетъ имъ глаза. Покража дѣтей, попытка въ отсутствіе мужа извести молодую жену съ ребенкомъ, — все это причудливые узоры, вытканные народной фантазіей на той канвѣ, которую давала дѣйствительная жизнь.

Симпатіи русскаго народа къ „смирнымъ“ героямъ.

Несомнѣнно, сама жизнь подсказала русскому человѣку симпатіи изъ двухъ братьевъ къ бѣдному, изъ умныхъ — къ „глупому“. Эти забитые, „смиренные“ типы вознесены и въ нашей изящной литературѣ, — въ сказкѣ они одѣляются такими нравственными качествами, которыхъ нѣтъ у баловней счастья. За внутреннія достоинства судьба награждаетъ этихъ героевъ всѣми благами бытія, унижая въ то же время старшихъ братьевъ, сердца которыхъ оказываются полными зла и коварства.

Сказки объ искусномъ ворѣ.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ этихъ „бытовыхъ“ сказокъ стоятъ очень распространенные разсказы *объ искусномъ ворѣ*. Схема этихъ сказокъ очень однообразна: изъ двухъ воровъ одинъ, младшій, искуснѣе. Послѣ ряда хитроумныхъ подвиговъ во время грабежа казнохранилища, старшій попадаетъ въ ловушку. Чтобы замести слѣды, младшій отрѣзываетъ голову своему родственнику-неудачнику, затѣмъ ловко спасается изъ цѣлой сѣти хитростей, придуманныхъ ради его уловленія. Обыкновенно, къ этому сюжету примыкаютъ, въ концѣ концовъ, разсказъ о воровскихъ похожденіяхъ его совмѣстныхъ съ повелителемъ страны, который воображаетъ себѣ, что онъ не узнанъ воромъ. Этотъ сюжетъ у разныхъ народовъ прикрѣпляется къ самымъ популярнымъ истори-

---

[1]) „Множество сказокъ разсказываютъ о женѣ, съ отрубленными руками за мнимое убійство дѣтей. У невинно-потерпѣвшей родятся дѣти „по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ, во лбу — солнце, на затылкѣ — мѣсяцъ, по бокамъ — звѣзды“.

ческимъ именамъ: къ Гарунъ-аль-Рашиду, фараону Рампситу, Карлу Великому, у русскихъ—къ Іоанну Грозному, Петру Великому. Можно сказать, нѣтъ европейскаго и азіатскаго народа, у котораго не было бы сказокъ сходнаго содержанія.

e) *Историческими сказками* могутъ быть названы такія, въ которыхъ выводятся историческіе дѣятели. Такъ, у насъ есть сказки объ Иванѣ Грозномъ, о Петрѣ Великомъ, о Стенькѣ Разинѣ и пр. Впрочемъ, „историческаго" въ нихъ только и есть что *имена*. Около этихъ именъ группируются или ходячіе сказочные сюжеты, или различныя фантастическія повѣрья (напр., въ „сказкахъ о Стенькѣ Разинѣ") [1]). e) Историческія сказки.

f) Къ *сказкамъ философскимъ* можно причислить немногочисленныя произведенія, въ которыхъ нашли выраженіе нѣкоторыя черты житейскаго міросозерцанія нашего народа. Къ этой группѣ относятся, хотя бы, такія, очень распространенныя сказки, какъ—„Правда и Кривда", „Старая хлѣбъ-соль забывается", „Мальчикъ съ пальчикъ" и нѣк. др. f) Философскія сказки.

Въ первомъ произведеніи очень безотрадно начало: нѣтъ на землѣ правды, жить ею нельзя, — человѣкъ, попытавшійся бороться за правду, лишенъ даже глазъ въ наказаніе за свой идеализмъ; но конецъ сказки благопріятствуетъ ему, — онъ торжествуетъ, награжденный за свои добродѣтели. Можно думать, что эта вѣра въ побѣду добра есть результатъ вліяній христіанства. Вѣроятно, этотъ конецъ примкнулъ къ сказкѣ позднѣе — онъ такъ искусственно связанъ съ ея началомъ. „Правда и кривда".

Этой утѣшительной вѣры нѣтъ въ двухъ другихъ названныхъ сказкахъ: „Старая хлѣбъ-соль забывается"—это грустная повѣсть о человѣческой неблагодарности, царящей надъ міромъ. „Мальчикъ съ пальчикъ"—это возвеличеніе лукавства и хитрости, на которыхъ зиждется вся жизнь человѣка.

Любопытна также одна «сказка о разбойникѣ» благодаря той идеѣ, которая въ нее вложена. Одинъ разбойникъ много душъ загубилъ и пришелъ однажды къ нему старецъ и сталъ убѣждать его исправиться. Разбойникъ согласился. Старецъ продѣлъ ему въ каждое ухо по замку, сказавъ, что, когда онъ будетъ прощенъ, замки выпадутъ изъ его ушей. Долго разбойникъ велъ праведную жизнь, а замки все висѣли въ ушахъ. Однажды онъ увидѣлъ богатаго купца-кулака, очень притѣснявшаго бѣдныхъ крестьянъ. Разбойникъ подумалъ, что если убить этого купца, то для крестьянъ жить стало бы много легче. Онъ убилъ купца, а деньги Сказка о разбойникѣ.

[1]) Истор. Хрестоматія I, 512 и слѣд.

роздалъ по деревнямъ,—и замки изъ ушей его выпали. Сталъ онъ горевать, что опять преступленіе совершилъ, но подошелъ къ нему старичекъ и сказалъ, что онъ прощенъ: «ты не человѣка убилъ, а свой грѣхъ!». Произведеніе это очень глубоко по своей идеѣ и очень напоминаетъ «Преступленіе и Наказаніе» Достоевскаго.

„Вліяніе христіанства“.

Какъ пословицы, такъ и приведенные образцы сказокъ не даютъ намъ прочныхъ основаній говорить *вообще* о какой бы то ни было стройной *системѣ* міросозерцанія нашего народа: въ сказкахъ выразились лишь отдѣльные взгляды народа на жизнь,—взгляды случайные, иногда противорѣчивые. Во всякомъ случаѣ, надо думать, что христіанство своимъ культурнымъ воздѣйствіемъ дало всетаки очень сильный толчекъ къ болѣе ясному, болѣе опредѣленному рѣшенію вопросовъ о смыслѣ жизни въ пользу торжества добра.

Сказки о Судьбѣ.

Сказки о Судьбѣ-Долѣ, о Лихѣ-одноглазомъ, очень распространенныя въ народѣ и имѣющія тѣсную связь съ художественной повѣстью „О Горѣ-Злосчастьи“, также могутъ быть отнесены къ разряду сказокъ „философскихъ“. Въ этихъ произведеніяхъ слышится безотрадная покорность судьбѣ, „смиреніе“ передъ ней,—въ этомъ сказалась одна изъ самыхъ существенныхъ чертъ простонароднаго міросозерцанія—„фатализма“ [1]).

g) Сатирическія сказки. Условія возникновенія сатиры.

g) *Сказки сатирическія* и *юмористическія*. Сатира вообще есть результатъ яснаго общественнаго самосознанія,—она блестяще развертывается въ такія эпохи, когда личность вполнѣ выдѣляется изъ массы, когда извѣстная часть общества доростаетъ до опредѣленныхъ и ясныхъ идеаловъ. Только тогда возможнымъ дѣлается судъ личности надъ массой, или одной части общества—надъ другой. Вотъ почему отъ народной поэзіи, безличной по существу, мы не можемъ и требовать ясной сатиры,—здѣсь она выражается лишь въ видѣ туманныхъ намековъ. Поэтому несомнѣнно, сатирическая сказка—явленіе очень позднее; въ исторіи русской словесности можно отнести, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, возникновеніе этой поэзіи къ XVII вѣку: „Шемякинъ Судъ“, „Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ“; сатиры на судъ, администрацію и духовенство начинаются лишь съ этой поры прояснившагося русскаго самосознанія.

Общественная сатира у насъ въ XVII в.

„Женщина“

Къ „сатирическимъ“ сказкамъ относятся всѣ тѣ, которыя по-

1) Въ нашей изящной литературѣ многіе герои изъ простого народа надѣлены чертами „фатализма“. Ср., напр., образъ Каратаева въ „Войнѣ и Мирѣ“.

священы изображенію отрицательныхъ сторонъ женщины. Мужъ отучаетъ свою жену отъ пристрастія къ сплетнямъ, къ спорамъ. Затѣмъ сюда же должны быть отнесены многочисленные разсказы объ инородцахъ: у великоруссовъ — о продѣлкахъ „цыганъ“ и „татаръ“, у малоруссовъ—о „москаляхъ“ и „евреяхъ“. Къ сатирическимъ же сказкамъ принадлежатъ и анекдоты о похожденіяхъ жителей разныхъ губерній и уѣздовъ. Отъ этихъ анекдотовъ зависятъ и тѣ клички, которыми дразнятъ у насъ въ Россіи жителей той или другой губерніи и уѣзда. Особенно популярны анекдоты о смѣшныхъ похожденіяхъ глупыхъ пошехонцевъ. Почти каждый народъ выбираетъ себѣ какой-нибудь городъ, или область своего государства, спеціально для высмѣиванія особой глупости его обитателей. Такимъ городомъ въ Греціи были Абдеры, въ Германіи — Шильда, у насъ—Пошехонье.

въ простонародной сатирѣ.

„Инородцы“.

Жители разныхъ мѣстностей.

Про пошехонцевъ разсказываютъ, какъ они въ трехъ соснахъ заблудились,—за семь верстъ комара искали, а комаръ у пошехонца сидѣлъ на носу,—на сосну лазили Москву смотрѣть и мн. др.

Къ *юмористическимъ* относятся разсказы о приключеніяхъ дурака, дѣлающаго все некстати, о двухъ неудачникахъ—Ѳомѣ и Еремѣ, о богатырскихъ похожденіяхъ Ѳомы Беренникова, о ловкости батрака, обманувшаго разбойниковъ и мн. др. подобныхъ.

Юмористическія сказки.

Для примѣра можно привести краткій разсказъ: „Худо да хорошо“.

Приходитъ староста къ помѣщицѣ и, на ея вопросъ: «все ли въ усадьбѣ благополучно?»—отвѣчаетъ: «все, матушка, слава Богу! только любимый вашъ воронъ объѣлся падали».— «Да гдѣ же онъ ее нашелъ?» — «Да жеребецъ вороной палъ».—«Какъ такъ?»—«А усадьба горѣла, такъ на немъ воду возили, да загнали».— «Отчего же пожаръ сдѣлался?»—«Да какъ хоронили матушку вашу со свѣточами (факелами), такъ невзначай подожгли».

Происхожденіе сказокъ приписываютъ—1) *обще-арійскому творчеству*. Къ сказкамъ этого рода относится, главнымъ образомъ, «животный эпосъ», (сказки о лисѣ, волкѣ и медвѣдѣ). Сюда же относятся, вѣроятно, и многія изъ «миѳическихъ».

Происхожденіе сказокъ

а) обще-арійскій источникъ

Другія сказки являются результатомъ, или — 2) *русскаго народнаго творчества*, которое выразилось — a) въ созданіи нѣкоторыхъ сказокъ «миѳическихъ»—и b) въ созданіи сказокъ новѣйшихъ, бытовыхъ, сатирическихъ и юмористическихъ. Въ произведеніяхъ первой группы отразились, хотя и тускло, народныя вѣрованія въ младшихъ боговъ старой языческой вѣры (въ лѣшихъ, водяныхъ, вѣдьму). Время созданія этихъ сказокъ, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, можно отнести къ періоду послѣ-

b) русское народное творчество.

кіевскому,—къ эпохѣ соприкосновенія русскаго народа съ финнами и съ угрюмой природою сѣвера.

Сказки второй группы всѣ возникли подъ вліяніемъ новаго времени, подъ вліяніемъ развитія народа; сдѣлавшагося болѣе чувствительнымъ и воспріимчивымъ къ дѣйствительности,—теперь эта дѣйствительность судится народомъ съ точки зрѣнія опредѣленныхъ идеаловъ, нравственныхъ и національныхъ.

с) заимствованія позднѣйшія.

Или—3) *заимствованій устныхъ и книжныхъ*. Какой-нибудь бывалый человѣкъ, заѣзжій купецъ, русскій или иностранный, паломникъ, бродящій изъ конца въ конецъ Руси, веселый скоморохъ, забиравшійся иногда въ западную Европу изъ Москвы, или, наоборотъ, въ Москву изъ западной Европы, — были носителями разсказовъ самаго разнообразнаго содержанія. Такимъ путемъ востокъ и западъ равно мѣнялись сюжетами и «общими мѣстами» своихъ сказокъ. У насъ источникомъ для заимствованій были книжныя повѣсти, переведенныя съ польскаго, наводнившія русскую письменность, особенно съ XVII в., когда Москва сблизилась съ Польшей; къ нимъ принадлежатъ такія произведенія, какъ «Римскія Дѣянія», «Великое Зерцало» [1]), собранія смѣхотворныхъ анекдотовъ, средневѣковые романы рыцарскіе и «народные», судя по количеству списковъ, имѣвшіе большой успѣхъ у русскихъ читателей. Къ разряду такихъ заимствованныхъ сказокъ относятся произведенія, въ которыхъ и основная схема, и рядъ деталей, и самый сюжетъ повторяются въ повѣстяхъ (новеллахъ) разныхъ народовъ [2]). Опредѣлить, какой народъ былъ творцомъ этихъ, такъ называемыхъ, «бродячихъ» (wandernde) сюжетовъ, какой ими лишь воспользовался,—теперь нѣтъ возможности.

Мнѣніе Бенфея о происхожденіи сказокъ.

Бенфей утверждалъ, что почти всѣ древнѣйшія европейскія сказки (особенно животный эпосъ) восточнаго происхожденія: источники ихъ видѣлъ онъ въ индійскихъ сказкахъ «Панча-Тантра» (пяти-книжіе). По его мнѣнію, сказки Индіи, вмѣстѣ съ буддизмомъ, перешли въ Тибетъ, Китай, чрезъ посредство монголовъ занесены въ Европу, перешли къ русскимъ, а отъ нихъ перешли въ западную Европу.

Мнѣніе Либрехта.

Либрехтъ доказывалъ, что сказки индійскія занесены были въ западную Европу путемъ передачи не устной, а книжной. Посредниками были арабы, занесшіе сказки къ византійцамъ [3]), а эти передали ихъ западной Европѣ. Но всѣ эти теоріи очень односторонне рѣшали сложный вопросъ: самъ Бенфей чувствовалъ это и потому допускалъ возможность также и обратнаго движенія сказокъ—съ запада на востокъ: такъ разсказъ о Полифемѣ, одноглазомъ великанѣ, и о царѣ Мидасѣ, по его мнѣнію, взяты были персами у грековъ. Позднѣйшіе изслѣдователи народной поэзіи должны были признать полную хаотичность обмѣна сказочными сюжетами.

---

[1]) Истор. Хрестом. I, 297. См. 2-ой вып. I-ой части этой книги.

[2]) Это—произведенія легкаго бытового содержанія, которыя въ западной Европѣ дали въ концѣ своего развитія *новеллу*. У насъ есть такія же сказки-новеллы, содержаніе которыхъ заимствовано изъ того-же источника, что и новеллы Бокаччіо, и другихъ подобныхъ писателей.

[3]) См., напр., интересный византійскій романъ „О Каллимахѣ и Хризорроѣ“ (2-ой вып. I-ой части этой книги, стр. 17); въ немъ много сказочныхъ темъ („чудесный перстень“, „волшебное яблоко“, „драконъ“, „вѣщій сонъ“, „колдунья“).

Къ заимствованнымъ сказкамъ относятся и тѣ, которыя принесены были къ намъ «церковною письменностью»—житіемъ и апокрифомъ. Народъ отозвался на вліяніе церковной литературы *легендой* [1],—произведеніемъ, въ которомъ образы, взятые изъ св. Писанія, житій и апокрифовъ подверглись вульгаризаціи (опрощенію), опустились до обыденной обстановки обыкновенной русской жизни. Несомнѣнно, вліянію церковной книги, особенно житія, должно приписать и появленіе «*чорта*» въ русской сказкѣ. Легенды. Чортъ.

«Солдатчина» петровскаго и послѣ-петровскаго времени выдвинула въ русской сказкѣ особый народный типъ — «солдата», на всю жизнь оторваннаго отъ деревни, отъ родныхъ, обыкновенно, одинокаго, много видавшаго и знающаго, нерѣдко плута и пройдохи, который надуваетъ самого чорта. Солдатскія сказки.

Литературныя судьбы сказки. Если исторія народнаго устнаго творчества ускользала отъ точнаго хронологическаго опредѣленія, то моментъ, когда это творчество завоевало права гражданства, конечно, установить нетрудно. Это—XVII-ый вѣкъ, когда идеалы свѣтской жизни замѣтно восторжествовали надъ идеалами церковной, когда русская жизнь всколыхнулась подъ напоромъ пробудившихся новыхъ культурныхъ требованій и тѣхъ вліяній, что шли на удовлетвореніе этихъ требованій изъ юго-западной Россіи, Польши и западной Европы. Къ этому времени и народное устное творчество начинаетъ пользоваться вниманіемъ русскаго книжника,—въ XVII вѣкѣ появляются первыя записи пѣсенъ и сказокъ. Литературныя судьбы сказки.

Въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія эти записи быстро растутъ въ числѣ. Судя по ихъ количеству, у насъ популярнѣе всего были сказки объ Еруслане Лазаревичѣ и Бовѣ [2]; затѣмъ встрѣчаются сказки объ Иванѣ Царевичѣ, объ Игнатіи Царевичѣ, о Суворѣ-невидимкѣ-мужикѣ, объ Иванѣ-дурачкѣ, о Силѣ-Царевичѣ, объ Ивашкѣ-бѣлой рубашкѣ, повѣсть объ Иванѣ Пономаревичѣ, сказка о Семи богатыряхъ, сказка о Семи Семіонахъ и нѣк. др. Записи XVII в.

Этотъ интересъ XVIII-го вѣка къ народному творчеству обнаруживается въ первыхъ печатныхъ собраніяхъ сказокъ и, что особенно важно, въ литературныхъ обработкахъ ихъ въ духѣ рыцарскаго романа. Изъ русскихъ писателей XVIII-го вѣка наиболѣе извѣстны на этомъ поприщѣ Чулковъ, съ его двумя собраніями: «Пересмѣшникъ» (1766, 2-ое изд. 1783, 3-ье 1789 г.) и «Русскія сказки» (1780) и Поповъ: «Славянскія древности, или приключенія Славянскихъ Князей» (1770—1, 2-ое изд. 1778, 3-ье 1794). Дѣйствіе въ этихъ «сказкахъ» происходитъ въ баснословныя времена на Руси. Канва взята изъ западно-европейскихъ рыцарскихъ романовъ; въ эту канву вплетены общія мѣста, взятыя оттуда же, а также изъ русскихъ народныхъ сказокъ, имена героевъ представляютъ поддѣлку подъ русскія имена. Чулковъ, въ этомъ отношеніи, особенно любопытенъ: иногда цѣлыя сцены, картины берутся имъ изъ народ- Сказка въ XVIII в.

---

[1]) Истор. Хрестом. I, 136 О „легендахъ". См. подробнѣе во 2-мъ выпускѣ I-ой части этой книги.

[2]) Обѣ эти заимствованныя сказки настолько обрусѣли у насъ, что ихъ можно считать, пожалуй, и народными.

ныхъ произведеній; кромѣ того, стиль народныхъ сказокъ очень часто украшаетъ его псевдо-русскія фантазіи на чужія темы...

Чѣмъ ближе мы будемъ подходить къ XIX столѣтію, тѣмъ яснѣе опредѣляется идея сближенія культурной части русскаго общества съ народной поэзіей вообще, съ русской сказкой—въ частности. Сказка проникаетъ теперь и въ область романа, въ поэмы (въ родѣ «Бахаріаны» Хераскова), на театральныя подмостки, въ балетъ и оперу. Но лишь съ Пушкина, народное творчество понято было глубоко, уловлены были «настроенія» этого творчества, его духъ... Подъ вліяніемъ Пушкина, и Жуковскій занялся переложеніемъ русскихъ сказокъ, но эти переложенія оказались безжизненны, сравнительно съ соотвѣтствующими произведеніями Пушкина. Великій поэтъ нашъ, надѣленный свыше даромъ постигать духъ различныхъ народовъ, открылъ русскому обществу русскій народъ, «какъ Колумбъ Америку», — скажемъ, примѣняя къ нему изреченіе, вырвавшееся у него по поводу «Исторіи Государства Россійскаго»... Съ его легкой руки, и русская музыка, въ лицѣ Глинки, обратила вниманіе на народные мотивы. Сказкой воспользовался Островскій для своей поэтической драмы «Снѣгурочка». Римскій-Корсаковъ, написавшій оперу на сюжетъ былинъ о «Садко», еще недавно сочинилъ оперы на мотивы изъ сказокъ, легендъ и духовныхъ стиховъ: «Кощей» и «Китежъ». Въ живописи Васнецовъ тоже удачно пользуется сказочными темами народнаго творчества.

Сказка въ XIX столѣтіи (Пушкинъ).

Народная русская драма.

§ 24. *Зачатки русской народной драмы.* Выше было уже указано, что зачатки народной драмы наблюдаются въ свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ, въ хороводныхъ и бесѣдныхъ „играхъ“ [1]) Но, кромѣ того, у русскаго народа есть произведенія, въ которыхъ „драматизмъ“ занимаетъ главную и вполнѣ самостоятельную роль, — это святочныя представленія, до сихъ поръ съ удовольствіемъ разыгрываемыя въ деревнѣ.

Драматическій элементъ въ свадебныхъ обрядахъ.

„Драматическій элементъ“ въ свадебныхъ обрядахъ выражается въ томъ, что всѣ подробности „чина“ распредѣлены между нѣсколькими дѣйствующими лицами, которые справляютъ „игру“, согласно извѣстнымъ обычаямъ: говорятъ и поютъ только то, что принято. Кромѣ невѣсты, особенно видную роль въ томъ выполненіи „чина“ играетъ старшій дружка, братъ невѣсты, тысяцкій (посаженный отецъ), сваты и пр.; хоровую партію исполняютъ „дѣвушки“, или поѣзжане жениха — „дружки“; игра состоитъ въ томъ, что монологи-вопли смѣняются діалогами, пѣніе—разговорами. Для примѣра, можно привести нѣкоторыя подробности свадебнаго чина въ день церковнаго обряда.

Рано утромъ, послѣ дѣвишника, невѣста, одѣвшись, начинаетъ «вопить»; въ этомъ «воплѣ» она жалуется на свою судьбу. Потомъ къ ней соби-

---

1) См. выше стр. 26—27, 28, 29, 33—35.

раются дѣвушки. Мать ея приготавливаетъ свадебный «княжой» столъ. Дѣвушки въ пѣснѣ разсказываютъ, что къ дому подъѣхалъ свадебный поѣздъ, что являются враги, которые хотятъ взять дѣвушку. Когда «дружки» подъѣзжаютъ къ воротамъ, невѣста начинаетъ причитать, обращаясь къ брату съ просьбой, чтобы онъ ее защитилъ.

Братъ обращается съ вопросомъ къ дружкамъ: «Что вы за люди?» Они отвѣчаютъ: «Мы—дружки, вѣрные служки отъ князя молодого, отъ (имя жениха)». Затѣмъ дружки заявляютъ, что пріѣхали только за тѣмъ, чтобы узнать, готова-ли невѣста. Затѣмъ они пріѣзжаютъ со всѣмъ поѣздомъ; въ это время происходитъ игра, представляющая «борьбу»: поѣзжане, словно силою, врываются въ избу, иногда бьютъ домашнихъ. Они обращаются съ вопросомъ: «есть-ли въ этомъ домѣ хозяинъ?» Дѣвушки: «есть!» Дружки: «дайте намъ дубоваго стола,—поставить нашего князя подъ святые образа!»—Дружки обращаются къ дѣвушкамъ съ вопросомъ: «что вы за люди?» Дѣвушки: «молодой княгини вѣрныя служаночки!» Дружки: «гдѣ же княгиня? Отчего она не снаряжена и за столъ не посажена?» Дѣвушки: «наша княгиня въ парной баенкѣ, подъ шелковымъ вѣничкомъ!» Дружки начинаютъ торговаться, чтобы «служанки» «продали» свою «княгиню». Они кидаютъ сначала мѣдныя деньги,—дѣвушки говорятъ: «наша княгиня больше этого стоитъ. Выкиньте намъ маленькихъ, да бѣленькихъ: мы баню топили, сто паръ башмаковъ износили, косу княгинѣ расплетали. Если у васъ не сыщется золотой казны, то ваша невѣста въ зеленый дубъ посажена, золотыми ключами замкнута; эти ключи далеко спрятаны и т. д». Когда, наконецъ, дѣвушки признаютъ, что денегъ имъ дано довольно, онѣ просятъ показать имъ жениха. «Покажите намъ»— говорятъ они —

Кто краснѣя красна солнышка?
Кто свѣтлѣя свѣтла мѣсяца?

Потомъ «дружки» подаютъ пирогъ, чашку пива и мѣдную монету приговаривая:

«Дайте намъ стола,
У насъ хлѣбъ-соль своя!

Жениха сажаютъ за столъ въ переднемъ углу, рядомъ съ невѣстой. Во время ѣды дѣвушки величаютъ жениха. Онъ благодаритъ ихъ за честь. Потомъ отецъ благословляетъ молодыхъ, и поѣздъ отправляется въ церковь. Впереди поѣзда ѣдутъ «дружки», потомъ женихъ съ «тысяцкимъ» затѣмъ «бояре» и, наконецъ, невѣста со свахой. Кучеръ невѣсты нѣсколько разъ останавливается, говоря: «у саней завертки лопнули; привязать нечѣмъ!» — и невѣста должна дарить ему полотенца. Мальчишки и мужики, попадающіеся по дорогѣ, мѣшаютъ проѣхать поѣзду, и дружки бросаютъ имъ, въ видѣ выкупа, орѣхи и сласти. Послѣ вѣнчанья всѣ ѣдутъ въ домъ молодого. Происходитъ свадебный пиръ; онъ сопровождается обрядами, которые захватываютъ иногда даже утро слѣдующаго дня [1]).

---

[1]) Въ разныхъ мѣстностяхъ свадебные обряды совершаются неодинаково; приведенный здѣсь „чинъ“ пересказанъ только для примѣра.

Драматическій элементъ въ похоронныхъ обрядахъ.

Драматическій элементъ въ похоронныхъ обрядахъ не отличается такой сложностью. Эти обряды почти сплошь состоятъ изъ монологовъ-причитаній. «Вопятъ» (или голосятъ) по очереди всѣ родственницы покойнаго, при чемъ главную роль играютъ родственницы наиболѣе близкія— жена, мать, дочь...

Голосятъ, обыкновенно, въ правомъ углу избы подъ образами. Вдова, или дочь, причитываютъ, жалобясь, что «просмотрѣли» смерть, разсказываютъ, какъ коварно прокралась она въ ихъ домъ. Потомъ причитывающая съ воплями обращается къ живымъ, — или къ дѣтямъ, или къ братьямъ и сестрамъ... Когда вносятъ въ избу гробъ, она обращается къ людямъ, вносящимъ «домовину» (гробъ) и начинаетъ ихъ упрекать, что они плохо ее сдѣлали. Затѣмъ она обращается ко всѣмъ, кто входитъ въ избу, всякій разъ съ соотвѣтствующими словами. Родственницы, пріѣзжающія къ дому, вопятъ еще у крыльца, затѣмъ, при входѣ въ избу, онѣ вопятъ, обращаясь то къ покойнику, то къ живымъ. Когда покойника кладутъ въ гробъ, везутъ въ церковь, у церкви, въ церкви послѣ отпѣванья — произносятся опять соотвѣтствующіе «вопли», въ которыхъ причитывающая обращается — то къ покойнику, то къ живымъ, то къ духовенству. На могилѣ опять она вопитъ, и всѣ ее утѣшаютъ, говоря: «полно, бѣдна, слезами не воротишь вѣдь; всѣмъ тамъ быть, да не всѣмъ вдругъ; по всѣхъ у Господа порука взята! Эхъ ты, кручинная головушка!» и пр.

Драматизмъ въ „играхъ“.

Драматизмъ въ хороводныхъ «играхъ» и «бесѣдныхъ» отличается комизмомъ: это—шалости, которыя служатъ только для увеселенія молодежи. Выше была уже выяснена сущность и главныя особенности этихъ игръ, какъ, напр. «заяньки», «сѣянья проса» и др..

Святочныя представленія.

Особый интересъ представляютъ «святочныя представленія». Нашъ молодой этнографъ Н. Н. Виноградовъ записалъ до $1^1/_2$ десятковъ такихъ драмъ. Его перу принадлежитъ слѣдующая характеристика этихъ любопытныхъ произведеній, до сихъ поръ мало обращавшихъ на себя вниманіе изслѣдователей:

«Эти произведенія, очевидно, еще связаны съ XVII-ымъ вѣкомъ, такъ какъ содержаніе ихъ берется или изъ разбойничьей жизни (см. выше «разбойничьи пѣсни»), или изъ рукописныхъ переводныхъ романовъ. Быть можетъ, потому произведенія эти оказались воспріимчивыми къ вліяніямъ позднѣйшимъ, даже литературнымъ (вліяніе пушкинской поэмы «Братья-Разбойники»).

Сколько-нибудь полнаго развитія на русской почвѣ народная драма не получила. Въ значительной степени зависѣло это, вѣроятно, отъ того, что наше духовенство, запрещая разнаго рода пляски, пѣсни, игры и суевѣрные обряды, съ особеннымъ негодованіемъ и «прещеніями» обрушивалось на обычай «переряживанья» на Святки. До сихъ поръ еще въ народѣ прочно укоренилось убѣжденіе, что «рядиться» значитъ— «принять на себя бѣсовъ образъ», совершить великій грѣхъ, очиститься отъ котораго можно только купаньемъ въ крещенской «Іордани».

«Театральный сезонъ» у народа отличается чрезвычайной краткостью (27 декабря—4 января) и самый репертуаръ народной драмы довольно скуденъ,—онъ охватываетъ всего около полутора десятка пьесъ, причемъ

многія изъ нихъ являются лишь варіаціями на одну основную тему. Да особеннаго разнообразія и не требовалось. Въ теченіе годового промежутка пьеса забывалась достаточно, чтобы казаться интересною на слѣдующія Святки. Много помогалъ этому и обычай свободно обращаться съ текстомъ пьесы и стремленіе каждаго исполнителя внести въ исполненіе что нибудь «свое», новое. Вслѣдствіе этого получалось громадное разнообразіе въ текстахъ, записанныхъ въ одной и той же мѣстности въ теченіе короткаго промежутка времени.

Наиболѣе популярной въ народѣ пьесой является, такъ называемая, «Лодка». Въ первичномъ видѣ—это не что иное, какъ передача въ драматической формѣ содержанія извѣстной разбойничьей пѣсни: «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ» [1]. Эта «игра» на разбойничьи мотивы пришлась по душѣ народу и получила очень широкое распространеніе въ народныхъ массахъ. „Лодка".

Все содержаніе «Лодки» взято изъ похожденій волжской «вольницы» и представляетъ собою драматизованный разсказъ объ разбойническомъ набѣгѣ на богатаго помѣщика. Дѣйствующими лицами являются: атаманъ, эсаулъ, разбойники, Неизвѣстный (иногда носящій самыя разнообразныя имена), богатый помѣщикъ и его семья. Съ пѣніемъ какой-либо разбойничьей пѣсни входятъ исполнители въ избу и, безъ всякихъ приготовленій, начинаютъ игру. Атаманъ приказываетъ эсаулу поскорѣе построить «косную лодку». Актеры мимически представляютъ постройку лодки и затѣмъ заявляютъ, что лодка готова. Атаманъ со всей шайкой дѣлаетъ видъ, что входитъ на лодку, и приказываетъ спѣть любимую пѣсню—«Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». 12 человѣкъ исполнителей садятся по два въ рядъ прямо на полъ, оставляя между собою пустое пространство, по которому расхаживаютъ «Атаманъ» и «Эсаулъ». Сидящіе, раскачиваясь взадъ и впередъ, въ подражаніе гребцамъ, запѣваютъ названную уже пѣсню, съ перерывами. Во время перерывовъ «атаманъ» и «эсаулъ» ведутъ между собою различные разговоры, съ цѣлью посмѣшить зрителей. По окончаніи пѣсни Атаманъ посылаетъ Эсаула на носъ лодки смотрѣть, нѣтъ ли на Волгѣ какой-либо «помѣхи». Эсаулъ идетъ и докладываетъ о томъ, что онъ видитъ. Атаманъ, какъ-бы не разслышавъ, для потѣхи публики, говоритъ совсѣмъ о другомъ. Напр., Эсаулъ кричитъ: «Смотрю, гляжу и вижу: на водѣ колода!» Атаманъ: «Какой тамъ чортъ—воевода! будь ихъ тамъ 100, или 200,—всѣхъ ихъ положимъ вмѣстѣ. Я ихъ знаю и не боюсь, а если разгорюсь,—еще ближе къ нимъ подберусь; Эсаулъ-молодецъ! возьми мою подозрительную трубку, поди на атаманскую рубку, посмотри на всѣ четыре стороны: нѣтъ ли гдѣ пеньевъ, кореньевъ, мелкихъ мѣстъ, чтобы нашей лодкѣ на мель не сѣсть! Гляди вѣрнѣй, сказывай скорѣй!»... Вдругъ слышится пѣніе — «Среди лѣсовъ дремучихъ разбойнички идутъ»... Атаманъ приказываетъ Эсаулу привести къ себѣ пѣвца. Неизвѣстнаго приводятъ; онъ въ горячемъ монологѣ [2]) разсказы-

---

[1]) Съ теченіемъ времени, діалогическій элементъ получилъ преобладающее значеніе, а, наряду съ основной пѣсней, стали распѣваться другія пѣсни подходящаго содержанія.

[2]) Монологъ этотъ часто является передѣлкой извѣстнаго монолога изъ „Братьевъ-Разбойниковъ" А. С. Пушкина.

ваетъ всю свою жизнь, какъ сдѣлался разбойникомъ и, въ заключен..., проситъ атамана принять его на службу. Атаманъ говоритъ эсаулу: «запиши, это будетъ у насъ первый воинъ»—и приказываетъ снова смотрѣть впередъ... Наконецъ, эсаулъ видитъ на берегу село. Атаманъ кричитъ: «приворачивай, ребята, ко крутому бережочку!»—и посылаетъ эсаула съ «неизвѣстнымъ» на развѣдки. Въ селѣ живетъ богатый помѣщикъ. Съ пѣсней: «Эй, усы, вотъ усы! Атаманскіе усы!», разбойники грабятъ помѣщика, и представленіе кончается криками разбойниковъ: «Жги, пали богатаго помѣщика».

Съ теченіемъ времени, въ различныхъ мѣстностяхъ пьеса все болѣе и болѣе осложняется новыми дѣйствующими лицами, число которыхъ доходитъ до 20. Вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣняется и самое содержаніе пьесы, такъ, что отъ «Лодки», въ концѣ концовъ, остается только тема—изображеніе разбойничьей жизни, пѣсня «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»... и монологъ «неизвѣстнаго». Но эти пьесы («Атаманская Шайка», «Черный Воронъ», «Шайка разбойниковъ», «Улусъ-Атаманъ» и др.) не пользуются такой популярностью, какъ «Лодка», отчасти вслѣдствіе сложности ихъ постановки, отчасти вслѣдствіе значительнаго числа дѣйствующихъ лицъ и женскихъ ролей.

„Царь Максемьянъ".

Не меньшей популярностью въ народной средѣ пользуется и общераспространенная народная драма: «Царь Максемьянъ и непокорный сынъ его Одольфъ». Она отличается болѣе серьезнымъ сюжетомъ и большей роскошью обстановки. Грозный царь Максемьянъ, «происходившій всѣ четыре стороны и покорившій весь земной шаръ», женится на «Кумирической Богинѣ», перемѣняетъ вѣру христіанскую на магометанскую и приказываетъ своему любезному сыну Адольфу также поклониться «кумирическимъ богамъ». Но юноша-Адольфъ является горячимъ защитникомъ православной христіанской вѣры. «Не брошу я вѣры христіанской», говоритъ онъ, «не возьму вашей магометанской: я ваши боги подвергаю подъ свои ноги, въ грязь ихъ топчу и знать не хочу!» Тогда царь Максемьянъ приказываетъ отвести своего непокорнаго сына въ темницу, чтобы онъ тамъ «одумался» [1]). Но юный Адольфъ непреклоненъ. Трижды отецъ призываетъ его къ себѣ, спрашивая, не одумался ли онъ, и трижды получаетъ одинъ и тотъ же насмѣшливый отвѣтъ. Раздраженный царь приказываетъ привести рыцаря Брамбеуса для того, чтобы казнить непокорнаго сына. Брамбеусъ отказывается, но царь Максемьянъ грозитъ ему самому такою же участью. Адольфъ передъ смертью прощается со всѣмъ свѣтомъ: «Прощай, цвѣточекъ алый; прощай, весь свѣтъ бѣлый; прощай, земля сырая, прощай ты, мать родная!»... и т. д. Брамбеусъ сноситъ ему голову, но, вслѣдъ за этимъ, закалывается и самъ. Убійство сына не проходитъ даромъ царю Максемьяну. Появляется смерть и подкашиваетъ его косою, несмотря на самыя униженныя мольбы объ отсрочкѣ, хотя бы на три минуты. Злой царь Максемьянъ наказанъ, народная совѣсть удовлетворена и представленіе кончается.

Эта пьеса, появившаяся въ первой половинѣ XVIII столѣтія, пред-

---

[1]) Ср. историческую пѣснь „Семейная жизнь Петра Великаго", выше стр. 97—8.

ставляетъ собою драматическое изложеніе нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ апокрифическаго житія св. великомученика Никиты. Первоначальный текстъ этой пьесы, постепенно сокращаясь въ серьезной части, все болѣе и болѣе осложнялся вставками комическихъ и рыцарскихъ сценъ. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ можно найти цѣлыя сцены изъ народныхъ же драмъ — «Аника-воинъ и Смерть», «Лодка», и «Вертепное дѣйство». Такъ, наиболѣе понравившаяся пьеса втягивала въ себя все лучшее (по мнѣнію народа) изъ другихъ представленій. Такимъ же серьезнымъ характеромъ отличается и отмѣченная выше драма: «Аника-воинъ и Смерть». Непобѣдимый воинъ хвастается своею силою, утверждая, что нѣтъ для него супротивника. Появляется смерть съ косою и умерщвляетъ его, не смотря на униженныя мольбы объ отсрочкѣ. Сюжетъ этой пьесы взятъ изъ очень распространеннаго въ старинной литературѣ сказанія «Пренія живота (жизни) съ смертью».

Наконецъ, въ народной средѣ ходитъ въ разсказахъ и разыгрывается во время святокъ цѣлый рядъ «водевилей», имѣющихъ своею цѣлью исключительно потѣху слушателей. Въ нихъ, обыкновенно, изображается разговоръ промотавшагося помѣщика съ своимъ слугою, или управляющимъ; отвѣты слуги (или управляющаго) выставляютъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ глупость и бѣдность промотавшагося помѣщика. Этого рода діалоги представляютъ собою сатиру на дворянъ-помѣщиковъ и создались, вѣроятно, въ періодъ крѣпостного права.

§ 25. *Заключеніе.* Характеристика различныхъ видовъ народнаго творчества, сдѣланная выше, приводитъ къ нѣкоторымъ выводамъ: 1) записи народныхъ произведеній начинаются только съ XVII-го вѣка, и, если бы не было „Слова о Полку Игоревѣ", мы не могли составить себѣ никакого представленія о творчествѣ Кіевской Руси, 2) серьезное изученіе народной поэзіею начинается только съ половины XIX столѣтія, 3) самое изученіе это всегда страдало и до нашихъ дней страдаетъ односторонностью, — собиратели народныхъ произведеній всегда гнались за старыми *былинами*, опуская безъ вниманія другія произведенія. Вслѣдствіе этого о современномъ творчествѣ народа мы имѣемъ лишь случайныя свѣдѣнія; только въ самое послѣднее время обнаружился къ нему серьезный интересъ (см. выше §§ о современныхъ пѣсняхъ, о драмѣ). Выводы.

4) Старое творчество никакихъ шансовъ на дальнѣйшее существованіе не имѣетъ,—оно не развивается, не переходитъ въ новыя поэтическія формы, не заполняется новымъ содержаніемъ, а просто *умираетъ*, вытѣсняемое книгой и новымъ творчествомъ; былина уступаетъ свое мѣсто историческимъ пѣснямъ, тѣ смѣняются бытовыми, а въ наши дни и старыя бытовыя уступаютъ свое мѣсто „частушкѣ" и „романсу". Только на окраинахъ

живутъ еще старыя произведенія, до тѣхъ поръ, пока волна культурной жизни не смоетъ ихъ.

5) Даже случайный подборъ народныхъ произведеній, имѣющійся въ рукахъ изслѣдователя, позволяетъ отмѣтить, что народныя произведенія распадаются на группы съ миѳологическимъ содержаніемъ, бытовымъ, историческимъ и чистолитературнымъ.

6) Первая группа произведеній (обрядовая поэзія) указываетъ на существованіе двухъ моментовъ въ исторіи русской миѳологіи (Кіевская Русь и Сѣверо-восточная).

7) Остальныя группы народныхъ произведеній позволяютъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія о взглядахъ русскаго народа на природу (мистицизмъ), на вопросы философскіе (судьба), моральные (добро и зло, смиреніе въ жизни, торжество униженныхъ и оскорбленыхъ), на религію (двоевѣріе). Впрочемъ, стройной системы въ народномъ міросозерцаніи пока мы не можемъ уловимъ,— передъ нами отдѣльные моменты не отстоявшагося міросозерцанія.

8) Меньше данныхъ даетъ народная поэзія для опредѣленія историческаго міросозерцанія русскаго народа (только Смутное время ясно опредѣлило это міросозерцаніе). Народъ больше интересуется анекдотомъ и личностью, чѣмъ идеей событія.

9) Народная поэзія сохранила черты самыхъ различныхъ культурныхъ слоевъ (отъ матріархата до обособленной личности). Эта спутанность слоевъ отразилась и на содержаніи былинъ и сказокъ, и въ обрядахъ, напр., свадебныхъ).

10) Проясненіе личности особенно сказалось въ разбойничьей лирикѣ и въ современной пѣснѣ.

11) Наконецъ, наблюденія надъ судьбами народной поэзіи позволяютъ заключить о томъ, что въ поэтическихъ вкусахъ русскаго народа преобладаютъ реалистическія наклонности (смѣна былины исторической пѣсней, бытовой и современной; отъ образовъ религіозныхъ, сказочныхъ, фантастическихъ замѣчается тяготѣніе къ героямъ земнымъ, обыкновеннымъ; особый интересъ къ сказкамъ юмористическимъ и бытовымъ).

12) Во всякомъ случаѣ, значеніе народное творчество имѣетъ гораздо больше художественное, чѣмъ миѳологическое, философское и моральное. Такія произведенія, какъ былины и сказки, по преимуществу, произведенія поэтическія съ очень сложной литературной судьбой.

Если не всѣ выводы, сдѣланные здѣсь, отличаются достато-

чной увѣренностью, то причина этого, главнымъ образомъ, кроется въ недостаточности и случайности собраннаго матеріала. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что народная поэзія не есть что-то неподвижное, окаменѣлое и, въ сущности, довольно нехитрое и простоватое. Въ ней вѣками кипѣла жизнь, то усиливаясь, то слабѣя, то заимствуя чужое, то развиваясь самостоятельно. Въ этомъ круговоротѣ поэтической жизни трудно разобрать, откуда вливаются новыя струи, когда и какъ сливаются онѣ съ другими, куда онѣ метнутся и что̀ выбросятъ. Многія стороны жизни нашего народа нашли себѣ отраженіе въ его поэзіи: народъ сумѣлъ отвѣтить въ своемъ творчествѣ и на первые запросы своей эстетики и своей мысли, сумѣлъ въ ясныхъ образахъ воплотить свою радость и горе, высокія стремленія и самыя низменныя... Жизнь этого творчества не менѣе сложна, чѣмъ творчество нашихъ поэтовъ и романистовъ—тѣ же законы тяготѣютъ надъ нимъ, хотя провѣрить эти законы нелегко. Любить народную поэзію есть за что, а изучать ее—долгъ всякаго русскаго человѣка!

БИБЛІОГРАФІЯ [1]).

Сборники произведеній народнаго творчества.

Пѣсни обрядовыя. Шеинъ, „Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ“ (Спб. 1900). О. Миллеръ „Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности.

Пѣсни свадебныя и похоронныя. Агренева-Славянская, „Описаніе русской крестьянской свадьбы“ (М. 1887). Пѣсни русскаго народа, собр. въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 г., запис. Ѳ. М. Истомина (Спб. 1894). Сахаровъ, „Пѣсни русскаго народа“ ч. I, II (Спб. 1838—9). Якушинъ, „Народныя русскія пѣсни“ (Спб. 1865). Барсовъ „Причитанія сѣвернаго края“ (М. 1872).

Заговоры. Майковъ Л., „Великорусскія заклинанія“ (Спб. 1869). Ефименко, „Сборникъ малороссійскихъ заклинаній“ (М. 1874).

Былевая поэзія. Гильфердингъ, „Онежскія былины, (Спб. 1895—98). Кирѣевскій П., „Пѣсни“ (М. 1860—74). Рыбниковъ, „Народныя пѣсни“ (М. 1861—67). Марковъ, „Бѣломорскія былины“. Григорьевъ, „Архангельскія былины и истор. пѣсни“. Ончуковъ, „Печорскія былины“. Тихонравовъ и В. Миллеръ, „Былины старой и новой записи“ (М. 1894).

Историческія пѣсни. Кромѣ указ. собраній Рыбникова, Кирѣевскаго, Антоновичъ и Драгомановъ, „Историч. пѣсни малорусскаго народа.

Бытовые пѣсни. Соболевскій, „Великорусскія народныя пѣсни“ 7 т. (Спб. 1895—1901).

---

[1]) Сообщаю здѣсь наиболѣе существенныя сочиненія и изданія, которыя полезно имѣть въ фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекахъ. Болѣе подробную библіографію можно найти у Пыпина въ „Исторіи русской литературы“ и въ книгѣ Мезьеръ: „Русская словесность“ (Спб. 2 ч. 1899).

Пословицы и поговорки. Даль, „Пословицы русскаго народа“ (Спб. 1879). Иллюстровъ, „Сборникъ россiйскихъ пословицъ и поговорокъ“. Снегиревъ, „Русскiе въ своихъ пословицахъ“.

Загадки. Худяковъ, „Великорусскiя загадки“ (М. 1861). Садовниковъ, „Сборникъ загадокъ“.

Сказки. Аѳанасьевъ, „Народныя русскiя сказки“ (М. 1873 и нов. изд.). Садовниковъ, „Сказки и преданiя Самарскаго края“ (Спб. 1884). Худековъ, „Великорусскiя сказки“ (М. 1860—63). Эрленвейнъ, „Народныя сказки“ (М. 1863). Рудченко, „Народныя южно-русскiя, сказки“ (К. 1869—70).

Духовные стихи. Безсоновъ, „Калики перехожiе“ (М. 1861—64). Варенцовъ „Сборникъ духовныхъ стиховъ“ (М. 1860).

Легенды. Аѳанасьевъ, „Народныя русскiя легенды“ (М. 1859).

Хрестоматiя. „Историческая хрестоматiя по исторiи русской словесности“ В. Сиповскаго, ч. I.

Пособiя общаго характера.

Пыцинъ. „Исторiя русской этнографiи“, т. I—II.

Владимiровъ. „Введенiе въ исторiю русской словесности“.

Порфирьевъ. „Исторiя русской словесности“.

Келтуялла. „Курсъ исторiи русской литературы“ ч. I.

Галаховъ. „Исторiя русской словесности“, 2 т. (во 2-омъ изд. 1894 г. статьи А. Веселовскаго, Морозова, О. Миллера, А. Кирпичникова).

Буслаевъ. „Историческiе очерки русской народной словесности и искусства“, 2 т. (Спб. 1861).

Буслаевъ. „Лекцiи по исторiи русской литературы“ („Старина и новизна“ кн. VIII и X. М. 1904—5).

Тихонравовъ. Сочиненiя 3 т. (М. 1898).

Покровскiй. „Историческая Хрестоматiя“ (М. 1887—8).

Милюковъ. „Очерки по исторiи русской культуры“ (Спб. 1897).

Изслѣдованiя по народной поэзiи.

Миѳическая и обрядовая поэзiя. П. Милюковъ, Древнѣйшiй бытъ славянъ. Религiя славянъ, („Книга для чтенiя по исторiи ср. вѣковъ“, проф. Виноградова). Буслаевъ, „Сравнительное изученiе нар. быта и поэзiи“, (Русск. Вѣстн. 1872—3). Вс. Миллеръ, „Очерки арiйской миѳологiи“. Веселовскiй А-ръ, „Розысканiя въ обла-

сти дух. стиховъ". Потебня, „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ" (М. 1865 г.). Потебня, „О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ". (Древности Моск. Археол. О-ва, т. II). Потебня, „О купальскихъ огняхъ" (М. 1867). Аничковъ, „Весенняя обрядовая поэзія". Сумцовъ, „Научное изученіе колядокъ и щедрівокъ" (Кіевск. стар. 1886). Фаминцынъ, „Божества древнихъ славянъ" (Спб. 1884). Фаминцынъ, „Богиня весны и смерти" (С. 1895). Сумцовъ, „О свадебныхъ обрядахъ" (Х. 1881). Потебня, „Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ", 2 т.; Сумцовъ, „Заговоры" (Х. 1892). Аѳанасьевъ, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу" (М. 1865—69). Забѣлинъ, „Исторія русской жизни" (М. 1879). Котляревскій, „О погребальныхъ обычаяхъ у славянъ" (Собр. соч. изд. Ак. Н.). Снегиревъ, „Русскіе простонародные праздники" (М. 1838). Терещенко, „Бытъ русскаго народа" (Спб. 1848). А. Коринфскій, „Народная Русь" (М. 1901). Максимовъ, „Нечистая, невѣдомая и крестная сила" (Спб. 1903). А. Веселовскій, „Сравнительная миѳологія и ея методы" (В. Евр. 1873).

Былевая поэзія. Веселовскій, „Южно-русскія былины" (Спб. 1881—4); его-же: „Разысканія въ области духовныхъ стиховъ". Дашкевичъ, „Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ" (К. 1883). Ждановъ, „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи"; его-же: „Русскій былевой эпосъ" (Спб. 1895). Л. Майковъ, „О былинахъ Владимірова цикла" (Спб. 1863). Вс. Миллеръ, „Очеркъ русской народной словесности" (М. 1897); его-же: „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса". (М. 1892) Ор. Миллеръ, „Илья Муромецъ и богатырство Кіевское" (Спб. 1869). Халанскій, „Великорусскія былины Кіевскаго цикла" (В. 1885). Халанскій, „Южнославянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ" (3 ч.). Аксаковъ К. „Богатыри временъ вел. кн. Владиміра" (Собр. соч.). Миклошичъ, „Изобразительныя средства русскаго эпоса" (М. 1845). Аристовъ, „Объ историч. значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ". Вейнбергъ, „Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Вас. Грозномъ". Буслаевъ, „Историческіе очерки" (объ истор. пѣсняхъ и сказкахъ). Лобода, „Былины о сватовствѣ". Лобода, „Русскій богатырскій эпосъ".

Бытовая поэзія. Костомаровъ, „Великорусская народная пѣсенная поэзія" (В. Евр. 1872); его-же: „Семейный бытъ въ произвед. южнорусск. народнаго пѣсеннаго творчества" (Спб. 1890). Потебня, „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи" (Х. 1860). Костомаровъ, „Очеркъ быта и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст." (1889).

Сказки. Колмачевскій, „Животный эпосъ на западѣ и у славянъ" (Каз. 1882). Буслаевъ, „Славянскія сказки" (Историч. очерки). Котляревскій, „Русскія народныя сказки" (Собр. соч.). Веселов-

скій, „Сказки объ Иванѣ Грозномъ“ (Др. и Нов. Россія 1876). Барсовъ, „Петръ Великій въ сказкахъ Сѣв. края“. (Труды этногр. отд. Моск. О-ва ест., антроп. и этногр. IV). Пыпинъ, „Русскія народныя сказки“ (От. Зап. 1856, № 4—5).

Пословицы. Буслаевъ, „Русскій бытъ и пословицы“ (въ книгѣ: Истор. очерки). Бѣловъ, „Народный умъ въ пословицахъ и поговоркахъ“ (Ист. В. 1885); его-же: „Русская исторія въ народныхъ поговоркахъ и сказаніяхъ“ (Ист. Вѣстн. 1886). Иллюстровъ. „Сборникъ россійскихъ пословицъ“. Потебня, „Изъ лекціи по теоріи словесности; басня, пословица, поговорка“ (X. 1894).

Томъ II. Выпускъ 1-й. Русская литература XVIII—XIX в. Изданіе 4-е. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Выпускъ 2-й. Русская литература начала XIX в. Изданіе 2-е. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Выпускъ 3-й. Русская литература начала XIX в. Изданіе 3-е. Ц. въ перепл. 60 к.

Томъ II. Выпускъ 4-й. Русская литература 20—30-хъ годовъ XIX вѣка. Изданіе 2-е. Пушкинъ и Гоголь. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Томъ II. Выпускъ 5-й. Русская литература 30—40-хъ годовъ XIX вѣка. Кольцовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій. Ц. въ перепл. 1 р. 40 к.

Томъ III. Выпускъ 1-й. Русская литература 40—60-хъ годовъ XIX вѣка. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р.

Томъ III. Выпускъ 2-й. Русская литература 40—60-хъ годовъ XIX вѣка. Л. Толстой и Ѳ. Достоевскій. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р.

Томъ III. Выпускъ 3-й. Русская литература 60—70-хъ годовъ XIX вѣка. Н. Некрасовъ, гр. А. Толстой. Я. Полонскій, А. Майковъ, Ѳ. Тютчевъ и А. Фетъ. Изд. 3. Ц. въ перепл. 60 к.

Томъ III. Выпускъ 4-й. Русская критическая литература XIX в. Ц. въ переплетѣ 1 р.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РОМАНА. Томъ I. Выпускъ 1-й и 2-й. Ц. 7 р.

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ. Жизнь и творчество. Съ портретомъ и автографомъ Ломоносова и съ видами: памятника его, Холмогоръ, церкви и школъ имени Ломоносова въ Денисовкѣ. Ц. 20 к.

Книги подъ редакціей **В. В. Сиповскаго:**

1. **БѢЛИНСКІЙ, В. Г.** Избранныя сочиненія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ, подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Цѣна въ папкѣ 50 к. Содержаніе: *Вступительная статья В. В. Сиповскаго. Пушкинъ*: Народность, гуманность и художественность — отличительныя черты поэзіи Пушкина. Евгеній Онѣгинъ, Борисъ Годуновъ. *Гоголь*: Повѣсти. Ревизоръ. *Лермонтовъ*: Стихотворенія *Кольцовъ*: Стихотворенія. *Мысли о литературѣ.* Поэзія, ея область и высокое значеніе. Идеализація и типы. Отношеніе поэта къ дѣйствительности.

2. **ЛОМОНОСОВЪ, М. В.** Избранныя сочиненія. Съ портретомъ и автографомъ Ломоносова и съ видами: памятника его, Холмогоръ и школъ имени Ломоносова въ Денисовкѣ. Подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Изд. 3, безъ перемѣнъ со 2-го. Ц. 30 к. Изд. 2 въ переплетѣ. Ц. 40 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено въ ученическія библіотеки низш. учебн. завед. и внесено въ списокъ заслужив. вниманія при пополненіи безплатн. народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Цѣна 60 коп. въ переплетѣ

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

у Я. БАШМАКОВА и К°.

С.-Петербургъ—Итальянская 31.

Книга имѣется у

Бр. БАШМАКОВЫХЪ

въ Казани и Москвѣ.

Фабрика Акц. Общ. „Фридл

